

Приятного чтения!

□

Моё Большое Маленькое Я

Фабио Воло

- [ВСТУПЛЕНИЕ](#)
- [1 Не забывай поливать цикламены](#)
- [2 То, чему я должен был научиться](#)
- [3 Они спали вместе?](#)
- [4 Нам все так же хорошо вместе](#)
- [5 Разговор у дома](#)
- [6 Попрошайся с ними за меня](#)
- [7 В этом не было смысла](#)
- [8 Он ни разу не бросил меня](#)
- [9 Кулон для Софи](#)
- [10 Все говорило мне об одном и том же](#)
- [11 Я ищу себя](#)
- [12 Ему без этого не обойтись](#)
- [13 Еще один раз](#)
- [14 La mulher del abraço\[1\]](#)
- [15 Как мне и говорил Федерико](#)
- [16 Новая жизнь. Даже две жизни](#)
- [17 Мои дни стали разнообразными](#)
- [18 Дорогой отец](#)
- [19 С ним такое не случится](#)
- [20 Отличный повод не идти на работу](#)
- [21 Нам в это даже трудно поверить](#)
- [22 Даже когда ее нет рядом](#)
- [23 Федерико был прав](#)
- [24 Надеюсь, что я это заслужил](#)
- [25 Упавшие ввысь](#)
- [26 Тебе лучше завязать с наркотиками](#)
- [27 Чудесное приключение](#)
- [~~~](#)
- [Сноски](#)

Фабио Воло

Моё Большое Маленькое Я

Грете

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.
Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

Борис Пастернак

ВСТУПЛЕНИЕ

Я в больнице. Сажу на неудобном стуле в больничном коридоре с окнами, выходящими во внутренний дворик. Здесь очень тихо. Кругом чистота и порядок.

Франческа лежит в палате в нескольких метрах от меня. Она вот-вот должна родить нашу дочь Аличе. Я волнуюсь. Тревога не покидает меня. Я думаю о них, думаю о себе. Я люблю Франческу. Она для меня целый архипелаг, гряда чудесных островов. Я плаваю в водах возле их берегов и забираюсь во все самые потаенные уголки. Я изучил каждый изгиб ее тела, все оттенки настроения, каждую мельчайшую подробность. Я понимаю ее молчание и ее веселье. Я запомнил море ее запахов, вкус ее поцелуев, нежный, ласковый взгляд. Мне нравится ее ровный, округлый почерк. Сияние ее обнаженных плеч и шеи, ее уши, в которые я нашепываю свои самые сокровенные тайны. Меня потрясает ее умение только одним прикосновением руки пробудить во мне ощущение вечности. Я обожаю пейзажи, которые встают перед моими глазами, когда она обнимает меня. Мне знакомы эти места, хотя я ни разу в жизни там не был. И несмотря на все мои знания, она еще продолжает поражать меня и дарить мне мгновения радостного изумления. Возможно, я кажусь слишком слащавым, сюсюкающим и патетичным, но ничего не могу с собой поделать. Думаю, это вполне естественно: наконец-то хрустальный башмачок, хозайку которого я искал годами, нашел ту единственную, которой он пришелся впору.

Франческа сказала, что любит меня, и я верю ей. Я не просто верю ее словам, я ощущаю ее любовь во многих вещах, в мимолетных жестах, в ее внимании, которое она постоянно проявляет ко мне. Она делает это совершенно бессознательно, так море не ведает, что зовется морем. Еще я понимаю, что она любит меня, потому что, когда мы вместе, мне часто хочется насвистывать или напевать. Несколько часов назад мы гуляли по улице рядом с нашим домом. Мы часто балуем себя такими минутами. Совместные прогулки по ночному городу дарят нам хорошее настроение. Мы говорим о наших чувствах, о том, как мы готовимся к рождению ребенка, самому важному этапу в нашей жизни. Делимся нашими ощущениями. Когда мы переживаем событие, глубоко затрагивающее наши души, мы по очереди спрашиваем друг друга о том, что мы чувствуем в эту минуту, — чтобы лучше сберечь этот день в своей памяти. Иногда мы просто бродим по улице, не говоря ни слова.

Мы любим друг друга, но нередко у нас появляются серьезные причины хранить молчание. Мы выходим по вечерам из дому не только из-за беременности Франчески — вечерние прогулки уже давно стали нашей привычкой. Особенно часто мы гуляем летом, потому что нам нравится ловить доносящиеся из открытых окон звуки включенных телевизоров. Иногда мы ненадолго останавливаемся и прислушиваемся, наблюдая за тенями и бликами, которые телевизионные экраны отбрасывают на стены. Сегодня вечером мы остановились напротив булочной, недалеко от дома. Стояла майская ночь, и звуков телевизоров уже не было слышно. Сбоку от булочной находится пекарня. Перед ней, на другой стороне дороги, постоянно стоит стул. Он охраняет место для парковки машины, которая приезжает за хлебом. Я сел, усадив Франческу на колени и обхватив ее рукой. Все вокруг сладко томило наши сердца: и первые проблески приближающегося рассвета, и легкий ветерок, и запах хлеба, и шум ночной работы. Я смотрел в ее глаза, в глаза, которыми я сам уже давно смотрю на мир. Приникнув к шее Франчески, я вдыхал запах ее кожи, как моряк на рассвете глубоко втягивает в себя запах моря. В ее животе почувствовалось легкое шевеление. По дороге к дому Франческа показала, что уже пришло время родов, и мы поехали в больницу. Я сижу в коридоре клиники и думаю о своей жизни, о грядущих переменах и стараюсь понять, что значит для меня появление ребенка. Ведь дети приходят к нам навсегда.

Я прокручиваю в памяти отдельные события своей жизни вплоть до сегодняшнего дня. Вспоминаю, например, с какой легкостью я мог вскинуть на плечи рюкзак и уехать куда глаза глядят.

Мы с Франческой хотели этого ребенка, однако, когда она сказала мне, что беременна, что-то во мне закричало: «Помогите! Какого — черта — подожди — еще — немного — я — не — знаю — готов ли — я — то — есть — я — хочу — ребенка — но — смогу — ли — я? Может — подождать — еще — пару — дней?»

На меня посыпались самые разные страхи, как, бывает, валяются коробки на складе. Через секунду после того, как в моей голове пронеслись эти мысли, меня охватило настолько сильное волнение, что я не мог устоять на ногах и опустился на сиденье машины. Мы танцевали на стоянке машин при ресторане, когда Франческа сообщила мне эту новость. Я был безмерно счастлив чтобы испытать большее счастье, мне пришлось бы раздвоиться. Со дня этого благоговения Франческа с каждым мгновением становилась для меня все прекраснее и прекраснее. Даже сейчас, когда я приглядываюсь к ней, я чувствую, как меня завораживает свет, который она несет в себе.

Однажды, когда Франческа была на седьмом месяце беременности, я в минуты близости с ней разглядел ее изменившееся лицо. Она была похожа на девочку. Черты ее лица как бы колыхались. Казалось, по нему пробегают легкие волны.

Когда я думаю, что тело женщины способно дать жизнь другому человеческому существу, я чувствую свое полное ничтожество. Женщина ест, пьет, и в ее теле, как в пробирке, создается новый человек. Как называется это чудо? Да... женщина. Разве все самое прекрасное на свете уже не заключено во взгляде женщины? Как все-таки странно заниматься любовью с беременной женщиной. Не говоря о набухших, готовых, как кажется, лопнуть грудях, самым необычным было ощущение тугого живота между нашими телами. Я всегда боялся раздавить моих женщин. Во время близости с Франческой я старался быть крайне осторожным. Когда она

была сверху, мне удавалось увидеть ее во всем ее блеске. Умопомрачительное зрелище. Хотя нам больше всего нравилось заниматься этим на боку, когда я прижимался к спине Франчески и сжимал ее в объятиях.

Чаще всего в такие минуты я и нашептывал ей на ухо свои сокровенные признания. Мне было приятно класть руку ей на живот, поглаживая его. Иногда я чувствовал, как внутри шевелится Аличе. В первые месяцы, когда живот у Франчески только начинал округляться, нам было очень трудно заниматься любовью. Нам казалось, что мы вторгаемся на какую-то священную территорию. Но потом в нас вспыхнула неуголимая тяга друг к другу, желание близости становилось все сильнее. Наша кожа радостно полыхала даже при легком соприкосновении.

Я знаю мужчин, которые уже в ранней юности мечтают жениться и растить детей. Мы с Франческой не женаты, и еще несколько лет назад я ни за что бы не отважился на такой шаг, потому что и представить себе не мог, что семья и дети могут иметь ко мне какое-либо отношение. Но в последнее время моя жизнь круто изменилась. Она потекла по другому руслу. Я сам переменялся. Теперь я почти ни в чем не соглашусь с тем человеком, каким я был несколько лет назад. Если бы сегодня я встретился с собой прежним, то вряд ли мы стали бы близкими друзьями. Возможно, я даже не испытал бы к нему симпатии.

Сейчас Франческа лежит в палате за стеной. Я не буду присутствовать при родах. «При свидании с любимыми прекрасно даже ожидание», — сказал я Франческе, выходя из родильного отделения. Точнее, я вышел только на одну минуту, потому что мне надо сделать несколько записей в дневнике.

1 Не Забывай Поливать Цикламены

Меня зовут Микеле, мне тридцать пять лет, и я вряд ли могу точно сказать, чем я занимаюсь. Примерно год назад я написал книгу; книжка получилась у меня неплохая, и хотя она не имела шумного успеха, тем не менее ее публикация помогла мне подписать договор на издание второй книги. До того, как я написал книгу, я работал журналистом в редакции одного еженедельника. И сейчас еще, но уже не как постоянный сотрудник, я пишу статьи для журналов, чаще всего беру интервью. Таких журналистов, как я, называют фрилансерами. В общем, это основной вид моего дохода, но в течение года мне случается перебиваться и другими побочными заработками. Я соглашаюсь на различную работу, отчего моя жизнь становится интереснее и разнообразнее. Что же касается статей, я сам выбираю темы и подыскиваю материал. Нахожу человека, у которого собираюсь взять интервью, назначаю встречу... и все остальное. В редакцию отправляю уже законченную статью, готовую к публикации.

Теперь, когда я пишу статьи по своему усмотрению, сам выбираю героя для интервью и сам распоряжаюсь своим временем, моя работа стала гораздо приятнее. Раньше, когда я был обязан весь день торчать в редакции, соблюдать установленные нормы и строгий распорядок дня, все было намного хуже. Есть вещи, которые я никогда не понимал: я мог бы выполнить работу в два раза быстрее, но, если бы я сделал это, мне урезали бы зарплату. Поэтому приходилось делать вид, что я загружен работой. Я годами быстрее всех раскладывал пасьянс на редакционном компьютере. Или лазил по Интернету, искал агентства недвижимости, которые помещали фотографии квартир, сдаваемых в аренду. Я всегда отдавал предпочтение Нью-Йорку. В те дни, когда бывало особенно скучно, я искал квартиру в Манхэттене и, найдя ее, фантазировал, как я устроил бы в ней свою жизнь. За годы постоянной работы в редакции я успел пожить чуть ли не во всех странах мира.

— Извините, сестра. Как они?

— Не волнуйтесь, все еще только начинается, как только приблизятся роды, я вам сразу же скажу...

Когда-то я и Франческа могли потерять друг друга. Дело в том, что между нашей первой встречей и сегодняшним днем, когда мы скоро станем родителями, мы некоторое время не встречались.

На самом деле у меня вот-вот должна родиться дочка от моей бывшей девушки.

Некоторые мужчины говорят, что не стоит возвращаться к бывшим подругам, потому что подогретый суп уже не такой вкусный... Ну что ж, значит, они просто не знают Франческу. Я уж не говорю о том, что мне вчерашняя еда безумно нравится. Паста в духовке, полента, овощной суп, даже пицца... это, видно, вопрос вкуса.

Вначале, когда я и Франческа только стали встречаться, мы оказались неспособны любить друг друга. Мы были похожи на двух любителей музыки, в чьи руки попал драгоценный музыкальный инструмент, на котором, как выяснилось, они не умеют играть. Только позже мы научились извлекать из него звуки.

Все осложнения в наших отношениях происходили из-за того, что мы были двумя возлюбленными, которые не сумели найти в себе ничего особенно интересного, чем могли бы поделиться друг с другом. Наши встречи позволяли нам спрятаться от чувства одиночества, мы помогали друг другу избавиться от тоски. Я, к примеру, стал мужчиной, искавшим женщину своей мечты, потому что, по сути, не нашел мечты в своей жизни. Как-то в разговоре Федерико сказал мне: «Ты должен искать не женщину своей мечты, а найти мечту для твоей женщины, иначе тебе нечего будет ей предложить. Что ты поставишь перед ней на стол?»

Федерико — это тот человек, которому я обязан своим отцовством. С ним связано мое возрождение. Франческа же обязана ему жизнью. Вряд ли мы без него снова смогли бы отыскать друг друга, прежде всего я не сумел бы найти самого себя. Возможно, я и сейчас продолжал бы плыть без руля и ветрил, даже не замечая этого. Федерико спас меня.

Мы познакомились, когда меня перевели в среднюю школу. В этот период жизни ты меняешь школу, друзей, и тебе немного страшно. Ты еще хочешь, чтобы тебя окружали твои старые товарищи по начальным классам. В первый день занятий тебе кажется, что у каждого из всех новых одноклассников какое-то странное лицо. Так всегда бывает.

«Кто они, эти мальчишки? Откуда они взялись? Как я смогу с ними подружиться, если они так странно на

меня смотрят? Не будет у меня больше таких друзей, как в начальной школе».

А уже через месяц ты даже не вспоминаешь своих приятелей из начальных классов. При первом взгляде на Федерико я решил, что он никогда не станет моим другом. Я даже не питал к нему симпатии, но закон жизни потребовал, чтобы мы вскоре стали неразлучными товарищами, раз он сразу же не расположил меня к себе, а я не понравился ему. Он был единственным сыном в семье, у меня была сестра, с которой я почти не разговаривал, так что Федерико и я стали как братья.

Часто по вечерам, вместо того чтобы идти ночевать к бабушке с дедушкой, я шел к нему домой. В тринадцать лет мы поклялись в вечной дружбе, положив руки на бетонную шишку, когда-то украшавшую старый, ветхий дом.

Это был заброшенный, совсем развалившийся дом, на его крыше, на фронтоне, стояло украшение в виде сосновой шишки. Дом превратился в сплошную развалину. Чтобы забраться на крышу и принести клятву верности, требовалось проявить большую отвагу, а это как раз и служило доказательством того, как мы дорожили нашей дружбой.

Спускаясь вниз, я поскользнулся и разодрал себе левую ногу ниже колена. Оставшийся у меня шрам скрепил нашу клятву в дружбе.

В шестнадцать лет вместе с Федерико я впервые провел каникулы один, без родственников. В первый раз мы поехали в Риччоне. Мы двинули туда, потому что в наше время считалось, что в Римини и Риччоне можно легко снять девочек. За всю неделю нам так ничего и не обломилось, не считая одного вечера, когда на дискотеке ему удалось закадрить одну девчонку из Падуи и запустить ей руку в трусики. После дискотеки в обмен на подшлемник и баллончик со сжиженным газом он дал мне понюхать свои пальцы.

Во время каникул мы сидели на мели и не раз уходили из пиццерии, не заплатив по счету. Для этого мы придумали такой трюк. Мы брали с собой из дома уже ненужные нам вещи: бумажник, связку ключей, поясную сумку или куртку — и приносили их с собой в пиццерию. Поужинав, мы оставляли их на столе, а сами выходили по одному. Официант, заметив оставленные нами вещи, особенно не беспокоился, думая, что один из нас отправился в туалет, а другой пошел к машине, или что-то в этом роде. Такой трюк всегда срабатывал. Даже когда мы уже повзрослели. Особенно в кафе и в ресторанах, где не разрешалось курить.

В восемнадцать лет, едва получив права, мы впервые поехали отдыхать на машине. Мы отправились на его красно-фиолетовом «фольксвагене-поло». Нашей конечной целью была Дания.

Мы еще не доехали до итальянской границы, а машина уже превратилась в помойку. Повсюду валялись скомканные пакеты, банки, все кругом засыпано табачными крошками. Тогда еще не появились компакт-диски, и в машине было полно кассет. Под сиденьем у нас стояла пара коробок для кассет, но в конце концов они валялись где угодно, но только не лежали там. У нас были и лицензионные кассеты, и записи, сделанные нами самими.

Для летних поездок мы записали несколько кассет с песнями. Среди них конечно же были песни Васко Росси, а на случай удачного знакомства готовилась подборка медленной музыки. Так как мы ехали за границу, то мы отбирали медленные песни на иностранных языках. Федерико приготовил кассету с музыкой группы Scorpions. Одной из наших любимых песен в той поездке была «Скука» Васко Росси, мы на всем пути распевали ее во весь голос. Про датчанок нам никто ничего не рассказывал, поэтому мы сразу были сражены наповал, как только приехали в Данию. Там самые красивые девчонки, каких мы когда-либо видели. Какое там Риччоне. В Дании мы действительно потрахались. Постоянно включали Scorpions.

На обратной дороге мы заехали в Амстердам, с нами были две новые датские подружки: Крис, моя девочка, и Анна, завоевание Федерико.

Я помню дорожный указатель на автостраде, помню, что мы где-то припарковались, после почти ничего не помню. Кусок торта, какие-то грибы. И все. Остальные воспоминания затянуло сплошным туманом.

Еще только помню, что, когда на вокзале мы прощались с нашими датчанками, мы загрустили. Нам было жаль с ними расставаться. Мы чувствовали себя влюбленными и не хотели разлучаться с ними до конца жизни. Мы пообещали, что будем писать друг другу кучу писем. ...*I love you, I love you, I love you...*

Никто из нас не отправил даже открытки с приветом.

У меня еще остались фотографии, но... кто знает, как Анна и Крис сейчас выглядят?

Иногда мне хочется встретиться с этими девочками, ставшими для меня незнакомками, чьи карточки хранятся среди кипы моих фотографий.

К двадцати годам Федерико начал продавать и сдавать внаем квартиры, нам повезло, и мы довольно скоро стали жить самостоятельно. Однажды он нашел две съемные квартиры, которые по тем временам выглядели блестящей сделкой. У каждого теперь была своя маленькая квартира, мы получили полную свободу устраивать вечеринки в любой день недели. В любой день, за исключением среды, потому что вечером по средам я всегда играл в настольный футбол «Саббатео».

По пальцам можно было пересчитать причины, из-за которых я мог отказаться от игры:

- внезапная серьезная болезнь;
- перелом пальца;
- гарантированная постель с девушкой (при условии, что раньше мне не довелось с ней переспать);
- землетрясение выше шести баллов по шкале Меркалли;
- случайное сильное подпитие, после чего я плохо держался на ногах.

В общем, я и Федерико были неразлучными друзьями до двадцати восьми лет, потом он принял важное для себя решение и уехал из города. Последние годы перед расставанием мы вели однообразную жизнь. Днем работали, среди недели куда-нибудь ходили по вечерам, в пятницу и субботу безбожно напивались, в воскресенье в основном пытались прийти в себя. Если похмелье проходило незаметно, то шли снимать девочек, если нет — то занимались самообслуживанием. Должен сказать, что у девочек мы пользовались немалым успехом, хотя Федерико везло больше, чем мне.

В конце концов, в жизни, честно говоря, обычно ничем другим, кроме этого, и не занимаются. В этой

рутине мы чувствовали себя как рыба в воде. Нам все уже было знакомо, любое событие мы могли держать под своим контролем. Поужинать можно в одном месте, пропустить по стаканчику в другом, а на дискотеку пойти в третье. Никаких проблем. Летим на автопилоте. Меня такая жизнь вполне устраивала. Мне нравилось жить в соответствии с установленным раз и навсегда распорядком, по крайней мере если говорить о внешней стороне жизни.

Но однажды наш привычный вечер закончился несколько неожиданно. После неизменного аперитива и обычного ужина я с Федерико, вместо того чтобы пойти на дискотеку, вернулся к нему домой, потому что ему больше не хотелось оставаться на людях.

В тот вечер за ужином он почти не разговаривал. Он сидел за столом и постукивал ножом по бутылке с водой. Не выдержав, я в конце концов отодвинул от него бутылку, но он даже не взглянул на меня, не сказал ни слова, а немного погодя вновь стал стучать, уже по бутылке с вином.

Когда мы вошли в дом, мы взяли по бутылке пива и расселись по своим местам. Я на диване, он в кресле. Мы немного перемыли косточки знакомым, которых встретили на площади, обменялись глупыми сплетнями по поводу пары нашумевших измен, о которых тогда судачили все кому не лень, потом Федерико снова умолк. Он неподвижно устремил взор на бутылку с пивом, пытаясь ногтем содрать с нее этикетку. Я спросил: не случилось ли у него какие-либо неприятности? Он сразу же ответил, что с ним все в порядке, потом, немного помолчав, заговорил, не прерываясь, будто тронулся или бес в него вселился:

— В чем смысл нашей жизни? Я в своей жизни пока еще не разобрался. У меня есть ощущение, что я не зря появился на этой чертовой планете, что я должен сделать что-то важное, но вот только не могу понять что... Ты не знаешь, как угадать, в чем твое предназначение? То-то и оно... мне кажется, что я впустую трачу свою жизнь. Вчера мне было шестнадцать... и вот, бац, мне уже двадцать восемь.

— Извини, о каком смысле ты говоришь?

— Да ладно, не прикидывайся... это твое предназначение, твое призвание, твой талант, способность выразить себя. В общем, твое нутро, то, что у каждого есть за душой и что отличает нас от других людей, смысл твоего появления на свет, смысл жизни, черт его знает, что там еще...

— Вот оно в чем дело... Ты что, впал в детство, подсыпал в пиво толченую погремушку или отупел? Кризис тридцатилетия у тебя наступил в двадцать восемь?

— Даже не знаю, как тебе ответить. Но я же говорил, я чувствую, что должен сделать что-то важное в своей жизни, пусть не для всего человечества, так по крайней мере для себя, хотя я все еще не догадался, что это будет. Только я своей нынешней жизнью сыт по горло, я чувствую в себе силы, которые рвутся из меня, но мне никак не удается высвободить их, так что, чем бы я ни занимался, мне в конце концов становится скучно.

Федерико отпил пива из бутылки, облизал верхнюю губу, как это обычно делают те, кто носит усы, хотя усов у него не было, и внезапно взорвался:

— Хватит! Все! Хватит! До чего же мне все опостылело, ведь должен быть выход из этой ситуации, ведь мы заслуживаем большего, чем просто торчать на площади и пить. Мы и так слишком долго этим занимались, у нас нет права повторять одну и ту же ошибку, мы не можем застрять здесь и вести серую, заурядную жизнь. Я на самом деле хочу высвободить эти силы, прежде чем они покинут меня, иссякнут, угаснут, а мой зад навеки прилипнет к дивану.

— Мне кажется, у тебя действительно кризис тридцатилетия наступил в двадцать восемь. Я всегда говорил, что ты опережаешь всех в своем развитии.

— Иди ты к черту! Хватит меня подначивать, лучше помоги мне разобраться. Или я на самом деле тронулся, или все остальные сошли с ума? Что за дерьмовая жизнь, Микеле, я продаю квартиры, бога ради, ничего плохого в этом нет, зарабатываю неплохо, но весь день я только и делаю, что повторяю людям то, что они и сами видят, прибавляя лишь *прекрасный* или *прекрасная*. «Здесь у вас ваша прекрасная ванна, тут прекрасное окно, а вот здесь прекрасная газовая колонка...» Я говорю то, что само по себе очевидно, — продолжил Федерико. — Ты когда-нибудь задумывался, насколько это нелепо? Я все жду, когда какой-нибудь клиент мне ответит, что он не бестолочь и сам прекрасно видит и окно, и ванну. Будь честен со мной, скажи правду: разве тебе не надоело делать одно и то же, ходить в одни и те же места и видеть одних и тех же людей? У тебя временами не возникает ощущения, что можно стать кем-то большим, что на самом деле жизнь — это нечто более важное? Ты пишешь хорошие статьи — но неужели тебя трогает то, что ты делаешь? Пару месяцев назад ты написал статью о том, как поддерживать физическую форму, используя предметы домашнего обихода. В журнале была фотография домохозяйки, которая занималась гимнастикой с полторалитровыми бутылками с водой... Черт побери, Микеле, но такая работа не для тебя.

— Ну и что мне прикажешь делать? Если от меня требуют написать на эту тему статью, я ее пишу. Я не могу каждый раз отказываться, и потом, не я же выбираю материал.

— В любом случае, дело вовсе не в этом, а в том, что мне осточертела такая жизнь и опостытели все эти вечеринки.

— Вечер был сегодня не слишком удачный, да и ужин тоже не ахти какой, с этим я согласен. Ты и сам почти рта не раскрывал, но все-таки посидели мы не так уж плохо, даже посмеялись немного.

— Я сидел напротив одной женщины, она посасывала сигарету из пластика, потому что хотела бросить курить... нам что, об этом стоило говорить? Девушка Карло завела разговор о том, нужно ли отмечать День святого Валентина. А он назвал ее киской... КИСКА! Никакая она не киска, а кошка, бегущая за котами. После получаса ее болтовни у меня появилась резь в яичках, я из-за нее кожу себе стер под коленями о край стула. А в конце она сказала, что в среду сбудется мечта ее жизни: она с котиком пойдет выбирать новую кухню. Кухня новой модели может стать мечтой двадцатисемилетней женщины? Меня сейчас вырвет... Какую разницу ты видишь между этим субботним вечером и тем, что был неделю назад? Только одну: вместо того чтобы идти в «Гэлэкси», мы вернулись домой. И все. Мне всего двадцать восемь лет, а я уже живу иллюзиями водителя трамвая... пропади оно все пропадом! Нет, я так быстро не сломаюсь.

— Водителя трамвая? Видно, с тобой на самом деле что-то не то... Передай мне пива.

— Это с тобой что-то не то, если ты ничего не понял. Ты знаешь, Микеле, что делает водитель трамвая?

— Я всегда вздрагиваю, когда ты называешь меня по имени. Ну и что ты хочешь от меня? Чтобы я водил трамвай?

— Нет, ошибаешься. Это только кажется, что вагоновожатый ведет трамвай, что он управляет своим вагоном, а в действительности он всего лишь тормозит и разгоняется. Под трамваем лежат рельсы. В лучшем случае вагоновожатый регулирует скорость трамвая, да и то отчасти, потому что есть остановки и требование соблюдать график движения. Все великое многообразие жизни сведено к двум функциям: разгоняться и тормозить. И только. Вот и мы живем иллюзией, будто что-то решаем в нашей жизни.

— Федерико, все в действительности не совсем так, как ты говоришь, ты все-таки впадаешь в пессимизм. Мы порой смеемся, нам часто бывает весело, наша жизнь не такая уж беспросветная, как ты считаешь... в общем, я не жалуюсь.

— Какое убожество! Я не жалуюсь. Мы пришли в этот мир, чтобы вдребезги разбить его, а ты мне говоришь «я не жалуюсь»... Микеле, ты можешь думать как хочешь, но меня уже давно мучит одно желание: я хочу отдаться порыву, хочу ощутить всю полноту жизни, хочу ринуться вперед, упасть и взмыть ввысь. Я уже давно думал об этом, и наконец решился: почему бы нам не испытать себя и свою жизнь, не поиграть с ней?

— Я тебя не совсем понимаю. Что, черт возьми, значит поиграть с жизнью? Мы скорее должны поступать как раз наоборот. В нашем возрасте пора уже расстаться с играми и задуматься о серьезных вещах. Ну, не знаю, найти себе постоянную подружку, образумиться, жениться, завести детей, жить не на съемной квартире, а взять ссуду и купить свою собственную. Ты же знаешь, что снимать квартиру — это все равно что бросать деньги на ветер, потому что в конце концов у тебя не будет ни дома, ни денег. Наши родители в нашем возрасте уже растили детей. Быть может, тебя как раз и беспокоит, что в двадцать восемь лет мы еще не добились видимых результатов. Это что-то вроде биологических часов, только на мужской манер. Если бы ты был женщиной, ты сейчас мечтал бы о ребенке.

— Ну да, у меня в двадцать восемь лет кризис тридцатилетия и женский кризис на мужской манер... Я что, результат генного эксперимента? Все верно, мы должны сделать то, о чем ты говорил, но не с этого надо начинать, нельзя сначала надеть ботинки, а потом носки. Я не против этой идеи, но всему свое время и свое место. Посмотри, например, на Маурицио. В двадцать семь лет он ушел от родителей и женился на Лауре. А разве тебе, черт возьми, не хочется перед этим повидать мир? Хочешь провести всю жизнь на одном квадратном километре? Разве это не печально? Он ушел из одного дома и сразу же обжился в другом, как больной, которого переводят из палаты в палату. К тому же он женился на девице, которая успела покрутить с каждым из нас. Наши женщины как шарики в пинболе: вначале с одним, потом с другим, и прежде чем выйти замуж и закатиться в лузу, они успевают обстучать все борта. Я не против своего домика, кофеварочки, конторки, женушки...

— Ну уж нет, раз ты говоришь «домик», «конторка», «женушка», значит, ты все-таки против, ведь, употребляя уменьшительные суффиксы, ты насмехаешься над этими понятиями. В любом случае, зачем Маурицио надо отправляться в кругосветное путешествие, если он встретил свою невесту рядом с домом? Пожалуй, ты так говоришь, потому что пока еще не нашел женщину своей мечты.

— Хорошо, если ты на самом деле так считаешь, если ты говоришь то, что думаешь, то я тут же перестану разговаривать с тобой об этих вещах, тогда нам лучше просто болтать о сексе. Я ведь говорил тебе о том, что в жизни есть вещи более серьезные.

— Послушай, Федерико, самое серьезное, что я могу сейчас сделать, это встать и уйти домой.

— Ну, тогда постарайся понять, о чем я тебе говорю. Когда я представляю себе свое будущее, я вижу уже вполне определенную картину... Я хочу держать в руках нити управления своей жизнью. Я не желаю превращаться в водителя трамвая. Я выйду там, где захочу, я пойму, к чему я стремлюсь, в чем мое предназначение. Быть может, я открою для себя, что мне действительно предначертано продавать дома. Но при этом именно я буду вести свою игру с обществом. Это совсем не то, что сидеть за игровой приставкой. Я не хочу превращаться в одного из тупых великовозрастных младенцев, которые забавляются «стрелялками» и чувствуют себя героями, но бледнеют от страха, стоит только подруге сказать, что у нее уже на три дня задерживаются месячные, или даже пытаются смяться.

— Федерико, честно говоря, не знаю, что тебе ответить. Мы пришли сюда попить пива, а ты заводишь разговоры, которые мы уже вели в прошлом, только вкладывали в них другой смысл. Как прикажешь понимать, что теперь это будет игра? Да приди же ты в себя наконец! И что я, по-твоему, должен делать? Сидеть молча в гараже и ждать, когда ко мне снизойдет некий голос и скажет, что я должен стать космонавтом, колбасником или художником? В конце концов, я просто стараюсь жить так, чтобы чувствовать себя комфортно, — что еще, кроме этого, я должен делать?

— Я тебе это говорил не для того, чтобы ты принимал какое-то решение. Я тебе просто объясняю, что не собираюсь больше тратить свое время на выпивку в барах, если до этого я не успел сделать ничего важного для себя лично. Завтра я начинаю работу над самим собой... Мне лишь хотелось узнать, будешь ли ты моим попутчиком в этих поисках, — добавил Федерико. — Только и всего. Вот что мне было нужно.

— Только и всего, черт возьми! Ты выплеснул на меня целый океан идей. У меня сейчас голова пойдет кругом. Давай выйдем погуляем?

Мы снова вышли из дому и здорово выпили. Я меньше, чем он.

Федерико сказал, что решил надраться, потому что на следующий день после попойки у него начнется новая жизнь.

В тот вечер, когда я вернулся домой, мысли мои сильно путались.

В течение последующих дней мы не возвращались больше к этим разговорам. Наша жизнь катилась тихо и мирно, как и раньше, если не считать того, что Федерико почти перестал выходить на улицу. Большинство вечеров мы проводили дома, чаще всего у него. Однажды вечером мы должны были встретиться в девять часов у меня на квартире, но в начале одиннадцатого Федерико еще не пришел. Я позвонил ему, но он не ответил. Странно, что он не предупредил меня. Будь это обычный вечер, я не стал

бы беспокоиться, но это была среда, и игроки в настольный футбол уже собирались в зале. Если в среду он опаздывает, то обязательно дает мне знать.

На мгновение я вижу себя восьмилетним: я стою перед школой и жду маму, а она все не идет. Я начал волноваться.

Ладно, землетрясение отпадает — тогда какая из четырех оставшихся причин помешала ему прийти? Он напился? Договорился встретиться с клиенткой, чтобы показать ей квартиру, а после осмотра они занялись сексом на полу в пустом доме?

Раньше с ним такое случалось.

А что, если он упал дома, потерял сознание или умер? Я выскочил из квартиры и побежал к нему. Я позвонил, но никто мне не открыл. Двери в наших домах закрываются автоматически. Их не надо запирать ключом. От сквозняка они часто захлопываются, поэтому я храню связку ключей от его квартиры, а он от моей.

Конечно, каждый из нас мог бы держать запасные ключи в машине, но, как уже не раз случалось, воспользовавшись ими, мы забывали отнести вторые ключи в машину. Разумеется, рано или поздно все кончалось тем, что и они оставались в квартире вместе с основными ключами. Я взял ключи, открыл дверь и вошел внутрь, боясь натолкнуться на тело смертельно пьяного или мертвого Федерико. Дома его не было.

Квартира была прибрана тщательнее, чем обычно. Все стояло на своих местах, даже в раковине не валялись грязные тарелки и вилки. Куда бы Федерико ни уезжал, он всегда перед отъездом убирался в доме.

На кухонном столе лежала записка для меня:

«Привет, Мики. Я решил испытать себя. Не забывай поливать цикламены».

2 То, Чему Я Должен Был Научиться

Итак, в двадцать восемь лет я и Федерико пошли двумя разными путями. Пресловутый экзистенциальный перекресток. Фактически каждый из нас стал *alter ego* другого. Федерико выбрал дорогу, я — дом. Он целиком отдался приключениям, не ведая, что ждет его впереди. Я, напротив, предпочел спокойную и надежную жизнь.

Еще несколько лет назад я был не в силах принять любое решение, которое сулило перемены в моей жизни. Я был раздавлен страхом. Мне было восемь лет, и я ходил в третий класс начальной школы имени Кардуччи. Учился я в третьем «А» классе.

После звонка я вышел из школы и, как всегда, встал у ворот рядом с бетонной тумбой.

Вот уже несколько дней моя мама, выписавшись из больницы, стала наконец забирать меня из школы.

В тот день она опаздывала, я уже успел попрощаться со всеми моими товарищами. С ними и с их родителями. Наша учительница тоже уже ушла домой. Только я один остался стоять перед школой. На меня обратил внимание наш сторож Сильвано, когда подошел закрыть калитку. Он поздоровался со мной, обратившись ко мне по имени. Он хорошо знал меня, потому что я был его постоянным клиентом, когда во время перемены он из-под полы продавал горячие фокаччи.

— Сильвано, подожди, не закрывай, пусть мальчик на минуту зайдет в школу.

— Микеле, проходи, тебя зовет директриса.

— Я не могу, я жду маму, она должна прийти за мной. Она будет волноваться, если не увидит меня.

— Я оставляю калитку открытой, а когда твоя мама подойдет, я скажу ей, что ты в школе.

Пока я поднимался по лестнице, направляясь в кабинет директрисы, я старался догадаться, что же я такого сделал. Я разволновался и перепугался, хотя так и не смог понять почему.

«Неужели нашли жвачку под крышкой моей парты? Или по почерку догадались, что это я написал на дверях туалета *Фабрицио Метелли из третьего „Е“ дурак?*»

Как только я вошел в кабинет, директриса надела пальто и сказала мне, что моя мама не смогла прийти и она сама проводит меня домой.

Я не слишком обрадовался тому, что мне придется идти вместе с ней, но у меня все равно вырвался вздох облегчения.

По дороге она ласково пыталась разговаривать со мной, но в детстве с посторонними людьми я всегда держался скованно, поэтому отвечал ей односложно: «да» или «нет». За всю дорогу я сказал ей только одну фразу: «Вы не туда идете».

— Я веду тебя не домой, а к бабушке, там тебя уже ждут.

Моя бабушка ждала меня перед домом. Она поблагодарила директрису, и та, попрощавшись со мной, сказала бабушке: «Мне очень жаль, у меня просто нет слов», — а потом ушла.

На лестнице я спросил у бабушки, где мама и почему она не пришла за мной. Но бабушка ничего не ответила.

Входя в дом бабушки с дедушкой, я впервые не услышал, как на кухне работает телевизор. Дедушки за столом не было, он закрылся в комнате и вышел только спустя несколько минут, а потом в коридоре о чем-то тихо переговаривал с бабушкой.

Пока я сидел за столом и ждал, что меня покормят, дедушка прошел в кухню и сказал, что у него есть ко мне важный разговор.

Говорил он очень путано. Начал с того, что моя мама была женщиной необыкновенной, что ей пришлось на какое-то время покинуть нас, потом он рассказал мне про ангелов, про Иисуса, сказал, что с этого дня она будет защищать меня и все время будет рядом со мной. В конце его слов я понял, что он просто пытался объяснить мне, почему мама не пришла забрать меня домой. Она не смогла прийти в школу, потому что улетела на небо.

В восемь лет я представлял себе смерть не так, как взрослые: я тогда не думал, что смерть приходит раз и навсегда. После разговора с дедушкой я поверил, что у мамы выросли крылья и она улетела от нас.

Мне было не только горько — я иногда сердился на нее из-за того, что она покинула меня, оставила одного и даже не подумала меня предупредить. Неужели она не могла прийти к воротам школы, где мы договаривались с ней встретиться, и попрощаться со мной, прежде чем отправиться на небо?

Мне было плохо без мамы, и я часто спрашивал себя, когда же она вернется.

Мне намного лучше жилось, когда мама была рядом. После того как она ушла от нас, я с сестрой все время проводил у бабушки с бабушкой, мы приходили к ним каждый день после школы и часто оставались у них на ночь. Иногда я плакал, потому что мне хотелось спать дома в своей комнатке, где лежали мои вещи.

Очень часто нужная мне игрушка была именно там.

Когда я потерял маму, я стал реже видеть своего отца.

Мне не нравились все эти перемены.

Теперь по утрам уже бабушка одевала нас и отводила в школу. Я быстро понял, что она не умела, как мама, покупать мне одежду и собирать меня в школу. Случалось, что в классе надо мной смеялись.

С тех пор как от нас ушла мама, я стал носить водолазки. Из акрила. Бабушка их безумно любила.

Я же водолазки ненавижу.

«Они плотно закрывают горло, если будешь их носить, не будешь болеть».

Моя старшая сестра, как девочка, пользовалась большей самостоятельностью, когда дело касалось нарядов, к ее голосу прислушивались; если же речь заходила о моем гардеробе, то я должен был молчать в тряпочку. Постоянно. К карнавалу, который готовили в доме Росселлы Бианкетти, моя бабушка сама решила смастерить мне костюм.

Могла ли она обойтись без водолазки? Нет!

Для такого случая бабушка купила еще одну новую водолазку. Белого цвета, как всегда из акрила. К ней она подобрала шерстяные брюки-трико того же цвета. Потом из тонкого красного картона она скроила опускающийся до плеч шлем с большим вырезом, из которого выглядывало мое лицо, когда я напяливал этот котелок себе на голову. Результат, по ее мнению, был ошеломляющим. Я был одет, как... чупа-чупс.

— Как чупа-чупс? Бабушка, разве это карнавальный костюм?

— Ты будешь оригинальнее всех, ни у кого на празднике не будет такого костюма.

В этом я не сомневался.

Тяжелее всего на карнавале мне было отвечать на вопрос «А ты кем нарядился?».

Единственной девочкой, не задавшей мне этот вопрос, оказалась как раз Росселла Бианкетти в костюме Белоснежки, которая, между прочим, уже несколько месяцев была моей девушкой, хотя еще не знала об этом.

Она ни о чем меня не спросила, только быстро оглядела, а потом сказала: «Зря ты вырядился спичкой».

Я после этого ее бросил.

Я до сих пор ощущаю в ногах зуд от белого трико, стоит мне только вспомнить о карнавале.

За год до этого мама сшила мне костюм ковбоя, я в нем был такой красивый, что во время праздника Золушка и Пеппи Длинный чулок даже поссорились из-за того, кто из них первой меня поцелует.

Такие перемены мне совсем не нравились, я хотел, чтобы вернулась моя прежняя жизнь, которая была при маме.

Из-за этого само звучание слова «изменения» вызывало у меня неприятные ощущения. Оно сразу напоминало мне, что жизнь у меня не слишком блестящая. Потом уже с большим трудом я выдавливал из себя страх, который сковывал меня на протяжении многих лет.

Мне были нужны не изменения, а размеренная жизнь.

Все мои решения были полностью обусловлены этим чувством страха, а тот, кто живет во власти страха, никогда не совершит поступка, продиктованного чувствами. Он скорее выберет решение, которое позволит ему приглушить в себе страх и немного успокоиться. Мне всегда хотелось держать под контролем течение своей жизни и свои поступки. Я стремился к управляемым ситуациям, как на работе, так и в отношениях с людьми, особенно с женщинами.

Я никогда не отважился бы бросить свою работу ради новой, полной риска и неизвестности жизни, как на это решился Федерико. Для меня это просто невозможно. Поэтому из-за своего страха я обрек себя на жизнь, далекую от моих внутренних устремлений. Я отказался от своего предназначения. Лишь единицы отдаются своей судьбе, и я наверняка не относился к их числу. Я жил в мире, который своим гнетом буквально сплющил меня. Я скроил свой мир, как костюм, и постепенно убедил себя, что он мне впору. Правда, иногда я замечал, что костюм мне кое-где жмет. Но в жизни ко всему привыкаешь. К надоевшей работе, к ушедшей любви, к собственной посредственности.

С увлечением я относился только к романам с женщинами. Когда я встречал симпатичную девушку, я никогда не терял голову и не лез напролом. Ради собственной безопасности я не отказывался от приключения, а всего лишь пытался управлять своими чувствами или, вернее, прятался под маской. Я выдумывал подходящий персонаж и в начале ухаживания выводил его на сцену, благодаря чему сам оставался в тени, в стороне от любой опасности. В первый раз я увидел Франческу в баре, куда зашел позавтракать. Она там работала.

Мы тогда и предположить не могли, что это мгновение стало зарождением любви, которая изменила течение нашей жизни и до сих пор связывает нас.

В отличие от большинства моих увлечений, ничего особенного в тот момент я не испытал, наоборот, наша встреча произошла в обстановке полного взаимного равнодушия. Никакого удара молнии, никаких взглядов, говорящих о родстве душ. Самые обычные рыночные отношения. Спрос и предложение.

— Что тебе принести?

— Кофе по-американски и рогалик, пожалуйста.

Я обратил на нее внимание только после того, как еще несколько раз зашел в этот бар. Можно сказать, что именно тогда я впервые увидел ее, и она меня заинтересовала. Я сидел за чашкой кофе, а Франческа стояла на улице и курила сигарету. Я через витрину смотрел на нее; ее взгляд терялся в пустоте. Это был

взгляд женщины, которой давно все наскучило. Он казался неподвижным. При встрече с незнакомым человеком у меня давно появилась привычка выдумывать для себя историю его жизни: я пытался догадаться, о чем он думает, чем живет, но прежде всего старался понять, счастлив ли он. Если только это пресловутое счастье действительно существует в жизни человека. У меня сложилось впечатление, что Франческа хотела на какое-то время отстраниться от всего, что ее окружало. Она, видимо, переживала тот момент в жизни, когда человеку просто нужно получить небольшую передышку, обрести минуту покоя, чтобы было легче прийти в себя.

И все же, несмотря на то что была она вся какая-то бесцветная, не делала привлекательных жестов, не надевала притягивающую взгляд одежду, я никак не мог оторвать от нее глаз. В ее облике было что-то магнетическое, я не понимал, в чем это выражалось, но она манила меня. Казалось, что в ней таилась какая-то необыкновенная сила, которой только надо было дать выход. Я был, наверное, самым закрепощенным на свете человеком, но мне всегда хотелось освободить человечество от его оков. Возможно, это происходило самопроизвольно. Я не нашел в себе сил для собственного освобождения, зато пытался раскрепостить мир, даже не имея нужных для этого инструментов.

В общем, что-то внутри Франчески, без сомнения, сковывало ее и мешало ей выглядеть живой. Я подумал, что мне надо подойти к ней.

Я рассчитался и вышел из бара.

Когда я оказался напротив нее, наши глаза встретились, она улыбнулась мне пустой, дежурной улыбкой, я же несколько мгновений не мог оторвать от нее глаз, а потом, чтобы побороть смущение, попросил у нее сигарету, хотя уже бросил курить. Она открыла пачку и жестом предложила мне самому взять сигарету. В ее движении не было и намека на любезность, она даже не взглянула мне в лицо. Никаких эмоций. От нее веяло холодным равнодушием. Я отошел в сторону, потом опять вернулся к ней. Не решившись сказать то, о чем думал, я попросил у нее огонька. Она протянула мне зажигалку. Я не курил уже почти два года. Я поблагодарил, снова, как кретин, уставился на нее и только потом отошел.

Помню, что по дороге к дому я испытывал чувство досады. Ее равнодушие меня слегка задело.

Я уже вернулся домой, а Франческа все никак не выходила у меня из головы. Мои нервы совсем расшалились.

«Почему я без конца думаю о ней? Мне что, делать больше нечего?»

Я часто возвращался в бар и старался не мозолить ей глаза. Эти посещения не таили для меня никакой опасности, потому что она не обращала на меня никакого внимания, можно сказать, что она смотрела сквозь меня, словно я был стеклянным. Если бы я голым подошел к стойке бара и заказал чашку кофе, Франческа просто уточнила бы — кофе с молоком или обычный? И не сказала бы ничего больше.

Наконец, я решил перейти в атаку. Я начал подсовывать записки под «дворники» машины Франчески. По крайней мере, записки нельзя было считать прозрачными. Я оставлял для нее стихи, разные интересные мысли, придуманные мной фразы. Как-то я составил список покупок, приписав, что мне было бы приятно отправиться за ними вместе с ней. Однажды я послал ей в бар букет нераскрывшихся еще тюльпанов. В каждый тюльпан я вложил крошечную записку. Через несколько дней, вернувшись домой, она обнаружит на столе записки, неожиданно выпавшие из распустившихся тюльпанов. Одним словом, совершал обычные, полные пафоса, докучливые поступки, на которые может решиться только крайне заинтересованный человек.

Потом меня охватили сомнения. Я подумал, что такие знаки внимания от незнакомца могут напугать ее или вызвать у нее раздражение.

«Вдруг я веду себя как маньяк? Или просто ей надоедаю?»

В следующей записке я написал: «Дело в том, что ты меня сильно заинтересовала. Однажды я встретил тебя и с тех пор стал постоянно о тебе думать. Я не могу понять, почему это случилось. Я никакой не маньяк. В любом случае, если эта игра тебя раздражает или пугает, я немедленно ее прекращу. Тебе достаточно завтра надеть что-нибудь желтое, как тюльпаны, которые я послал тебе. Пока».

На следующий день я пришел в бар и увидел, что ничего желтого на ней не было, она даже браслет не надела.

Наша игра продолжалась еще некоторое время. Записки я писал Франческе не каждый день, потому что иногда она оставляла машину прямо напротив бара. Однажды вечером я пошел на какую-то вечеринку на дому. Болтая с приятелями, я мельком заметил среди спящих голов лицо Франчески. Ее глаза на мгновение остановились на моем лице. Наши взгляды встретились. Потом она повернулась и продолжила разговор с друзьями. Я тут же подумал: раз я для нее невидимка, она, вероятно, смотрела на стену сзади меня.

«Ну, хорошо, сейчас я скажу ей, что это я оставлял записки», — промелькнуло у меня в голове, но вместо этого я сделал вид, что ничего не заметил, и пошел за выпивкой; однако время от времени я тайком на нее поглядывал. Довольно скоро мне стало скучно, и я решил уйти с вечеринки. Я начал искать Франческу, чтобы еще раз попрощаться с ней взглядом, но не нашел. Я сделал круг по дому, мне захотелось проверить, не целуется ли она с кем-нибудь в полутемном углу гостиной. Во мне уже проснулась ревность... Бесполезно, Франчески не было видно. Едва я вышел, как столкнулся с ней на улице перед домом. Ее подруга спросила, не смогу ли я довести их до площади, где они оставили машину.

— С удовольствием, — ответил я с готовностью.

К счастью, ее подруга меня видела, для нее я не был стеклянным.

В машине Сильвия села рядом со мной, а Франческа устроилась сзади. Неожиданно она спросила у меня:

— Можно курить в машине?

Я кивнул:

— Да, конечно.

Я не люблю, когда курят в машине. Как бывший курильщик, я не выношу запаха табачного дыма, но на этот раз я смалодушничал. Я произвел бы скверное впечатление, если бы ответил ей: «Нет, лучше не

курить».

«Я скажу ей это потом, когда мы будем вдвоем, когда у нас будут дети — одним словом, когда между нами возникнут более близкие отношения», — подумал я.

— Хочешь сигарету?

— Нет, я больше не курю.

— И давно?

— Уже почти два года.

— Но ты же месяц назад просил у меня закурить.

«Черт возьми, я не невидимка, она меня заметила», — вскричал я мысленно. А вслух произнес:

— Это был срыв, да и сделал я всего несколько затяжек. Так, значит, ты помнишь обо мне, а я думал, что ты меня не замечаешь...

— Да брось, ты единственный приятный парень из всех, кто приходит в наш бар.

— Вот как...

Наступило молчание. Я не знал, что сказать. Я сосредоточился на дороге, а через некоторое время с улыбкой посмотрел на Франческу в зеркало.

Мое сердце трепетало от радости.

— Я рано ушел, потому что вечеринка была немного скучноватой, но домой мне не хочется, поэтому предлагаю чего-нибудь выпить?

— Мы скорее проголодались, можешь отвезти нас перекусить?

Живущий во мне акробат, реагирующий на силу моих переживаний, колесом завертелся по арене. А сердце готово было выскочить из груди. Мы поехали в пиццерию, заказали пиццу, выпили пива, а потом прогуливались вдоль портика, поглядывая на витрины закрытых магазинов. Меня просто раздувало от счастья. Мурашки бегали по животу. Я уже давно не испытывал таких ощущений. Никто не попадался нам навстречу, город опустел. Мне захотелось, чтобы проехала поливальная машина и вымыла улицу. Спустя некоторое время она показалась из-за угла. Все было превосходно, все сливалось в удивительную гармонию. Теплый вечер, неяркие краски зданий, свет, отражающийся на влажной брусчатке, две смеющиеся девушки, подшучивающие надо мной. Они смеялись так, как умеют смеяться подруги, которым для смеха достаточно только переглянуться. У таких подружек есть свой код, состоящий из взглядов и ключевых слов, они неожиданно раздражаются смехом, а ты рядом с ними чувствуешь себя болваном. В общем, ночь была удивительной, мы еще немного побродили по площади, а потом сели на ступеньки городского собора. Меня только слегка корбило то, что обращался я к Франческе, а отвечала мне Сильвия. «Ну что ты встречаешь, я же не тебя спрашиваю» — так и хотелось ее оборвать. Франческа, казалось, погрузилась в свои мысли, и если она с чем-то была не согласна, то особенно не спорила. Пару раз она меня поправила, когда я оговаривался. Я смотрел на эту молодую женщину, и у меня создавалось впечатление, что она способна дать мужчине все что угодно, но подарков от нее не жди.

Еще до того, как начал заниматься рассвет, мы пошли завтракать. Перекусили пиццей, на сладкое взяли сдобные рогалики. Когда мы подошли к машине Сильвии, я спросил у Франчески, не будет ли она возражать, если я провожу ее домой.

— Лучше говорить *довезу до дома!*

— Ну, извини. Тогда, если ты не против, я довезу тебя до дома?

Она улыбнулась, посмотрела на Сильвию и пошла со мной. Наконец-то мы одни. Подъехав к ее дому, мы не вышли из машины, а продолжали разговаривать. Я предложил ей послушать мои записи. По крайней мере, с музыкой я чувствовал себя увереннее. Мне захотелось поцеловать Франческу. В ту минуту это было мое единственное желание. Как мне хотелось прикоснуться к ее губам, почувствовать их вкус! Я сгорал от желания раскрыть тайну ее первого поцелуя.

Она оставила мне номер своего телефона и вышла из машины. Я ждал, пока она не дошла до подъезда. Мне не терпелось включить зажигание и рвануть с места как ракета, настолько я был рад нашему свиданию; но когда я повернул ключ, я понял, что мы слишком долго слушали музыку с выключенным двигателем. У меня сел аккумулятор. Четверть часа спустя мне помогли двое прохожих. Я толкал машину и надеялся, что Франческа не стоит у окна.

Возвращаясь домой, я поехал по окружной дороге, чтобы зарядить аккумулятор. Я уже чувствовал себя влюбленным, но влюбляться мы все способны, с каждым такое может случиться. Вот полюбить человека — это совсем другое дело.

Этому я еще должен был научиться.

3 Они Спали Вместе?

Когда я проснулся, уже наступил день, а я по-прежнему испытывал волнение и, главное, любопытство. Мне надо было знать о Франческе все. Я хотел сидеть напротив нее за одним столом, чтобы наблюдать, как она ест. Я хотел увидеть ее лицо утром, когда она только что открыла глаза. Я хотел знать, как она управляет тележкой в супермаркете: оставляет ли она ее где-то в стороне, а потом складывает в нее продукты, или все время толкает перед собой. Мне было любопытно посмотреть, как она выбирает торт в кондитерской, стучит ли она, размешивая сахар, о край чашки ложечкой, прежде чем положить ее на блюдец. Меня интересовало, в какой позе она сидит в туалете, когда писает, отрывает ли она заранее кусок туалетной бумаги, а потом держит его в руке. Мне очень нравится этот образ. Он передает чувство ожидания. Локтями она упирается в колени, рассеянно смотрит перед собой — и в то же время обрывок бумаги в руке, как залог уверенности в будущем.

Проснувшись, я остался лежать в постели, так мне было удобнее воображать жизнь Франчески. Я представил себе, что мы вместе на море. В моем воображении, собираясь на пляж, она захватила и для меня длинный цветастый платок, который можно использовать в качестве юбки или накидки. Как она могла знать, что я все время о нем забываю? Она вытащила платок из битком набитой сумки: щетки, крем,

очки, эластичная лента для волос и на дне — почему-то они всегда оказываются на дне — ключи и сигареты. В глубине женских сумок разыгрываются любовные романы между связками ключей и пачками сигарет, поэтому иногда приходится долго копаться внутри, прежде чем Они отыщутся, а все оттого, что они норовят спрятаться, чтобы подольше побыть наедине. Я видел, как она почти опустила голову в сумку, чтобы укрыться от ветра и прикурить сигарету. Еще я представлял себе, как она лежит с книгой на диване в моей комнате и ждет, когда я закончу свои дела. Возможно, главное преимущество, которое мы получаем, родившись мужчинами, состоит в том, что мы можем желать женщин, думать о них и любить их. Мне повезло. Я могу справлять малую нужду стоя и любить женщин. Разве можно требовать большего от жизни? Да, по поводу того, что мы мочимся стоя: я всегда думаю о том, как нам повезло, когда захожу в туалеты в некоторых барах. Думаю, будь я женщиной, мне пришлось бы посещать специальные курсы, превратиться в человека-паука и справлять малую нужду, цепляясь за стенку. Залезать с ногами на унитаз довольно опасно — слишком скользко.

Как только закончился мой воображаемый фильм, я встал с постели. Наконец у меня появился номер ее телефона, и я мог общаться с ней, не таясь как мышь, чтобы подсунуть записку под «дворники» ее машины. Я не знал, можно ли сразу позвонить ей. Честно говоря, мне уже хотелось, чтобы она была рядом со мной. Наверное, лучше немного подождать, подумал я мельком, но, взглянув на часы, испугался, что за это время Франческа успеет договориться о встрече с кем-нибудь другим. И тогда я пошел в душ.

Я вечно забываю вешать полотенце в ванной и вспоминаю об этом только после того, как уже вымыл руки и не знаю, чем бы их вытереть. Дело кончается тем, что я вытираю руки о халат, который висит в ванной, отчего одна пола его стала темной.

Я решил послать Франческе сообщение.

«Что ей написать? Что-нибудь забавное?»

Пожалуй, остановимся на классической форме: «Привет, это Микеле, я только что проснулся. Ты не хочешь со мной встретиться? Дай мне знать. Целую».

Нет, так не пойдет, слишком формально, а еще эта фраза «я только что проснулся» — ведь Франческа может подумать, что я, едва проснувшись, отправил ей эсэмэску... Ну и тоска... а потом «целую» в конце, это слишком фамильярно.

«Привет, это Микеле, я недавно проснулся. Если ты не возражаешь, мы можем увидеться чуть позже».

Это, пожалуй, чересчур самонадеянно, получается, что если она не возражает, то я могу дать ей шанс увидеться со мной. Фраза «Если ты не возражаешь, мы можем увидеться» звучит не слишком нахально?

«Привет Франческа, если ты согласна, я жду внизу».

Да... так я буду похож на рэпера из Бронкса. «Эй, беби, если ты готова, я жду внизу в своем шикарном лимузине». Нет, такой вариант лучше сразу отбросить.

Почему, когда человек тебе неинтересен, тебе все до фени, но, когда он тебе нравится, ты сразу тупеешь и в голове у тебя сплошная каша?

«Привет, это Микеле, если хочешь, можем увидеться, а нет, так нет. Мне осточертело выслушивать бесконечные подколы по поводу моих SMS».

Ладно, я пошутил — подумать только, если бы я на самом деле отправил такое сообщение!

В конце концов я написал, что вчера все было очень здорово и мне было бы приятно снова ее увидеть. Ни слова больше. Я написал SMS и отправил его, иначе я бы вообще не смог с ней связаться.

Итак, *ваше SMS отправлено*.

Самое противное, что, посылая сообщение человеку, который тебе дорог, ты невольно начинаешь ждать ответа с момента отправления.

«Ответь, ну, ответь же, отвечай».

Франческа не ответила. Вероятно, она отключила телефон. «Ну и что мне делать — позвонить, набрать ее номер, чтобы узнать, включен телефон или нет? А если он включен? Сообщение, да еще звонок — так я покажусь слишком назойливым. Позвонить с анонимного номера? Но если я дождусь одного звонка и сразу же отключусь, она поймет, что это я ее проверяю. Догадается или нет? Конечно, догадается!»

Иногда минуты становятся не просто минутами, а превращаются в длинный ряд реинкарнаций. За время ожидания моя душа успела переселиться тысячу раз. Я пролетел по всей пищевой цепочке. Я был комаром, броненосцем, слоном...

Надо вызвать меню «Исходящие» и посмотреть, когда отправлено последнее сообщение, чтобы понять, сколько времени уже прошло. О нет!

Я быстро набрал сообщение с помощью функции ввода текста «T9». В итоге получилось: «Мне будет приятно увидеть вас». Черт возьми, увидеть вас, а не увидеть тебя. Теперь придет и Сильвия.

Я еще раз пошел в душ, мне надо было убить время.

Из ванной я услышал звуковой сигнал: пришло сообщение. Наконец-то.

Я мокрым выскочил из душа.

«Чем занимаешься? Я умираю от скуки, если хочешь, я заеду за тобой, вместе выпьем чаю. Паола».

Можно подумать, что меня интересуют чьи-то сообщения, кроме ответа Франчески.

«Привет, Паола, я никак не могу, у меня питбуль между ног повис, я не сумею разлить чай по чашкам, давай в другой раз».

Такое оправдание ее устроит?

Подумав, я написал другой текст.

«Сегодня не могу. Жаль. Целую».

Я собирался положить мобильник на край раковины, когда произошло чудо. Пришло сообщение.

Архангел Гавриил вторично возвестил о великом явлении. Дамы и господа, Франческа мне ответила. Я рухнул на колени на коврик, лежащий в ванной, будто забил гол в финале Лиги чемпионов, и прочел: «Привет, Микеле. Я недавно встала. Сильвия устала, идти куда-то не хочет, если тебе без разницы, то я приду одна. Если захочешь, позвони. Франческа».

«Привет, Микеле». Она написала мое имя! «Если захочешь, позвони».

Чудо может произойти, даже если ты стоишь голый в ванной!

Я не хочу есть, я не хочу пить, я не устал, я ничего не чувствую, я стал резиновым, я не почувствую боли, даже если меня прищемит дверью, я неуязвимый...

Я не стал сразу звонить ей, сомнения по поводу ее отношения ко мне остались позади. Теперь я ступил на твердую землю: если я позвоню, Франческа мне ответит. Можно сказать, что все в порядке, но до вчерашнего вечера это вполне могло показаться немыслимым.

Я позвонил ей спустя некоторое время. Я лежал на кровати с телефоном на груди. Я включил «живой голос», так что казалось, что ее слова выходили из моего сердца. Она спросила меня, не смогу ли я проводить ее на рынок, где торгуют эмигранты. Конечно, я согласился и стал ждать ее у себя дома, потому что она сказала, что сама заедет за мной.

Я спешно собрался. Как только она позвонила, я сразу же выскочил на улицу, словно спустился по шесту, как пожарные. Мы шли между торговых рядов и непринужденно болтали. Я купил немного ладана и набор биопродуктов. Потом мы зашли в кондитерскую и купили пирожные, а после поднялись ко мне выпить чаю. Как только она оказалась рядом со мной, питбуль разжал челюсти и выпустил из пасти мои брюки.

Я узнал, что недавно она пережила разрыв с мужчиной. Или только собиралась расстаться с ним, я так до конца и не разобрался. В общем, он уже получил отставку, сильно переживал и настаивал на встрече с ней. Он обещал, что сделает для нее все, в чем ей не раз отказывал во время их совместной жизни, несмотря на ее просьбы. Он был готов на все, лишь бы она вернулась к нему.

— В последнее время с ним было тяжело, он страдал, мне было страшно жаль его, я чувствовала себя последней сволочью. У меня сердце разрывается, когда я вижу, как ему плохо. Я почти уверена, что между нами все кончено, но видеть его в таком состоянии, выслушивать то, что он мне говорит... Мне кажется, что он обо всем догадался, но не знаю... я в замешательстве.

— Я понимаю, что ты жалеешь его, это естественное чувство, но ты же не можешь и дальше оставаться с человеком только потому, что он страдает. Но я так и не понял, хочешь ты вернуться к нему или нет...

— Еще несколько дней назад я была уверена, что нет, но позавчера мы встретились, и он в какой-то мере переубедил меня, а возможно, и нет... я же сказала тебе, я в замешательстве. Но то, что сейчас я с тобой и мне хорошо, я думаю, уже о многом говорит.

— Да, я тоже так думаю.

— Что ты думаешь?

— Что ты запуталась. Как его зовут?

— Эудженио.

Мы еще немного поговорили, а потом поцеловались. У меня перехватило дыхание. Удивительно, до чего мне нравилась Франческа.

Мы усадились на диван и стали смотреть фильм. Потом я приготовил ужин, и мы поели у меня дома. После ужина и долгих, бесконечных поцелуев она отдалась мне. Возможно, она согласилась переспать со мной, чтобы лучше разобраться в своей ситуации, а может быть, я на самом деле ей понравился. В любом случае это было прекрасно. Я ничего не понимал, я полностью одурел от волшебных превращений жизни. У меня возникло ощущение, что все в моей жизни идет как по маслу, мне казалось, что я попал в сказку.

Несколько дней после этого вечера я звонил ей по телефону и, не говоря ни слова, ставил мобильник рядом с колонками стерео или приемником в машине. Я давал ей послушать отрывок из песни, а потом прерывал соединение. Иногда она перезванивала мне и делала то же самое. Мы потеряли голову друг от друга и испытывали от этого настоящее счастье.

Мы без усталости занимались любовью.

Но все-таки делить одну постель с женщиной еще не значит находиться с ней в близких отношениях. Иногда вначале начинают спать друг с другом и только потом становятся близкими людьми, по-настоящему узнают своего партнера. Это прежде всего относится к моему поколению. Когда-то, прежде чем сблизиться с девушкой, парень знакомился со всей ее семьей. Я уже переспал с Франческой, но близких отношений между нами пока еще не возникло.

На мой взгляд, именно туалет определяет степень интимной близости двух человек. Я могу спать с женщиной, но не могу справить нужду в ее доме, разве только сходить по-маленькому. О биде нечего и говорить: прежде чем я смогу воспользоваться им в чужом доме, я должен познакомиться с половиной семейства и соседями по дому. Я предпочитаю засунуть кусок туалетной бумаги между ягодицами, будто опускаю письмо в щель почтового ящика, и моюсь, только когда прихожу домой. Иногда я боюсь, что бумага выпадет, потому что случалось, что я не обнаруживал ее между ягодиц, а находил в одной из брючин.

Доказательством интимных отношений с другим человеком для меня служат не слова, а непринужденность, с какой я иду оправиться в его доме, и время, которое я позволяю себе провести в туалете. Чем дольше я могу там задержаться, тем более короткие наши отношения. Прошло больше месяца, прежде чем я смог разглядеть надписи на флаконах шампуня и геля для душа в туалете Франчески.

Иногда я так долго сижу в туалете, что на коленях от локтей остаются два красных пятна. Бывает, что у меня немеют ноги, точнее, правая нога, и так сильно, что, когда я встаю, я плохо держусь на ногах и вполне могу упасть на пол. Но такое случается только у меня дома, когда там нет посторонних. Потому что трудности у меня возникают даже тогда, когда я сижу в своем туалете, а кто-то чужой расхаживает по дому.

Например, когда я впервые привел Франческу к себе домой, я испытывал некоторое беспокойство. У меня не очень большая квартира, и я боялся, что, помимо характерных звуков, по комнате распространится еще и дурной запах. И поэтому, усевшись на стульчаке, я занес руку за спину и уперся пальцем в кнопку слива, словно игрок, соревнующийся на быстроту реакции, и как только я сбросил

первую бомбу, я сразу же спустил воду. Потом, воспользовавшись бумагой, я спустил воду еще раз.

Но когда я вышел из туалета, Франческа уже была в коридоре и направлялась в ванную.

«Черт возьми», — вздрогнул я. Я знал, что заходить в туалет было еще слишком рано, и мне пришлось разыграть внезапный прилив чувств.

— Иди сюда, — прошептал я ей, притянул к себе и продолжал ласкать и целовать ее в коридоре до тех пор, пока, по моим расчетам, дурной запах не отнесло за Апеннинские горы. Она, верно, подумала, что на меня накатил приступ нежности. Я же ждал, когда установится тихая, безоблачная погода.

Мы с ней встретились и на другой день, и еще через день, и каждый раз занимались любовью. На третий день, когда мы разомкнули объятия и лежали, глядя в потолок, я решился на признание:

— Я должен рассказать тебе кое-что, только не знаю, будет ли тебе это приятно.

— Что ты хочешь рассказать?

— Это я подсовывал тебе записки под «дворники» и посылал цветы.

Последовало молчание. Я испугался, что Франческа почему-либо рассердится. Но она сказала:

— Я знаю.

— Как это *я* знаю?

— Я тебя заметила на второй день. Ты у нас такой ловкий и проворный, ну прямо мраморная фигурка медведя коала.

— А почему ты мне ничего не сказала?

— Потому что это было очень смешно, а потом я хотела посмотреть, на чем же ты остановишься. Любопытство пересилило. К тому же я в то время собиралась расстаться со своим бывшим приятелем, голова у меня совсем другим была занята. И честно говоря, пока мы не провели вместе ночь после той вечеринки, ты меня не особенно интересовал.

— А почему же сейчас я тебя заинтересовал?

— Кто знает, я еще не разобралась, но ты милый, как мой мраморный коала.

— Иди ты к черту!

Мы поцеловались и снова занялись любовью. По-моему, это классно — встречаться с женщиной и с самого начала непрерывно заниматься с ней любовью. Повсюду. Говорят, что у влюбленного человека возрастает сексуальное влечение, потому что организм вырабатывает большое количество фенилэтиламина, гормона, который усиливает сексуальное наслаждение. Мы были двумя булочками с начинкой из фенилэтиламина.

Как-то днем она позвонила мне и сказала, что ей надо со мной поговорить.

— О чем? — поинтересовался я.

— Я скажу тебе, когда мы встретимся.

— Ладно, я все понял. Но это хорошая новость или плохая? О чем пойдет речь?

— Перестань, все равно мы скоро увидимся. Целую, пока.

Я обо всем успел передумать. Когда мы встретились, она сказала, что ей со мной очень хорошо. Она раньше даже не думала, что ей может быть так хорошо с человеком, с которым она только недавно познакомилась. Но она должна внести ясность в свои прежние отношения, иначе она не сможет испытать всю глубину счастья вместе со мной. Потом она сказала, что ее друг предложил ей уехать на выходные, чтобы окончательно разобраться в их отношениях.

И она согласилась.

— Ты сказала ему, что встречаешься с другим человеком?

— Нет. Я не хочу, чтобы он думал, что я ухожу от него, потому что у меня появился другой.

— Сегодня четверг, а ты... мы увидимся вечером?

— Лучше не надо, я не готова к этому. Пожалуйста, не звони мне в эти дни. Я не смогу полностью принадлежать тебе, пока не разберусь с этой историей. Я знаю, со мной вечно попадешь в переделку, ты уж извини меня...

Она ушла сразу же после извинения. Я растерялся от того, как быстро она переменялась и заговорила со мной другим языком. Она изменилась за одни сутки, стала совсем другой женщиной.

От ее слов мне стало больно. Они принесли мне страдания.

На следующий день мне удавалось всего в течение нескольких секунд сосредоточить внимание на своей работе, потом мысль о Франческе подавляла и вытесняла все остальные мысли. Когда мне надо избавиться от неприятных мыслей и переживаний, я заносу их на бумагу. Так в тот день я записал несколько фраз и мыслей, обращенных к ней, к себе, к своей боли.

Я ищу ее во всем и повсюду. Час назад она уехала с ним на два дня на море, и я не могу ей позвонить.

Я схожу с ума. Как я мог впутаться в такую историю? Почему я не остановился раньше. Но что значит «раньше»? Ведь все произошло на удивление быстро и стремительно.

Она сказала: «Не звони мне». Я тебе не звоню. Но только знай, что каждый не сделанный мной звонок, каждое не отправленное сообщение становятся знаком любви. Мое молчание говорит о чувствах, которые я испытываю к тебе. Все это время я буду осыпать тебя неуловимыми ласками. Сегодня вечером вы займетесь любовью? Наверняка! Но ты хоть немного будешь думать обо мне? Наконец наступит минута, когда он, видя, что ты ушла в себя, спросит у тебя: «Что-то случилось?»

И ты ответишь ему: «Нет, ничего».

Вы будете ссориться за ужином? Он будет вежлив и предупредителен, но это будет вежливость несчастного, отчаявшегося человека. Не позволяй себе прельститься улыбкой алчущего. Я злой? Да, я такой.

Захочешь ли ты позвонить мне?

Как я переживу эти три дня? Нет, два с половиной.

Я должен отвлечься. Может быть, напиться?

Нет! Я начинаю дышать полной грудью.

Я стараюсь набрать побольше воздуха, но он не наполняет мою грудь. У меня в легких, наверное, дырка, прокол.

Если за эти дни она мне ни разу не позвонит, то, когда она вернется, я покажу ей, что очень обижен, что я страшно на нее зол. Нет, наоборот, я буду с ней очень ласков. Она ничего не узнает о моих переживаниях.

Когда ты вернешься, я только спрошу у тебя, хорошо ли ты провела время. Но она вернется?

Вернись! Прошу тебя!

Я бросил писать и вышел из дому. Я приготовил для нее коробку. В ней были подарки: книга стихов, диск с песнями Шейлы Чандра, ладан, который мы купили вместе, и маленький глобус. К глобусу я приклеил листок со словами: «Выбери место, и мы туда поедem». Я запечатал коробку и отнес ее в бар, в котором она работала. Я отнес подарок до ее возвращения и разговора со мной. После того, что она мне скажет, этот жест, возможно, приобретет другое значение.

Я вернулся домой и снова сел писать.

Я влюблен. Я обессилен. Стальные пальцы сдавливают мою грудь. Кто-то скажет, что я страстно хочу Франческу, потому что не могу обладать ею. Не знаю. Возможно, он будет прав. Возможно, нет. Сейчас у меня нет времени думать об этом. Я думаю только о ней. Я хочу видеть ее, целовать, слышать ее голос. Прикасаюсь к ней. Лечь на нее и замереть. Я хочу, чтобы она была рядом со мной.

Что ты скажешь мне, когда вернешься? Что тебе было хорошо со мной, но ты остаешься с ним? Я готов услышать это от тебя? Нет, не готов.

Почему тебя нет со мной? Почему мы вдвоем не обсуждаем, куда пойдем поужинать, — и после ужина ты не остаешься у меня ночевать. Ты останешься у меня, Франческа?

В конце концов, я пережил эти два дня, правда, стучался головой обо все подряд. В воскресенье вечером зазвонил телефон. Это была она.

«Что делать, не ждать, сразу ответить?.. Конечно!»

— Привет, как поживаешь? Ты вернулась?

— Я хочу увидеться с тобой. Эти дни были сплошной каторгой. Ты не против, если я буду у тебя через полчаса?

— Я жду тебя.

Мне уже стало лучше. «Это была сплошная каторга» — как чудесно звучали эти слова. Я знаю, это дурное чувство — но что я мог поделать? Я два с половиной дня был обречен на молчание.

Я честно выполнил данное мне поручение, и мне было плохо. Мог я теперь хоть немного порадоваться?

Когда она пришла, мы обнялись и поцеловались.

Я стал рассказывать ей, как мне ее не хватало, она перебила меня, сказала, что эти дни были просто выброшены из ее жизни, что она все время думала обо мне и рвалась ко мне.

— Почему ты мне не позвонила?

— Потому что я хотела порвать с ним так, чтобы ты ни с какой стороны не был причастен к этому разрыву. У тебе уже сказала, что расстанусь с ним не потому, что появился ты. Ты не стал причиной моего разрыва с ним, ты стал следствием моего отношения к нему. Он, в любом случае, уверен, что у меня появился другой мужчина, я убеждала его, что это не так, потому что не хочу, чтобы он думал, что стал для меня чужим из-за другого человека. Это касается только меня и его. Он тоже должен нести свою ответственность. Возможно, ты просто ускорил время.

— Значит, вы расстались?

— Нет больше смысла оставаться вместе. Мне ужасно жаль, этот человек сыграл важную роль в моей жизни, таким я его и запомню, но все уже кончено. Не будем больше об этом говорить. Теперь я с тобой.

— Ты спала с ним?

— Прошу тебя, не будем больше об этом говорить.

— Франческа, ты останешься у меня ночевать?

— Останусь, если ты хочешь!

Как мне ее не хватало. С каким обожанием я обнимал ее после томительных дней ожидания.

Но... они спали вместе? Ладно, не будем больше об этом говорить.

4 Нам Все Так Же Хорошо Вместе

Я зашел на минуту в родильный блок взглянуть на Франческу. Странно, но она не кричала, как это обычно показывают в кино. Конечно, это не беспечная прогулка за город. Лоб ее усеяли капли пота. Я немного постоял рядом с ней, потом она попросила меня сходить в бар за бутербродами: она хотела поесть, когда закончатся роды. Я подумал, что это очередная странная прихоть роженицы, но оказалось, что Франческа действительно голодна.

Я спросил у врачей, долго ли ждать начала родов, и они сказали, что я могу не волноваться и спокойно идти выполнить ее просьбу. Я купил бутерброд в ее любимом баре, где подают соус, который она обожает. Я же его считаю отвратительным.

После того как она провела уик-энд со своим бывшим приятелем, а потом вернулась ко мне и осталась у меня на ночь, мы прожили три или четыре потрясающих месяца. Потом кривая наших отношений стала опускаться вниз, и наш пыл начал понемногу угасать. Как-то утром я встретил Джузеппе, отца Федерико, который мне сказал, что через день возвращается его сын, что перед отъездом Федерико пытался дозвониться до меня, но не смог со мной связаться. Я часто выключаю мобильный телефон и почти никогда не отвечаю на анонимные звонки. А тогда, когда он звонил мне, постоянно высвечивалась надпись, что номер не определен.

— Я сегодня пригоню мотоцикл в мастерскую твоего отца, чтобы он проверил его. Федерико собирается ездить на нем, пока будет здесь. Не успел еще приехать, а уже всем раздал задания.

У Федерико с отцом были поразительные отношения. Федерико и его отец очень любили друг друга и часто спорили. Мне было чрезвычайно забавно наблюдать за ними. Иногда они и меня втягивали в свои препирательства, обращаясь ко мне, например, так: «Ну, скажи тогда ты ему, может, тебя он послушает».

С этой фразой ко мне вполне мог обратиться и тот, и другой во время одного и того же спора.

Все объяснялось очень просто: они были удивительно похожи. Два упрянца.

Однако, когда Федерико решил все бросить и отправиться повидать мир, отец был одним из немногих, кто поддержал его и помог ему, потому что он понимал, что это значило для сына, и догадывался, что в любом случае накопленный жизненный опыт его обогатит. Возможно, Джузеппе был тем самым человеком, который больше всех остальных тосковал по Федерико. Когда он мне сказал, что Федерико вернется через два дня, я не смог скрыть своей радости. Какая приятная новость. Прошло уже пять лет с тех пор, как он уехал, и почти два года после нашей последней встречи. В прошлый раз, около года назад, когда он на одну неделю приезжал домой проездом в Париж, я как раз был в Нью-Йорке, так что нам не удалось увидеться. Но наша дружба все равно оставалась непоколебимой.

Федерико приехал на следующий день и провел его с родителями, а вечером уже сидел на диване у меня дома. Выглядел он очень хорошо, был красив, как солнечный день. Сильно загорел, а на лице все та же привычная улыбка.

Мы приготовили пасту с соусом из помидоров, откупорили бутылку красного вина и еще раз, теперь уже вместе, весело отметили нашу новую встречу.

Я не знаю почему, но во время вечера, проведенного с Федерико, у меня возникло странное ощущение, какого я не испытывал никогда раньше. Мне казалось, что я чего-то стесняюсь. Федерико сидел рядом со мной, и в его сдержанно-радостном поведении я, как в зеркале, увидел отражение своей убогой жизни. Мне трудно объяснить это ощущение, но мы больше уже не были как две капли воды. Я чувствовал себя таким же, как прежде, но он заметно изменился.

Возможно, моя досада была вызвана тем, что я осознал, что так ни разу и не попытался сойти с трамвая. Пока ты общаешься с людьми, которые, как и ты, остаются в трамвае, ты в конце концов перестаешь об этом думать. Такая жизнь становится нормой. Так, по сути, живут все, постоянно от чего-то отказываясь.

Я понимал, что последние пять лет я вел слишком однообразную жизнь. И эти годы я спокойно мог приплюсовать к другим годам, которые проводил еще вместе с Федерико. В моей повседневной жизни ничего не изменилось, не считая Франчески. Радостные минуты в моей жизни наступали или при повышении зарплаты, или с началом нового увлекательного романа. На этом можно поставить точку.

Но он, казалось, не замечал моего состояния. Только одно его присутствие рядом вызывало во мне это ощущение.

Он спросил, как идут дела у моего отца и сестры.

— У них все в порядке. Они по-прежнему живут вместе. Ты знаешь, с тех пор, как умерла моя мать, сестра с ее заботами по дому заменила ему жену.

Я рассказал ему о Франческе. Как я с ней познакомился, как нам хорошо было вместе, хотя мы и не собирались считать себя женихом и невестой. Мне совсем не хотелось говорить ему, что в последнее время наши отношения стали прохладными. Наоборот, я рассказывал о Франческе с преувеличенной восторженностью. Так некоторые женщины говорят: «Я счастлива в замужестве», хотя их никто об этом не спрашивает. Слово «счастлива» они произносят так, словно навешивают амбарный замок на дверь, за которой прячутся их истинные чувства.

Рассказывая о Франческе, я, казалось, пытался подражать таким женщинам — слишком уж много воодушевления я вкладывал в свой рассказ. Эта была единственная история, о которой я мог поведать Федерико. Я попытался перевести разговор на его жизнь. О своей мне говорить было неловко.

— ...а у тебя все вечные приключения? Женщина в каждом порту?

— Я сейчас живу с Софи. Я познакомился с ней на острове Боавишта, и она мне сразу понравилась. Она искала человека, который согласился бы помочь ей переделать старый дом в небольшую гостиницу, такие гостиницы по-португальски называются «посада». Я начал работать с Софи, и через некоторое время мы полюбили друг друга. Я спросил ее, не возьмет ли она меня в компаньоны. Она согласилась. Разумеется, моя доля вовсе не пятьдесят процентов, я такое себе не могу позволить, только небольшой пай плюс еще моя работа. И вот теперь я здесь, чтобы купить краны, дверные ручки, электрооборудование, сантехнику. Это и будет моя доля. Для этого я и вернулся.

— Я рад за тебя, сразу видно, что ты в порядке, что ты счастлив, наверное, потому что ты можешь делать то, что хочешь, и у тебя нет ни расписания дня, ни сроков.

— Дело обстоит совсем не так, как ты себе представляешь, — возразил Федерико, — хотя в любом случае счастье совсем не в том, что ты всегда можешь заниматься тем, чем хочешь, оно скорее в том, что ты всегда стремишься к тому, что ты делаешь. Честно говоря, я не знаю, счастлив я или нет, но зато я точно избавился от кучи фигни, за которой в свое время гонялся, считая, что это для меня важно... Поэтому я и хочу быть рядом с Софи, хочу разделять с ней мое новое мироощущение, — прибавил он. — Мне надо поделиться счастьем с любимой женщиной.

— Что за чушь ты несешь? Ты говоришь, как священник.

— Ну-ну... Я вчера в самолете вычитал что-то похожее из гороскопа в газете. Кстати, ты написал книгу?

— Еще нет.

— Чего же ты ждешь?

— Подходящего момента.

— Подходящего момента? Смотри, болезнь Паркинсона это тебе не шутка, так что стоит поторопиться.

Моей потаенной мечтой всегда было написать книгу. И он об этом знал. Сколько вечеров мы провели в разговорах о наших стремлениях, нашем будущем, наших ожиданиях.

Было заметно, что Федерико влюблен. Я прекрасно помню, как вел себя с женщинами прежний Федерико. Для меня он был идиолом. Бесподобный нахал. Я помню, например, то странное время, когда он жил с Мариной. Он ей все время изменял. Но делал это в присущем ему стиле. Мы в то время считали, что измена — это поступок, который мужчина может позволить себе, только если он способен на него. То есть если ты в состоянии сделать все так, чтобы тебя не разоблачили, чтобы потом тебя не мучили муки совести, иначе лучше и не пробовать. С женщинами Федерико не был честным. Он ни в грош не ставил тех, кто сначала изменяет, а затем во всем признается, уверяет, что осознал свою ошибку и отныне будет честным и искренним. Все это сплошное вранье. Такие люди не могут вынести чувства вины. Федерико, по нашей теории, был человеком, которому позволялось изменять, потому что для него измена не являлась преступлением. Однажды, проведя вечер с одной дамочкой, он заявился домой пьяным в три часа ночи, после чего Марина затеяла очередной скандал. Я знал, где он был, потому что по дороге он заехал ко мне принять душ, так как кувырчался с той девицей в машине. Он с блеском вышел из этой неприятной истории, прибегнув к первому и, возможно, единственному, непоколебимому, основному правилу: отрицать, отрицать, все отрицать. Даже перед лицом очевидных фактов!

Издерганная, с изменившимся лицом, Марина сразу же накинулась на него:

— Где ты шлялся до трех часов ночи?

— Каких трех? Ты ошибаешься, сейчас только час.

— Не придуривайся, уже три ночи.

— Да я говорю тебе, что ты ошибаешься, еще только час.

— Федерико, сукин ты сын, я не идиотка, посмотри на часы, сейчас три ночи.

Неподражаемый Федерико посмотрел на часы. Они показывали три часа...

Последовала секундная пауза, потом:

— Послушай, Марина, мне это на самом деле надоело, прекрати меня обвинять, все, хватит! Это же безумие, после двух лет нашего знакомства, а в последнее время мы вообще живем вместе, а это уж что-то да значит, — так вот, если после двух лет совместной жизни ты больше веришь часам, чем мне, то я не знаю, что и сказать тебе!

Да, эту фразу «если ты больше веришь часам, чем мне» я многие годы считал гениальной.

Я помню еще другую историю про Марину. Федерико мне рассказывал, как они в первый раз поцеловались: «У нее очень маленькая грудь, и когда я поцеловал ее и положил руку ей на грудь, Марина схватила меня за руку».

— Она стеснялась или не хотела, чтобы ты ее трогал?

— Нет, наоборот. Грудь у нее такие маленькие, что сразу я их не нащупал, тогда она сдвинула мою руку к своему соску. Они хоть и маленькие, но страшно мне нравятся.

Исчез ли мой прежний товарищ Федерико в человеке, сидевшем напротив меня? Кто знает, вдруг он еще способен поступить так же, как однажды повел себя с одной девушкой. При первой встрече он убедился, что она такая страшная зануда, какой свет не видывал. После ужина они шли по улице, а в это время к автобусной остановке подошел автобус, и за секунду до того, как захлопнулись двери, он вскочил в салон и, ничего не сказав, уехал, оставив бедняжку одну посреди улицы.

Интересно, что же такого особенного было в Софи, чего не было в других женщинах?

— А что есть в Софи такого, чего нет в других женщинах?

— Прежде всего, она настоящая женщина, а я такими понятиями не разбрасываюсь. Потом, на многие вещи мы смотрим одинаково, хотя мы совершенно разные люди. Но самое главное в ней то, что она отважилась жить в соответствии со своими идеалами. Она не боится, что может кому-то не нравиться, ей хватает смелости жить, не стараясь угодить окружающим. Когда я встретил ее, я увидел, что она счастлива. Софи счастлива вовсе не потому, что я рядом с ней. Она счастлива и помимо меня. Она любит жизнь. Тут ничего не поделаешь, мы всегда любим тех, кто умеет любить. Это закон природы.

Он помолчал и продолжил:

— Ее жизнь была наполнена эмоциями, и когда они захлестывают человека, у него появляется желание поделиться тем, что он чувствует, с другим человеком. Я же люблю Софи прежде всего потому, что ее нельзя не любить.

Мне понравилось, что Федерико, говоря о Софи, ни разу не сказал «моя девушка», «моя невеста» или что-то в этом роде. Рассказывая о ней, он всегда называл ее по имени.

— Ну что, сходим куда-нибудь? — предложил он. — А то у нас получается не разговор, а монолог. Как будто ты ведешь следствие. «Черт возьми, ты никуда меня не берешь с собой. Мне надоело быть твоей служанкой. Ты приходишь домой, на столе уже все готово, а ты хоть бы раз сказал, что тебе понравилось то, что я приготовила...»

Эту сценку мы всегда разыгрывали, прежде чем уйти из дому.

Мы вышли на улицу.

На следующий день я пораньше ушел с работы, чтобы подольше побыть с Федерико.

В первой половине дня он зашел в мастерскую моего отца за старым мотоциклом Джузеппе, а потом заехал за мной, чтобы вместе выбрать нужное ему оборудование. Вначале нам надо было купить четырнадцать унитазов. Оборудование он покупал не только для себя, но и для соседей по острову. Он умел выбирать нужные ему вещи, эта черта всегда была ему присуща.

Заказав сантехнику, мы снова уселись на мотоцикл.

— Кстати, по поводу сортиров — когда ты познакомишь меня со своей девушкой? — обернувшись ко мне, спросил Федерико.

— Свинья! Поехали, выпьем кофе в баре, где она работает, там тебе представится возможность сказать ей это прямо в лицо.

Я был доволен, что мы ехали на мотоцикле. Я мог, не стесняясь, обнять его и слегка прижаться к нему.

Когда мы приехали в бар и Федерико увидел Франческу, он тихо сказал мне: «Беру свои слова обратно».

Франческа минут пять посидела с нами за столом, потом бар стал заполняться посетителями, и она вернулась на свое рабочее место.

Я не знаю почему, но я был доволен, что в тот день Франческа надела короткую юбку. Возможно, все дело в глупой мужской гордыне.

— Ни фиги себе, какие у нее ноги... они у нее от ушей растут.

— Смотри, я об этом Софи расскажу.

— Кстати, я решил подарить ей кулон, но не хочу покупать уже готовый, мне хочется самому сделать его рисунок. У меня уже есть кое-какие идеи, но рисую я отвратительно. Поможешь мне?

— Франческа, можешь принести нам бумагу и ручку? — попросил я. — Хотя лучше карандаш.

Мы принялись делать набросок украшения, которое он придумал для Софи.

Порвав нескольких эскизов, мы наконец получили то, что ему хотелось.

— Франческа, ты не подойдешь к нам на минуту, нам надо услышать мнение женщины, — крикнул ей Федерико.

Франческе набросок понравился, и с этим листком мы поехали в ювелирную мастерскую.

Перед уходом я спросил у Франчески, не хочет ли она поужинать со мной и Федерико.

— Когда освобожусь в баре, заскочу на минуту домой, а потом приеду к вам. Вино я привезу. Пока.

Посмотрев на эскиз, ювелир попросил нас сделать более крупный рисунок, так как ему были непонятны некоторые детали, и протянул нам большой лист. Я снова уселся за набросок, но на этот раз я выполнил его за одну секунду. Теперь было уже вполне ясно и для меня, каким Федерико видел это украшение.

— Мне хочется, чтобы кулон был из белого золота. Сколько времени потребуется на работу?

— Две недели максимум. Вы должны оставить задаток в пятьдесят евро.

У Федерико на тот момент денег не было, и я заплатил за него.

Мастер дал нам квитанцию, которую я оставил у себя, потому что ювелир должен был позвонить мне на мобильный, когда подвеска будет готова, а у Федерико своего телефона не было.

По дороге мы еще заскочили в пару магазинов, а потом поехали ко мне домой.

— Я хочу сделать здесь все, что не могу сделать на Боавишта. Сходить в кино, прошвырнуться по магазинам, закупить бесполезных и глупых вещей. Хочу покататься вверх-вниз на эскалаторе.

За дни, проведенные с ним, я заметил, что он во многом изменился, но мне было приятно сознавать, что нам все так же хорошо быть вместе.

5 Разговор У Дома

Мы сидим за ужином. Я, Федерико и Франческа.

Они сразу понравились друг другу. Я торчал на кухне у плиты. Федерико приготовил бразильский коктейль каипироска. Вернее, он сделал одну гигантскую порцию в наполовину наполненной льдом салатнице, которую мы когда-то называли «потир радости». Пока я на кухне отваривал рис басмати и запекал курицу с картошкой, Федерико и Франческа болтали в комнате. Мне не все было слышно, помню только, что они много смеялись. Франческе я часто рассказывал о Федерико, и ей давно хотелось с ним познакомиться. С приездом моего старого друга мы больше не вспоминали о недавно происшедшей между нами ссоре.

— Как-то Микеле мне рассказал, что однажды вечером ты долго разговаривал с ним, а потом круто изменил свой образ жизни, уехал из города, начал путешествовать. Микеле много и часто говорит о тебе. Тебе не трудно было так резко порвать со своей прежней жизнью, где ты нашел силы для этого? Я не думаю, чтобы это было легко, ведь верно? Ты не представляешь, сколько раз я сама об этом думала.

— Вначале, конечно, было нелегко. Я ехал неизвестно куда, бросил все и всех, не знал, что ждет меня впереди. Да, сначала мне было тяжело, но потом я открыл для себя много нового, это помогло мне преодолеть первые трудности, и в конце концов я настолько переменялся, что никаких проблем у меня больше не возникает. Во всяком случае, сейчас, когда я сам все это преодолел, я могу сказать, что на такой шаг способен любой из нас. Только если ты не знаешь об этом, то сомнений и опасений у тебя намного больше, чем нужно, то есть в действительности больше пугает сама мысль, а не реальное действие.

— А почему ты принял такое решение?

— Я не знаю. Знаю только, что моя жизнь стала для меня невыносимой, я видел, насколько она бессмысленная, пустая и донельзя однообразная. А может быть, я исчерпал все свои возможности отвлечься от серой повседневности. Меня неожиданно очаровала идея пойти навстречу неизвестности... Должен сказать, это был самый умный поступок в моей жизни. Я уехал, чтобы найти вторую половину самого себя.

— И ты ее нашел?

— Отчасти да. Я не стал другим человеком, но я нашел новый образ жизни.

— Значит, сейчас ты чувствуешь себя счастливым человеком?

— Ну вот и приехали... Мы что, в клубе «В поисках счастья»? Один и тот же вопрос в течение всех дней. Даже Микеле мне его задал. Ну, допустим, если бы я умер сию минуту, можно было бы сказать, что я прожил счастливую жизнь. Особенно если мне налью еще один стаканчик.

— Федерико, а ты веришь в судьбу, в то, что в нашей жизни все уже предначертано?

— Я этого не знаю. Быть может, судьбе надо бросить вызов, совершить сумасшедший поступок, подвиг, проявить самоотверженную любовь или просто романтические чувства. Я бросил судьбе вызов, потому что хотел приподняться над самим собой, стать красивее. Пусть мне это не удалось, но зато помогло найти в себе силы сдвинуться с места. Софи говорит, что красота проявляется в том, что каждый из нас надеется когда-то стать самим собой.

Я прервал их разговор своими кулинарными сомнениями: мне было нужно, чтобы они попробовали курицу. В свое время, пусть это и сущий пустяк, мне никак не удавалось понять, готово мясо или нет. Они

оба отщипнули по кусочку. Франческа сказала, что курица еще не готова, чуть жестковата, а Федерико добавил, что хороший ветеринар смог бы вернуть ее к жизни. Я снова пошел к конфоркам... «Зато у меня будет дьявольски вкусный рис, вот увидите».

— А от бутерброда с тунцом ничего не слышно? — крикнул мне вслед Федерико.

Когда-то произошел у меня с Федерико один случай, связанный с бутербродом с тунцом. В тот год мы поехали на машине на море и в придорожном гриль-баре купили три бутерброда с тунцом. Каждому по бутерброду, а третий можно было разделить пополам. Нам никак не удавалось рассчитать нужную для нас порцию. Например, по пицце на каждого на ужин было мало, а по две слишком много, то же самое с бутылкой пива 0,33 и любимыми другими напитками. Поэтому мы всегда делали заказ на троих, а потом делили пополам.

Как ни странно, но в тот раз, умяв свой бутерброд, никто из нас не захотел есть половину третьего, мы про него забыли, и он неделю провалялся в машине, пока однажды мы не нашли его на водительском кресле. Он, видно, собирался вести машину. Мы его не выкинули, он оставался с нами на протяжении всей нашей поездки, но в один прекрасный день исчез. Я его не выкидывал, Федерико божился, что тоже этого не делал. Часто по вечерам мы воображали, как бутерброд с тунцом начал новую жизнь на новом месте. Самой правдоподобной нам казалась история о том, как он женился на фокачче и вместе они жили в штате Орегон и растили двух детей.

— Нет, никаких новостей, я только знаю, что ты был прав, потому что в прошлом году он мне прислал открытку из Орегона, и в ней — между прочим, извини, что забыл сказать тебе об этом, — была приписка с просьбой передать тебе привет.

Открытка на самом деле пришла, только прислал мне ее Федерико. Я повесил ее на работе над письменным столом.

Франческа смотрела на нас, ничего не понимая, а когда я вернулся к плите, снова обратилась к Федерико с расспросами. Скажем так, она применила к нему жесткий прессинг.

— Извини, но если, по-твоему, каждый может выстроить свою судьбу, то тогда Бога нет?

— Для меня Бог — это судьба, которая ждет нас впереди. Я верю в тайну возникновения жизни и конечно же не верю в Бога, который весь день взирает на меня и оценивает мои поступки. Я не пытаюсь вообразить себе, что такое Бог, но стараюсь увидеть его проявление во всем на свете. Бог для меня, разумеется, не алиби, чтобы забывать о собственной ответственности за свою судьбу и свою жизнь. В прошлом для меня это было только понятие, приносящее успокоение. Мысль о том, что он существует, как бы успокаивала меня.

— Я сама, например, не знаю, что именно надо сделать в своей жизни. Я не могу точно указать правильный для себя путь, но мне лучше видно, что будет правильно для других. Так бывает, когда ты едешь по автострате, а на противоположной стороне дороги тянется бесконечная пробка, образованная из-за аварии. Я похожую историю видела позавчера. Я спокойно ехала, смотрела по сторонам. Когда я доехала до конца пробки, я увидела подъезжавшие машины и хотела предупредить водителей. Я видела, как эти люди приближались к предназначенному им будущему, о котором я уже знала, Я знала, что их ждет, а они, не подозревая ни о чем, спокойно ехали вперед. Однако мне не дано знать, что случится на моей полосе. Как на самом деле понять, какая тебя ждет судьба? А потом, я не такая, как ты, я не честолюбива, у меня нет цели, которой я хочу непременно добиться, у меня нет особых способностей, я не родилась с талантом художника, музыканта или кого-то другого. К тому же я девушка, для меня бродячая жизнь совсем не то, что для тебя.

Историю про автостраду я уже слышал раньше. Я и Франческа в тот период были во многом схожи друг с другом. Нас объединяла одна общая черта, присущая всем заурядным людям: у нас имелся набор фраз или цитат, которые нам нравились, и мы часто пользовались ими, чтобы показаться остроумными или проницательными. Ее рассказ о том, что она наблюдала на дороге, действительно казался нам в свое время свидетельством большого ума. Но когда я в очередной раз выслушал его из другой комнаты, мне стало не по себе.

— То есть у тебя нет мечты, нет того, что ты хочешь или хотела сделать? — спросил у нее Федерико.

— Нет, одна мечта у меня есть. Я надеюсь, что когда-нибудь у меня будет семья.

— Семья не может быть мечтой. Семью следует создавать, чтобы разделить с любимым человеком свою мечту. Иначе человек превращается в функцию, становится средством для достижения цели и не может быть тем, кто он есть. Так поступила моя мать: она никогда не видела во мне человека со своими желаниями, своим привычками и вкусами. Часто люди, у которых в жизни ничего не сложилось, превращают семью в свое убежище.

Такая мысль явно озадачила Франческу. Ведь когда разговор заходит о семье, о любви, о детях, то, как правило, никто не возражает. К тому же, вставляя фразы, неоднократно повторяемые совершенно разными людьми, мы чувствуем себя намного увереннее, так как наши голоса вливаются в общий хор. Мы прикрываемся голосами посторонних людей. Федерико же из другого теста.

— С другой стороны, — продолжал он тем временем, — в тебе тоже есть чувства и мысли, которые ты хотела бы выразить, выплеснуть из себя. Ты ничего не знаешь о них только потому, что никогда всерьез об этом не думала. Возможно, у тебя нет таланта, но у тебя наверняка есть способности, просто, к сожалению, в прошлом ты не встретила человека, который помог бы тебе в это поверить. Или же ты тоже относишься к «марафонцам».

— То есть?

— Представь себе, что ты участвуешь в марафоне. Ты бежишь с друзьями и подругами. Наконец наступает момент, когда ты понимаешь, что у тебя легкие ноги, широкий шаг, что ты можешь еще прибавить, и тогда ты решаешь последовать за своей силой, которая влечет тебя вперед. Ты начинаешь верить в свой талант. Пробежав еще немного, ты замечаешь, что основная группа отстала. Ты оборачиваешься и видишь, что бежишь одна. Остальные сзади, все, кто подсмеивался над тобой, все они остались сзади, а ты бежишь одна, наедине с самой собой. Но ты почему-то не можешь вынести этого

одинокости, замедляешь шаг, и отстающие настигают тебя, а ты, отвергнув свой талант, притворяешься, что ты такая же, как и все. Остаешься в общей группе. Но ты другая, ты не такая, как они. Даже оказавшись среди них, ты все равно чувствуешь себя одинокой.

Федерико первым разглядел настоящую Франческу, прятанную за той девушкой, которую в ней привыкли видеть все остальные. Он увидел в ней женщину, какой она стала сейчас. Он сразу же проник в ее самую сокровенную суть.

Франческа почувствовала себя перед ним обнаженной, и единственное, что она сумела выговорить в ту минуту, было: «Ну, что же, спасибо. Но мне кажется, что ты ошибаешься. Я не выдающийся марафонец...»

Ужин получился чудесный, мы обо всем успели поговорить. И курица оказалась в меру зажаренной. Мы от души смеялись, когда Франческа рассказывала нам историю про своего гинеколога, от услуг которого она потом отказалась. Несколько лет назад, после осмотра, он предложил ей вместе пойти отдохнуть. Но Франческа нам сказала, что, когда он осматривал ее в последний раз, она почувствовала что-то необычное в его прикосновениях. Мы потрепались о шестом женском чувстве, о том, что у мужчин и женщин сексуальность проявляется по-разному. Сексуальный аппарат мужчины находится снаружи, а у женщины он расположен внутри, поэтому, утверждал я, женщина не может так же легкомысленно относиться к половым сношениям, как мужчина. Намного проще прийти в дом к чужому человеку, чем пригласить его к себе. Мне, например, не нравится впускать в свой дом всех без разбора. Я слепо уверовал в эту свою теорию, но они подняли меня на смех. Я в то время к таким своим мыслям относился с некоторым тщеславием, хвастливо выпячивал их напоказ. Франческа вспомнила, что похожая история случилась у ее подруги с психотерапевтом, и тогда мы стали гадать, какая из них гаже — когда кто-то препарирует твоё сознание или проникает в твоё влагалище?

Франческа, возможно, не такая красивая, какой я вижу ее или описываю, но она в самом деле очень привлекательная женщина, и когда в тот вечер мы спросили у нее: «Если уж гинеколог не остался к тебе равнодушен, то сколько мужчин пристают к тебе на работе в баре?», она ответила нам: «Не считая Микеле и женатых мужчин, не так уж много».

— А чем ты соблазняешь женатых мужчин? — спросил я у нее.

— Я ничем не соблазняю женатых мужчин, но в любом месте, где работают женщины, женатые мужчины пристают чаще других.

— Кстати, — обратился я к Федерико, — мы с Франческой через пару дней идем на свадьбу? Угадай, кто женится!

— Убей бог, не знаю.

— Мой кузен Лука и Карлотта.

— Они женятся? А разве они не рассорились год назад? — произнес Федерико с ехидной улыбкой.

— Они помирились. Если хочешь, я скажу ему, чтобы он пригласил тебя. Они не знали, что ты вернешься.

— Нет, не стоит. Но я позвоню им, поздравлю.

— Ты помнишь, как мы сбежали из твоего дома на вечеринку к Карлотте?

— Я больше всего помню пощечину, которую отвесил мне отец.

— Хорошо, что это был твой отец, а то досталось бы и мне.

Джузеппе заметил, что мы сбежали, и с криками примчался за нами, выставив нас перед всеми в жалком виде. Над нами еще долго после этого насмехались. На следующий день отец Федерико лег спать после обеда и попросил разбудить его в шесть часов, потому что у него была назначена важная деловая встреча. Но после пережитого из-за отца унижения Федерико перестал с ним разговаривать, он просто вошел в комнату и оставил ему записку: «Вставай! Уже шесть».

Джузеппе проснулся в восемь. Последовали новые оплеухи.

За ужином я и Федерико рассказали Франческе также о проделках и розыгрышах, которые мы вместе устраивали. Как однажды мы вылили большой флакон моющего средства в фонтан на площади, и спустя несколько минут он был весь полон пены, которая вытекла даже на дорогу. Или как приковали к столбу цепью с висячим замком велосипед ночного полицейского, пока он наклеивал извещения о штрафах к металлическим ставням на витринах магазинов.

Если же кто-то умудрялся крупно нам насолить и мы в отместку собирались разыграть с этим человеком злую шутку, то мы устраивали ему «машину с уцененными товарами» — брали всякий никому не нужный хлам: старые шлепанцы, солнечные очки, пластинки, стаканы, тарелки — и все это моментальным клеем приклеивали к капоту, дверцам, крыше машины. Но этот человек должен был быть действительно порядочным дерьмом, чтобы заслужить такую месть. Мы, в общем, только один раз это и сделали.

Но самым блестящим, да и самым удачным, розыгрышем стала «машина во втором ряду».

Однажды рядом с моим домом во втором ряду стояла машина, которая мешала выехать другой машине. Рядом с ней с недовольным лицом стоял полный синьор, который беспрерывно жал на клаксон: сразу было видно, что он долго ждал хозяина машины. Мы давным-давно мечтали о такой забаве, но устроить наш розыгрыш было не просто, надо было дожидаться подходящего случая. Должен был совпасть целый ряд обстоятельств. И вот когда возникла идеальная ситуация, наша проделка и стала самым блестящим и удачным розыгрышем.

Федерико подошел к взбешенному водителю и сделал вид, что он владелец машины во втором ряду.

— Да хватит сигналить! Ты уже всех достал, у меня скоро барабанные перепонки лопнут!

— Извини, это твоя машина?

— Да, а что?

— И ты еще спрашиваешь? Я уже десять минут сигналю, а ты подходишь и говоришь, что я тебя достал?! Живо переставь ее, пока я тебе рожу не начистил и машину твою не помял!

— Что? А ну-ка слушай меня, мордоворот! Или ты извинишься, или я не переставлю машину.

— Я тебе еще раз повторяю: или ты переставишь свою машину, или я ее тебе, тупица, разобью!

Превосходно, все шло прямо как по сценарию.

— А, так ты меня еще и оскорблять вздумал! Вот что я тебе скажу: иди ты к черту, моя машина тут и останется! Я уйду, а если тебе надо переставить ее, то сам и переставляй. Разбей стекло и вытолкай ее, вызови карабинеров, да делай что хочешь, болван, а я пошел кофе пить!

Федерико ушел. Мужчина попытался было броситься за ним, но едва Федерико свернул за угол, за которым, притаившись, стоял я, как мы моментально нырнули в подземный гараж. Конец первого акта.

Чуть погодя из окна квартиры мы видели, как мужчина стал колотить по машине, а потом выбил стекло. Он был настолько взбешен, что ему, как дикарю, в ноздрях только кольца не хватало. Пока он возился с ручным тормозом, наш шедевр приблизился к своему завершению. Подошла хозяйка машины. Крики. Карабинеры. Конец второго акта. Конец розыгрыша. Занавес.

Даже если мы тысячу раз попробуем повторить эту шутку, так удачно, по-моему, у нас больше никогда не получится.

В тот вечер Федерико долго рассказывал нам о Софи, о том, чем они занимаются. Он познакомил нас с проектом гостиницы «посада», с другими их планами, которыми они займутся в будущем. После он рассказал нам о своих странствиях, о том, что ему удалось повидать в мире.

Он рассказал, что в Перу двадцать дней жил у одного шамана. Как-то ночью они зажгли костер, и шаман велел Федерико закрыть глаза и вслушиваться в его слова. Камлание шамана позволило ему испытать незабываемые ощущения, он пережил сильнейшие эмоции. Он рассказал нам, что возносился на небо, летал, как орел, в воздухе и плавал, как рыба, под водой.

— Я не находился больше в своем теле, а оторвался от своей плоти и посетил далекие места, в которых никогда раньше не бывал, при этом каждый раз я превращался в новое существо. Это ощущение не было плодом воображения, это было нечто большее. У меня было такое чувство, будто внутри меня обитает некое божество. Я не знаю, что это было, я ничего не понимал, я был настолько переполнен эмоциями, что все происходящее не умещалось у меня в голове...

Я и Франческа как завороженные выслушали его рассказ. На самом деле, я думаю, что Федерико было бы неприятно признаться, что все происходило совсем не так, а эту историю он выдумал, чтобы произвести впечатление. У него был талант нести всякий вздор. Я снова попался на его удочку.

— Книжный магазин, — вскрикнула вдруг Франческа, прерывая молчание.

— Что?

— Я бы с радостью открыла книжный магазин. Я обожаю читать книги, я всегда мечтала работать в книжном магазине. Я даже знаю, каким он должен быть. Я уже нарисовала его у себя в голове. Книжный магазин, а в нем небольшое кафе. Чай, печенье с корицей, кофе, шоколад. Я так и вижу покупателей, которые сидят за столиками и перелистывают книги, которые они только что купили. Я мечтаю еще и об этом, а не только о том, чтобы стать матерью семейства.

— Почему ты мне об этом никогда не говорила? — спросил я, всматриваясь в нее.

— Да так... я об этом молчу, потому что у меня начинает щемить сердце, когда я думаю о магазине, а потом, все это глупости и никогда не сбудется.

— А что у тебя не получилось, когда ты попыталась заняться магазином? — поинтересовался Федерико.

— Да я на самом деле и не пыталась. Где я достану деньги, чтобы открыть книжный магазин?

— А ты докажи своей мечте, что действительно стремишься к ней, не надейся, что она сама пробьет себе дорогу и упадет тебе в руки, тогда что-то и начнет происходить. Мечта должна знать, что мы не трусим.

— Не так-то все просто.

Чуть позже Франческа отвезла Федерико домой. Я знаю, что они еще стояли у его дома и разговаривали, но о чем они говорили, мне неизвестно.

6 Прощайся С Ними За Меня

Я не знал, стоит надевать галстук или нет. Так много времени прошло с тех пор, когда я в последний раз был на свадьбе. В конце концов галстук я надел.

Потом я заехал за Франческой, но в церковь мы попали с большим опозданием. Обряд венчания уже почти закончился. Мы только и успели заглянуть под своды храма.

Должен сказать правду, у меня не было особого желания идти на свадьбу, но это надо было сделать. Пришли также моя сестра с отцом.

Осыпав новобрачных рисом, толпа растеклась по машинам, и кортеж двинулся к ресторану. Ресторан занимал огромную виллу с парком.

Я не хотел сидеть слишком близко от новобрачных, мы с Франческой заняли два места за пустым круглым столом. Мы не знали, кто должен сидеть за ним, но нам это было, в общем-то, безразлично. Близких друзей у меня не было. В основном пришли люди, которых я знал в лицо, потому что город у нас небольшой, но практически ни с кем из них я не общался.

Франческа же знала только тех, кто заходил в ее бар.

Когда гости неспешно заняли свои места за столиками, в зал вошли молодожены.

Помолвленные четыре года назад, мой кузен Лука и Карлотта наконец-то поженились. Жениху исполнилось двадцать девять лет, а Карлотте тридцать. Лука всегда был неплохим, добродушным парнем. Он происходил из очень состоятельного семьи, но никогда не хвастал этим и не вел себя по-хамски, как некоторые его друзья, которые обычно на вечеринках, надев на голову повязку из платка а-ля Рембо, начинали выступать и задираться. В детстве Лука, я и Федерико вечно устраивали всевозможные проделки. Я помню, как однажды он поругался с заправщиком бензоколонки из-за того, что Федерико написал «а заправщик наш дурак» под сиденьем его мотороллера «веспа», там, где закручивается пробка бака.

Да и с Карлоттой я знаком целый век. Она тоже выросла в богатой семье. Ее отец был нотариусом. Лет

десять назад все знали об ее пристрастии к наркотикам, в основном синтетическим, и готовности без лишних уговоров раздвинуть ножки. Ходили даже рассказы о том, как она отдалась сразу трем парням. Сама она была небольшого роста, настоящая сексуальная игрушка-побрякушка. Когда она голая лежала рядом с тобой в постели, у тебя в ушах отчетливо звучала незатейливая мелодия из рекламы «...твои игры с драгоценностями». Карлотта стала третьей по счету женщиной у Луки, и я думаю, что она вертела им, как хотела. Она из той породы женщин, которые носят браслет на щиколотке. Сучка, у которой постоянная течка. Такую сразу унюхаешь.

В последние годы, с тех пор, как она стала встречаться с моим кузеном, она успокоилась. Он выдал ей кредит доверия и обеспечил доступ в приличное общество. Можно сказать, что он ее растаможил. Теперь она готовилась стать уважаемой синьорой Манетти. Она классический пример девиц, которые пускаются во все тяжкие, пока жизнь не выбьет у них дурь из головы и не заставит остепениться. Но и здесь они не знают чувства меры.

Лука с Карлоттой представляют собой прекрасную пару. Постоянно вместе. Я их видел в воскресенье, несколько недель назад. И он, и она были с горным велосипедом, в специальном комбинезоне, шлеме и очках, как у космонавтов, но спортсмены из них никудышные. Такие персонажи выходят по воскресеньям из дому, экипировавшись так, словно готовятся совершить восхождение на Монблан, а потом ты встречаешь их у ближайшего кафе-мороженого в двухстах метрах от дома с порцией клубники с лимоном и сливками и вафельным рожком в руках.

Новобрачные восседали в центре, слева и справа от них сидели их родители.

Мать Луки — родная сестра моего отца, та самая, которая «вышла замуж за промышленника», как говорили мои дядюшки и дедушки. Как только я вижу ее, мои руки сами сразу же тянутся крепко ее обнять. Она интересуется только благотворительностью, несколько лет назад занялась политикой и баллотировалась в органы местного самоуправления. Не пропускает тренировок в спортзале. Отец Луки владеет заводом, выпускающим резиновые прокладки и уплотнители. Этого мужчину природа одарила длинными, густыми волосами на животе. Стоит лишь посмотреть на его лицо, и начинаешь по-человечески ему сочувствовать. Пусть в своей области отец Луки и является крупным специалистом, но в обыденной жизни он производит удручающее впечатление. Если сесть с ним за один стол в пиццерии, то придется ему, как ребенку, отрезать кусочки. Лука рос в тени своего отца, и это помешало ему выстроить свое независимое существование. Под высоким деревом другое дерево не растет. Мой кузен продолжил путь своего отца, потому что ему было что терять. Когда моя семья переживала тяжелые времена, «промышленник» одолжил нам денег и после этого почувствовал себя вправе устроить разнос моему отцу, заодно прочитав ему курс лекций о том, как надо управлять мастерской. Я и моя семья всегда будем благодарны мужу моей тетки за то, что он сделал для нас, но это несколько не умаляет (и я говорю это с чистым сердцем) значения поступка синьора Акилле Манетти, владельца АО «Манетти», который повел себя как порядочный засранец. А оказаться в положении человека, вынужденного выражать благодарность засранцу, действительно неприятно.

Третьей от Луки сидит моя кузина Кьяра. Характером она похожа на Акилле. Кьяра редко бывает чем-либо довольна. У нее есть все, что она пожелает, за исключением красоты. А быть богатой и некрасивой обидно вдвойне. В наших детских играх, помню, она всегда мечтала быть садовником. Она безумно любила цветы и даже сегодня помнит все их названия. Жаль, что с возрастом ее страсть улетучилась. К тому же ее родители не хотели, чтобы дочь стала флористом, а настаивали на дипломе юриста. В результате мир лишился новых цветов и получил еще одного адвоката, не чувствующего призвания к своей профессии.

После закуски я уже собирался уйти домой. Мне хотелось, чтобы скорее принесли кофе, тем более я видел, что на свадьбу они истратили сумму, равную ВВП Никарагуа. Среди них считается, что за свадебным столом всего должно быть вдоволь.

Франческа оказалась более общительной, чем я. Если я процедил всего несколько слов, то у нее уже установились довольно дружеские отношения с гостями, сидевшими за нашим столом.

Я в основном смотрел по сторонам.

Все мужчины были словно причесаны под одну гребенку, впрочем, на свадьбах гости всегда выглядят одинаково. Франческа надела черное платье, которое слегка открывало колени, и простые туфли того же цвета. У многих женщин были вычурные прически, которые они, как нетрудно было догадаться, специально сделали к свадьбе. Каждая из этих дам провела не меньше двух часов в парикмахерской. Локоны, шиньоны, странные челки, начесы. Некоторые даже рискнули прийти в шляпках. Они были похожи на желтые и белые летающие тарелки. Одна из дам пришла в красной шляпе.

Я заметил много мужчин, которые, как и я, постоянно ошибаются, подбирая цвет ботинок и брючного ремня.

Среди гостей я насчитал пятерых по крайней мере мужчин, которые в свое время не теряли время даром с Карлоттой.

Возможно, моя досада объяснялась тем, что я получил приглашение на свадьбу вместе с Франческой в тот период наших отношений, когда мы обожали друг друга и все время были с ней неразлучны. А в день свадьбы у нас уже были натянутые отношения. Существует золотое правило: не ходить на свадьбу с женщиной, с которой ты в ссоре.

Конечно же наступил момент, когда девушка, сидевшая напротив меня, спросила у нас, помолвлены ли мы.

— По-моему, — ответил я, — слова «жених» и «невеста» у всех уже вызывают оскормину, так что скажу, что мы сексопара, мы просто трахаемся.

В ту минуту мне казалось, что я выгляжу остроумным, хотя я сразу заметил, что Франческа не одобрила моей шутки. Но она промолчала.

— Очень жаль, — заметила девушка, — потому что вы красиво смотрите вместе.

— А по-моему, твоя партнерша, бедняжка, была бы рада объявить о помолвке с тобой, — поддел нас ее

приятель.

Франческа приподняла голову и выдавила из себя улыбку. За столом возникло напряженное замешательство, не столько из-за реакции Франчески, сколько из-за того, что наши соседи стали гадать, как она отнеслась к этим словам.

Потом они перевели разговор на другую тему.

Молодожены пошли в парк фотографироваться, и на обратном пути Карлотта наконец-то могла бросить свой букет.

На свадьбе было не меньше сотни женщин — и кому же букет достался? Франческе.

Она даже не следила глазами за его полетом, он свалился ей буквально на голову. Она подобрала букет, и тут все в один голос заговорили: «Ты выйдешь замуж в этом году, ты выйдешь замуж в этом году...»

Поскольку многие стали смотреть в мою сторону, я вышел из-за стола, произнес еще одну блестящую реплику: «Как здорово! Ты выйдешь замуж в этом году! Не забудь пригласить меня на свадьбу».

Все, видно, заметили гримасу, которую я сделал при этих словах, потому что никто не засмеялся.

Заплакал ребенок. Между столиками носились друг за другом одетые как взрослые сытые дети, раскрасневшиеся, с испариной на лбу. Все уже довольно большие, примерно одного возраста, за исключением последнего, который был самым маленьким и все пытался угнаться за остальными. Обегая стол, старшие дети резко свернули в сторону, а малыш не удержался на ногах и шлепнулся на землю. Он-то как раз и плакал. Тут уже все мамы подряд стали подзывать своих детей и выговаривать им. Все до одной. Так же бывает, когда ссоришься с братьями, а мама, войдя в комнату, начинает шлепать всех без разбора, даже не спрашивая, кто виноват.

Чуть позже, когда я вернулся, к нашему столу подошла невеста. Она была немного навеселе. Поздоровавшись со всеми, она склонилась ко мне, поцеловала меня в щеку, а потом шепнула мне на ухо: «Я нарочно бросила ей букет, будешь знать, гадина, как отказываться жениться».

Карлотта не рассчитала силу своего голоса, поэтому Франческа все слышала. Спустя несколько секунд она встала и вышла покурить.

— А почему ты не хочешь жениться? — снова обратилась ко мне девушка, сидевшая напротив.

Было видно, что этой зануде на меня наплевать, но она не могла оставить меня в покое, потому что я не уделял ей внимания.

— Не хочу, потому что думаю, что вряд ли я создан для настоящего брака, каким я его себе представляю.

После моего глупого ответа все присутствующие загалдели наперебой: «...Все так говорят, и тот, кто говорит так же, как ты, тот первым и женится, говорят, что не хотят заводить семью, только потому, что у них нет невесты, но как только она появится, сразу же женятся...»

А один гость заявил: «Сразу видно, что ты не нашел еще женщину своей мечты, но как только найдешь ее, тотчас же передумаешь, вот увидишь...»

Одна девушка наклонилась к подруге и сказала ей: «Он, наверное, много страдал из-за несчастной любви, поэтому так и говорит, видно, сильно обжегся, вот и боится снова влюбиться...»

Я не знал, что им сказать, а мое молчание они расценили как подтверждение их мнения. Странно, но никто не сказал, что я уклоняюсь от женитьбы, потому что слишком люблю себя самого.

Когда Карлотта отошла от нас, девушка напротив снова подала голос:

— Кажется, твоя сексопара обиделась.

— Кто, Франческа? — Я покачал головой. — Ошибаешься, она другой породы.

— Поверь мне.

Я поверил, встал и направился к Франческе.

— Что с тобой, ты на меня разозлилась? — спросил я, подойдя.

Она ничего не ответила.

— Брось, ты же знаешь, что я шутил, тебе не к лицу такое поведение.

Она глубоко затаилась, выдохнула дым, а потом сказала:

— Зачем ты меня сюда привел? По-твоему, я обиделась из-за того, что ты сказал, что я не твоя невеста и ты не собираешься на мне жениться? Да за кого ты меня принимаешь, за набитую дуру?..

Помолчав, Франческа продолжила:

— Никто и не собирался выходить за тебя замуж. Более того, я за тебя не пойду, будь ты даже единственным мужчиной на свете. Дело совсем в другом. Дело не в том, что ты сказал, а в том, с какой настойчивостью ты с самой первой минуты, как мы сюда вошли, ставил между нами барьеры и перегородки. Ты всячески подчеркивал то, что и так всем было ясно, да к тому же еще выставлял меня идиоткой, так что один остопоп, вырядившийся, как пингвин в цирке, осмелился назвать меня бедняжкой.

Последовала пауза.

— Мне противно не то, что ты говоришь и воображаешь, что это остроумно, — снова заговорила Франческа, — а то, что ты не можешь сообразить, что с некоторыми людьми надо держать себя осторожнее, потому что они многих вещей не понимают. А лично мне просто неприятно пить и есть за столом, когда на меня пялит глаза этот тип, называющий меня бедняжкой. Я не прошу тебя говорить мне комплименты или держать меня за руку, но только не строй из себя умника, обращаясь со мной как с дурочкой. Я все-таки думала, что ты умнее.

Ну что ж, она была права. А вся беда в том, что мы уже устали жить вместе, и я не упускал случая, чтобы напомнить ей об этом.

— Ну, а если высказываться до конца, то я не понимаю, почему Карлотта бросила букет в мою сторону, тем более она тебе призналась, что сделала это нарочно.

— Я не знаю, что она хотела этим сказать.

— Ты спал с ней.

— Я? Нет!

— Не морочь мне голову.

Она прямо посмотрела мне в глаза, как только женщины умеют делать это в таких обстоятельствах. Я мог бы притвориться и упасть в обморок. Но мне было не до игр. Я не мог ей солгать.

— Да!

— Когда?

— Около года назад.

— Значит, они из-за тебя поссорились?

— Они уже поругались к тому времени. Она хотела, чтобы я женился на ней, а я этого не хотел. Тогда мы и нашли решение, которое устроило нас обоих.

— Знаешь, что меня бесит? Если я сейчас не вернусь с тобой и не сяду за стол, те уроды подумают, что я расстроилась из-за того, что ты не хочешь на мне жениться. Впрочем, это можно пережить, так что попрощайся с ними за меня.

Франческа ушла. Я немного постоял в парке, пытаюсь понять, что произошло, а потом, не возвращаясь к столу, тоже ушел домой.

7 В Этом Не Было Смысла

Однажды, по заданию газеты, я брал интервью у Эльзы Францетти из «Издательского дома Францетти». Наша беседа получилась очень интересной, это была одна из тех встреч, в результате которых журналист получает удовольствие от своей работы. Мы долго разговаривали о книгах. В какой-то момент, очарованный этой удивительно интересной и потрясающе красивой женщиной, я соврал. Я рассказывал ей о втором «я», которое никак не могло набраться мужества и заявить о своем существовании, и неожиданно сказал:

— Я за эти годы тоже написал книгу, но никому ее не показывал, потому что считаю книгу достаточно сырой. Но рано или поздно я наберусь мужества и отнесу ее редактору.

— Я буду рада прочитать ее, мне любопытно посмотреть, что вы написали, и если работа того заслуживает, то — почему бы и нет? — я могла бы ее опубликовать.

Ее предложение загнало меня в угол, потому что я не ожидал, что она так отреагирует на мое вранье. Возможно, ее слова были продиктованы взаимной симпатией, которая возникла между нами в ходе разговора. Мне казалось, что можно было услышать, как у меня на душе кошки скребут, но я не растерялся и ответил:

— Честно говоря, я должен доработать отдельные главы, они еще вызывают у меня некоторое сомнение, но, как только я закончу работу, я пришлю вам рукопись.

— Не вносите слишком много правок, писатели никогда не бывают довольны своей работой, постоянно правят текст и часто этим его портят. Если вам надо доработать текст, работайте над ним, а я, если вы не против, могу взглянуть на него, высказать свое мнение и, если вы полагаетесь на мое суждение, что-нибудь вам посоветовать.

— Я постараюсь принести вам книгу в ближайшее время, — пообещал я.

В то утро, закончив интервью, я вышел из издательства с ощущением душевного подъема, словно я на самом деле уже написал эту книгу. Ведь Эльза Францетти говорила со мной как с настоящим писателем. Днем, закончив статью, я завернул к Федерико, потому что мы должны были поехать с ним в Ливорно, чтобы отправить контейнер с оборудованием для гостиницы. Фура с грузом уже прибыла на место. Старый мотоцикл вполне устраивал Федерико при поездках по городу, но для дальней дороги он не годился. Я мог бы просто дать ему свою машину, но мне захотелось воспользоваться случаем и, как в старые времена, поехать с ним вдвоем в приятное путешествие, тем более что через несколько дней он улетал на острова. В порту нам следовало быть рано утром, поэтому мы решили отправиться в Ливорно накануне вечером и там переночевать.

— Давай я сяду за руль, я соскучился по машине, — предложил он мне перед тем, как открыть дверцу.

Я сел справа.

— Мы едем в Ливорно или в Данию к Крис и Энни?

— Нет, мы поедем в Амстердам и там съедим по кусочку знаменитого торта, от которого смех разбирает.

Федерико поспеял, и мы поехали.

— Дорогой Федерико, по случаю нашей авантюрной поездки в Ливорно я вчера вечером записал компакт-диск с нашими старыми любимыми песнями. Он уже в плеере, так что тебе остается лишь нажать на «воспроизведение».

Федерико нажал кнопку «Play».

В машине сразу же раздалось фортепианное вступление к знакомой каждому песне «The Great Gig in the Sky» группы Pink Floyd.

На диске были записаны еще одиннадцать песен, но я ему не назвал их, чтобы не испортить сюрприз.

Начало любой песни было как выстрел в сердце, потому что за каждой из них тянулся длинный шлейф воспоминаний и историй, объединявших меня с другом. После Pink Floyd в моей подборке шли:

«Cry Baby» в исполнении Janis Joplin,

«Peace Frog» группы The Doors,

«Castles Made of Sand» в исполнении Jimi Hendrix,

«Every Breath You Take» группы Police,

«Sultans of Swing» группы Dire Straits,

«Please Please Please Let Me» группы The Smiths,

«Something» группы The Beatles,

«Tired of Being Alone» в исполнении Al Green,

«The Joker» группы The Steve Miller Band,

«La Leva calcistica della classe'68» в исполнении Francesco De Gregory,

«La noia» в исполнении Vasco Rossi.

Почти всю дорогу до Ливорно мы пели. Пока машина мчалась по серой ленте асфальта, в зеркале заднего вида перед нами возникали сценки, которые мы пережили в прошлом.

Наконец мы приехали в Ливорно. Я заранее заказал номер в гостинице через Интернет, и, как оказалось, не зря. Гостиница была забита коммерческими представителями, которые по вечерам ужинают в одиночестве в ресторане в компании с небольшой бутылкой вина. Глядя на эту картину, сразу же вспоминаешь 2 ноября, День поминовения усопших. Мне почему-то кажется, что после ужина многие из них, закрывшись в своих тоскливых номерах, где все, включая покрывала, шторы и обивку стульев, сделано из одной и той же материи, от скуки начинают заниматься онанизмом и кончают в полотенце.

У нас был двухместный номер. Пока Федерико принимал душ, я включил телевизор. Помимо обычных, здесь было несколько иностранных каналов. Французский, немецкий, американский Си-эн-эн и английский Би-би-си. Испанский канал я не нашел. Я переключился на Би-би-си, мне захотелось проверить свои знания английского языка, посмотреть, насколько я понимаю то, о чем говорит диктор. Обычно я улавливаю отдельные слова, одно вначале, другое в конце, потом сопоставляю их значение, чтобы понять общий смысл. Должен признаться, что я рад уже тогда, когда мне удастся угадать, о чем идет речь. Видеоряд, конечно, облегчает мою задачу.

В этот раз показывали детей, школьные классы, учителей, а в конце — какие-то флаконы, то ли с витаминами, то ли с лекарствами.

Своим экзаменом по английскому языку я остался недоволен.

К счастью, из ванной вышел Федерико и, имея в виду телепередачу, сказал: «Это же безумие. Какая гадость!»

Естественно, этот мерзавец Федерико понимал и прилично говорил по-английски. Познакомившись с Софи, он выучил еще и французский, а на Кабо-Верде говорил по-португальски и на креольском диалекте. Испанским он овладел в Коста-Рике.

— Что за чушь они несли, я так ничего и не понял...

— Сплошная гадость. Они говорили, что в американских школах многим гиперактивным детям для снятия возбудимости дают амфетамин, а сейчас начинают распространять это средство и в некоторых европейских школах, главным образом в Англии. Мужчина, выступавший первым, установил, что пятьдесят процентов детей, принимавших это лекарство, став взрослыми, сделались наркозависимыми. Меня с тобой в школе наверняка пичкали бы амфетамином... я с удовольствием снова пошел бы учиться.

— Обалдеть, если Карлотта об этом узнает, она сразу же побежит в первый класс. Ладно, этот грех у нее уже в прошлом, теперь она синьора Манетти. Тебе ванная больше не нужна, я могу пойти в душ?

Я помылся, потом мы оделись и спустились в ресторан ужинать.

Федерико заказал лингвини с соусом из омара и рыбу, запеченную в соли, я выбрал спагетти с моллюсками и рыбное ассорти на гриле.

— Я, рано или поздно, тоже отправлюсь путешествовать, выучу какой-нибудь язык. Вот возьму и навещу тебя в Кабо-Верде.

— Если ты приедешь ко мне, я буду только рад, но ты наверняка хорошо язык не выучишь, потому что будешь говорить со мной по-итальянски. Тебе надо уехать в такое место, где ты никого не знаешь. Чтобы выучить местный язык, тебе надо избегать общения с итальянцами.

— Верно. Как только накоплю немного денег, сразу же уеду.

— Много денег тебе не понадобится. В путешествии деньги не нужны. Деньги нужны во время отпуска. Когда ты путешествуешь, ты приспосабливаешься к жизни, работаешь где придется, при этом с тобой происходят странные вещи, которые порой бывает трудно объяснить. Словно существует универсальный закон, который тебя охраняет. Ты встречаешься со многими людьми, и они помогают тебе. Иногда они предлагают тебе еду, в другой раз ты кого-нибудь накормишь. В человеческой природе заложена привычка помогать друг другу. В путешествии выполняешь самую обыкновенную работу, все зависит от того, где ты находишься. Я мыл посуду, был официантом, делал и продавал ожерелья, собирал фрукты, выдавал на пляже напрокат маски и ласты для любителей подводного плавания. Однажды я даже продавал яйца динозавров.

— Яйца динозавров?

— Это придумала одна девушка, я с ней познакомился на пляже на Бали. Мы брали маленькие резиновые шарики, надували их, опускали в клей, а потом катали по песку. Панировали их, как в сухарях. Никто не верил, что это действительно яйца динозавров, но все равно люди их покупали, наверное, им просто нравилась наша идея. Мы продавали яйца по доллару за штуку, продали не так уж много, но все же целую неделю жили на эти деньги. К тому же мы весь день проводили на пляже... Да, Моника!

— Кто такая Моника?

— Девушка, с которой я познакомился на Бали. Это она придумала продавать яйца... Моника итальянка.

— А как же язык?

— По части языка она была настоящая виртуозка! Но однажды я познакомился в Коста-Рике с канадской девушкой, вернее, с женщиной, потому что ей было сорок два года. После недели, проведенной вместе, она позвала меня с собой в Канаду. Она была богата, за все платила сама, оплатила и билеты, и я поехал с ней.

— Ты пошел к ней на содержание?

— Да, и это было прекрасно. Она жила в шикарной квартире в Торонто. Она была помешана на оздоровительных центрах и таскала меня с собой, когда ходила туда. Не помню, сколько раз я посетил сауны, турецкие бани, массажные кабинеты. А один раз она отвела меня на гидроколонотерапию.

— Куда-куда?

— На гидроколонотерапию. Говоря попросту, тебе в задницу вставляют трубку, а потом открывают кран с водой. Вода поступает в кишечник, в котором имеется множество изгибов и складок, и очищает его от отложений, шлаковых наростов и камней.

— Ты что, рехнулся, зачем ты это сделал?

— Да знаешь, я не сразу понял, что к чему.

— Надеюсь, тебе эту терапию делала красивая девушка.

— Видишь ли, нет большой разницы в том, кто тебе делает гидроколонотерапию. Мне ее проводила женщина лет шестидесяти, но если бы со мной нянчилась сама Кенди-Кенди, ничего приятного в этом все равно не было бы.

— Я не все понял. Тебе вставляют трубку в задницу и пускают воду... а потом?

— А потом она выходит обратно. Трубка состоит из двух трубочек, по одной вода поступает в кишечник, по другой выливается обратно и течет по стеклянной трубке, так что ты видишь все, что из тебя выходит. Впечатление как от насоса, которым моют колеса вездехода. По этой трубке, помню, протекало все что угодно. Мне даже показалось, что промелькнул пакетик с чипсами и водонепроницаемые часы, которые, помнишь, я потерял на карнавале.

— Ну да, конечно, только это такой же бред, как история с шаманом.

— Ну хорошо, насчет часов и пакетика с чипсами я пошутил, но гидроколонотерапию мне действительно делали. Я был похож на кулер для воды.

В этот момент принесли наш заказ.

— Приятного аппетита, — сказал официант.

Мы переменили тему разговора, Федерико заговорил о Софи, о том, что хочет задержаться в Кабо-Верде. Когда он говорил о своей подруге, у него менялось выражение лица.

— А как у тебя дела с Франческой?

— Я думаю, что мы расстанемся, — ответил я. — Повторяется все та же история, ты ведь меня знаешь, я не могу постоянно встречаться с одной девушкой, она мне надоедает, и мне с ней становится скучно...

Помолчав, я продолжил:

— Ты даже не представляешь, что я выделял, чтобы познакомиться с Франческой после того, как ее увидел. Ухаживал за ней, оставлял ей записки на машине, а потом, когда наконец она стала моей, ни о чем другом больше и не мечтал, был на седьмом небе от счастья. А оказалось, что это, как всегда, только кратковременное увлечение... Сегодня я ее люблю, а завтра больше не люблю. Это у меня как тик, так понемногу чувства и угасают. А вначале я был убежден, что она — это именно то, что мне нужно, я верил в это. Я думал, что она специально создана для меня, ты не поверишь, с какой страстью меня тянуло к ней... А сам ты не боишься, — прибавил я, — что придет время, и у тебя с Софи все закончится, что наступит день, когда вы расстанетесь?

— Нет, совсем не боюсь. Мы оба свободны — а что может заставить расстаться мужчину и женщину, если они свободны?

— А что ты думаешь о том, что я тебе рассказал?

— Даже не знаю...

— Ну хорошо, скажи мне то, что ты думаешь, у тебя же есть свое мнение на этот счет.

— По-моему, ты не можешь во всем разобраться, потому что роешься в симптомах, а не исследуешь болезнь. Твоя беда не в твоих отношениях с женщинами. Это всего лишь следствие. Твои проблемы лежат намного глубже, они связаны с твоим отношением к самому себе, с твоим отношением к жизни.

Федерико сделал паузу, посмотрел на меня и снова заговорил:

— Прежде всего, как и большинство мужчин, ты называешь любовью простое влечение и желание обладать женщиной. Тебе надо обладать ею и одновременно принадлежать ей. К несчастью — ты только не обижайся, — ни ты, ни Франческа не в состоянии любить другого человека. Вы не любовники, а всего лишь знакомые, которые состоят в интимной близости. Вы влюбляетесь, потому что влюбиться может любой человек. Но любить — это совсем другое дело. В любви может присутствовать период обожания?.. Я тебя знаю, ты не можешь долго оставаться в одиночестве. Проходит время, и тебе нужно, чтобы рядом с тобой находился другой человек, он должен откликаться на твои просьбы и пожелания и наоборот. А кончается все тем, что ты терпишь и стараешься вынести существование рядом с тобой другого человека, потому что перенести это все-таки проще, чем одиночество. Это как в истории о дикобразах у Шопенгауэра.

— Я о ней не слышал.

— Я тебе ее в другой раз расскажу. Так вот, если в отношениях с Франческой ты попробуешь докопаться до правды, то увидишь, что вам нечего дать друг другу, кроме вашей общей неудовлетворенности жизнью. В настоящий момент вы всего лишь порождения ваших неудач и страхов. И вскоре вы непременно начнете делиться своими несчастьями. Вы оба несчастливы, и ваша связь лишь помогает вам спрятаться от одиночества и страха перед жизнью. Ты не обиделся?

— Давай продолжай!

— В тебе еще не проснулось желание сделать Франческу счастливой, и даже если ты этого хочешь, то для тебя важно, чтобы она была счастлива с тобой. Ты ведь никогда не думал, что по-настоящему любить другого человека значит радоваться его счастью независимо от того, с тобой он или нет. Но тебе самому хочется стать творцом счастья женщины, ведь так приятно чувствовать, что ты нужен другому человеку... Ты губишь себя, желая подарить ей счастье, которое не сумел принести самому себе. Или ты надеешься, что это она сделает тебя счастливым, взваливаешь на нее эту ответственность, но она тебя в конце концов разочарует. И тогда ты почувствуешь, что зря потратил на нее время.

— Допустим, это верно... но если бы все люди рассуждали так же, как и ты, они никогда не искали бы близости, не жили бы вместе.

— И я тоже живу с Софи, но я против того, чтобы совместная жизнь превращалась в бегство от собственной жизни, от ответственности перед самим собой. Совместная жизнь не должна становиться болеутоляющим средством, потому что она не залечивает рану, а только на время снимает боль: ты перестаешь о ней думать и чувствуешь себя лучше. Однако через время это средство перестает оказывать

желаемое действие, и тогда ты влюбляешься в другую женщину, а твоя подруга влюбляется в другого мужчину. Ты просто хватаешься за новое болеутоляющее лекарство, большинство же попросту увеличивает дозу, женится и заводит детей. Ты не думай, я и сам, в общем-то, такой же.

— Нет, ты больше не такой, и это видно.

— Я не хочу оправдываться, но... Ты помнишь диалог «Пир» Платона, который мы учили в школе? В этом диалоге излагается история об андрогинах, разделенных надвое?

— Конечно помню. Нас заставляли учить ее наизусть... Андрогини были предками людей, сочетавшими в себе признаки мужского и женского пола. Андрогини обладали огромной силой, они посягали на власть богов. Поэтому Зевс решил разделить каждого андрогина пополам, чтобы уменьшить их силу и буйство. Так люди стали «камбалоподобными», и с тех пор каждый ищет соответствующую ему половину. А соединяет впоследствии разрезанные половинки андрогинов Эрос. Известный своим расположением к людям, он должен был привести человека в первоначальное состояние. Пытаясь свести воедино то, что было раздвоено, Эрос старается излечить человеческую природу... Вот видишь, Федерико, поскольку мы всего лишь одна половина, мы можем обрести счастье, только встретив вторую половину и превратившись в единое целое. Платон был совсем не дурак. Ты с этим не согласен?

— Конечно согласен. Но вторая половина, которую надо отыскать, это не женщина.

— Как так не женщина? По-твоему, я найду свое счастье с мужчиной?

— Да, с высоким мускулистым мужчиной! Ты не рад? Вторая половина, которую ты должен отыскать, это не женщина, а ты сам. Другая, незнакомая тебе половина тебя самого, в которую ты должен вдохнуть жизнь, чтобы обрести наконец самого себя. Навсегда. Это будет истинный союз, и лишь он может избавить нас от чувства одиночества, которое мы испытываем, даже когда мы не одни. Конечно, нет ничего прекраснее желания разделить свою жизнь с другим человеком. Но для этого надо обладать ею. Цельной живой жизнью. Восторгает только единое целое. Когда ты смотришь на картину, ты можешь восхищаться отдельными деталями, но глубоко трогает тебя только вся картина целиком.

Федерико умолк и снова взглянул на меня.

— Микеле, — продолжил он, — я тебя знаю, ты мне как брат, ты должен верить мне, когда я говорю тебе, что ты заслуживаешь большего. Ты заслуживаешь большего, и сам об этом знаешь. Как и все люди, ты не обязан играть заданную тебе роль, ты же несешь в себе чудо, черт возьми. Разве у тебя не возникает ощущения, что ты лучше, чем есть на самом деле, что в своей жизни ты способен на большее? Неужели ты никогда не замечал, что идешь по жизни, судорожно сжимая рукой тормоз?.. Каждый человек втайне уверен в этом. Твой отец, например. Ты когда-нибудь задумывался о том, что он намного глубже, чем кажется? Что его внутренний мир богаче той жизни, которую он ведет? Подумай об этом.

— А Франческа?

— Микеланджело Буонаротти говорил, что, когда он смотрит на глыбу мрамора, он уже видит заключенную внутри нее скульптуру и его работа состоит только в том, чтобы убирать все лишнее, что скрывает совершенное творение. То же самое и с нами происходит. Внутри нас уже есть все, пусть это все и недоступно глазу. Произведение искусства заложено в нас изначально. Но оно скрыто, поэтому нам надо найти инструменты, чтобы его открыть. Чтобы раскрыться самим. И твоя проблема совсем не в том, оставаться тебе с Франческой или нет. Это ложная проблема, которую ты ставишь перед собой, чтобы уйти от другого, настоящего вопроса. Любый человек, не сумевший освободить свою вторую половину, любой, кто не найдет ее, будет жить как узник, а его любовные увлечения станут всего лишь часовой прогулкой заключенного, для которого долгожданный выход на воздух становится самым прекрасным событием, происходящим в его жизни. И вот когда я понял это, я решил, что мне больше не нужна такая часовая прогулка, я больше не хотел нести другим людям свой урезанный глоток воздуха. Я мечтал выйти на свежий воздух. Я хотел дышать полной грудью. Я жаждал жизни, достойной свободного человека. К тому времени я уже успел обжиться в своей камере. Я знал, как распорядиться своим временем, своим тесным помещением. Но жил я в окружении людей, которые, как и я, находились в тюрьме.

Федерико остановился. Но лишь на мгновение.

— Одно дело, когда ты желаешь, чтобы тебе действительно стало хорошо, и другое дело, когда ты хочешь сделать свою жизнь лучше. Если ты всего лишь хочешь жить лучше, то тебе вполне достаточно время от времени влюбляться, что-то приобретать для себя и ждать повышения зарплаты. Обживать свою камеру. Ты и дальше можешь продолжать вести такую жизнь, но только помни, что ты рожден, чтобы наслаждаться солнцем. Если ты зажигаешь настольную лампу, вместо того чтобы распахнуть окно и залить комнату потоком солнечного света, то со временем ты просто забудешь о солнечных лучах, а настольная лампа в твоей комнате превратится в солнце... Ты волен поступать как хочешь, но в одном я твердо уверен, поэтому и не устаю тебе это повторять: ты намного глубже, чем это кажется. Поверь мне. Я бы все отдал, чтобы ты смог хоть на мгновение увидеть себя таким, каким я тебя вижу, каким ты встаешь перед моими глазами. Тогда у тебя отпали бы все сомнения.

— И что я должен делать?

— Этот же вопрос ты задавал мне пять лет назад. Я не учитель жизни, я просто откровенно говорю тебе то, что думаю. Хотя вполне возможно, что это сплошной бред. Например, тебе хочется написать эту чертову книгу, ты об этом еще со школы говоришь. Почему ты еще ее не написал? Начни записывать мысли, которые приходят тебе в голову, и, быть может, потом, когда ты сядешь за работу, ты поймешь, что тебе хочется написать не книгу, а песню... или заняться дизайном мебели, кофейной чашки, открыть газетный киоск — кто знает, что ты почувствуешь? Но только сделай первый шаг...

Я не стал говорить ему о предложении Эльзы Францетти, чтобы не выглядеть полным дураком.

Черт возьми, а ведь он попал в самую точку! Точно, в десятку. Конечно, я не жил той жизнью, которой хотел бы жить. Что же касается моих любовных увлечений, я постоянно ошибался в своем выборе, потому что надеялся обрести внутреннюю гармонию и целостность в союзе с женщиной. Но нельзя склеить два предмета, если от одного из них отколот кусок. Их можно только прислонить друг к другу. В этом Федерико был прав.

Мои любовные отношения с женщинами отравляли беспокойство и тревога. Я часто ревновал. К счастью, даже сегодня многие женщины думают, что мужчина ревнует, потому что любит, и видят в ревности проявление любви. Я тоже оправдывал свою ревность любовью, но на самом деле я ревновал, когда чувствовал угрозу для своего привычного образа жизни. Я держался за него, как хромой держится за костыли.

Получалось, что мои любовные увлечения своими корнями уходили в страх. Я боялся потерять подругу, потому что сам по себе не мог испытывать сильных эмоций, боялся оказаться в одиночестве, лишиться опоры и вновь пережить эмоциональную хромоту. В моем сердце не зарождалось настоящее чувство, мой выбор лишь помогал мне лучше чувствовать себя в жизни.

Никто еще не говорил со мной так прямо и откровенно, и никто еще так точно не указал мне на мои проблемы.

Вечером я снова обдумал слова Федерико. Я признавал, что во многом он был прав, но вместо того, чтобы принять его точку зрения и с ее помощью осмыслить свое положение, я стал убеждать себя, что он говорил так, потому что был не такой, как я, что он уже сделал свой выбор, который его полностью устраивал. У меня даже мелькнула мысль, а не вернулся ли он насовсем, ведь его долго не было дома, он много путешествовал, вот и поверил, что отыскал ответ на все вопросы, нашел смысл жизни. А может быть, это вовсе не он ставил серьезные вопросы, а я постоянно поднимал их перед ним. Я был тогда порядочным дураком. Я совершил ту ошибку, которую часто делают многие, когда встречаются с человеком, открывшим для себя новое знание. Вместо того чтобы выслушать его, принять и разделить с ним его открытия, люди нередко стараются подорвать к нему доверие. Пытаются разбить его в пух и прах. Даже если относятся к нему с любовью. Я тогда был готов идти на поводу у таких людей, к тому же слова Федерико загнали меня в угол. Передо мной вновь встала необходимость разобраться в важном для меня вопросе.

Федерико говорил о вполне ясных, определенных вещах: речь шла не о том, оставаться мне с Франческой или нет, начинать писать книгу или не писать ее вовсе. Мысль его была намного глубже. От меня ждали мужественного поступка. Но я тогда был беззащитен и раним, легкий порыв ветра казался мне болезненным ударом. Я был слишком слаб. А слабость — это не что иное, как отсутствие внутренней гармонии. Я действительно потерял всякую гармоническую связь с жизнью.

В глубине души я знал, почему не написал свою книгу. Мне никогда не хватало смелости сесть за работу. Виной тому были не лень и даже не страх перед мнением посторонних. Настоящая причина была совсем в другом. До тех пор пока я не написал книгу, я мог чувствовать себя крупным писателем. Моя мечта была в шаге от меня, это был мой запасной выход, моя утопическая альтернатива. Но если бы я написал ее и понял, что я бездарный писатель, моя мечта бесследно испарилась бы.

Мы вышли из ресторана, но не спешили вернуться в гостиницу: нам захотелось побродить по улицам, мы ждали, когда из нас выветрится вино и лимонная настойка.

В двухместном номере мы устроились так же, как бывало, когда я оставался ночевать у него дома: я выбрал себе постель справа от него, а он слева от меня. Я машинально включил телевизор. Мы обратили внимание, что двенадцатый канал был закодирован: чтобы посмотреть его, требовалось набрать номер комнаты. Это оказался порноканал. Но при переключении с одиннадцатого канала на двенадцатый на пару секунд появлялись кадры из порнофильма. На экране блондинка с длинными прямыми волосами страстно присосалась к мужчине.

— Кто захочет слить даром, тот должен не выпускать пульт из другой руки и все время перескакивать с канала на канал, — сказал со смехом Федерико.

— Или включить двенадцатый канал и мастурбировать с закрытыми глазами, а перед финалом переключиться на одиннадцатый.

Ни один из двух вариантов нас не привлекал. Мы выключили телевизор, а потом погасили свет.

Уже в темноте я попросил Федерико объяснить мне, о какой истории про дикобразов он упоминал в разговоре.

— Говорят о дикобразах Шопенгауэра в том смысле, что он написал эту историю, или он на самом деле держал дикобразов?

— Нет, он написал притчу о дикобразах. Сюжет такой. В холодную ночь несколько дикобразов тесно прижались друг к другу, чтобы согреться своим теплом. Вначале им было хорошо, но потом каждый начал ощущать боль от уколов игл своих соседей, и тогда им пришлось раздвинуться, чтобы избавиться от боли. Затем холод вновь заставил их сгрудиться, но боль снова вынудила разойтись, так что дикобразы, преследуемые двумя бедами, постоянно метались... Наши привычки, манера поведения, потребности и недостатки становятся нашими иглами, и у каждого они свои. Однако некоторые дикобразы способны самостоятельно вырабатывать достаточное количество внутреннего тепла. Такие особи способны держаться на нужном расстоянии от других дикобразов или вообще могут без них обойтись.

Утром Федерико позвонил служащему порта.

— Алло, это Федерико, — сказал он, — мы уже приехали, скажите, к какому выходу нам надо подойти. Извините, плохо слышно, я перезвоню вам, у меня в трубке какой-то металлический звук, видимо, что-то с телефоном...

Служащий порта пояснил:

— Нет, это не телефон, это я, это мой голос. Мне делали трахеотомию... Итак, я жду вас у одиннадцатого входа, так вам проще добраться, — добавил он. — Хорошо, вы поняли меня? Одиннадцатый вход.

— Хорошо, — ответил Федерико, — до встречи.

Мы приехали в порт и встретились с синьором Томмазо. Нас сразу же поразило его вид: казалось, что перед нами стоял, возможно, самый некрасивый человек на свете. Он был настолько безобразен, что мы не могли определить его возраст.

Однако он оказался довольно приятным человеком, за исключением случая, когда попытался иронизировать по поводу своей болезни.

— Я родился под знаком Рака, вот и подцепил рак.

Мы вынужденно улыбнулись.

В первой половине дня мы уже закончили работу. Контейнер был готов к транспортировке.

На обратном пути я попытался вернуться к вечернему разговору. Я хотел спросить у Федерико, что мне надо делать, каким, по его теории, должен стать мой первый шаг. И едва я задал свой вопрос, как почувствовал, что навожу скуку даже на самого себя. Федерико действительно заговорил о другом. Он сказал, что, по его мнению, совсем не обязательно бросать дом и мотаться по миру. Я спокойно могу оставаться на своем месте, только мне надо перестать жить на автопилоте.

Когда мы приехали домой, я в тот же вечер пошел к Франческе, чтобы поговорить с ней о наших отношениях. Мы оба понимали, что наши чувства стали угасать. Мы старались быть искренними, и она, и я сознавали, что наполнявшая нас страстная любовь куда-то исчезла. Я повторил Франческе то же самое, что раньше говорил Федерико. В конце разговора мы решили прервать наши отношения, не затягивать их и не ждать, когда между нами вспыхнет ненависть.

И я, и Франческа много раз говорили друг другу «я тебя люблю» и другие сопровождающие близкие отношения слова. Но самое нелепое было в том, что нам настолько хотелось верить в это, что в конце концов мы поверили в наши чувства. И не важно, что наши заверения в любви не соответствовали действительности, зато они были искренними. Мы на самом деле в них верили. Мы оба не могли понять, почему все наши увлечения всегда заканчиваются таким печальным образом.

Каждый мужчина и каждая женщина, перед тем как завязать совместные отношения, должны доказать друг другу, что они прежде всего любят самих себя. Если ты сам себя не любишь, то почему я должен тебя любить? Когда человек любит самого себя, он с большим вниманием относится и к тому, с кем собирается вступить в близкие отношения. Это означает, что он его высоко ценит и уважает. Тот, кто себя не любит, может отдаться первому встречному. Любовь к себе становится мостом, который можно перекинуть к другому человеку. Мы же не смогли предложить друг другу даже этого чувства.

Я не раз привязывался к женщинам, а потом с ними расставался. У многих девушек я требовал доказательств их любви, подвергал их бесконечным дурацким испытаниям. Их поступки служили мне гарантией глубины их чувства. Я рос без матери, мне была нужна беспредельная любовь. Когда же девушка доказывала мне свою любовь и привязанность — даже если я вел себя по отношению к ней как порядочное дерьмо, — мой интерес к ней ослабевал, и я бросал ее. Но, даже расставшись с девушкой, я старался поддерживать с ней дружеские отношения. Я хотел, чтобы она видела во мне близкого ей человека, которому она могла бы доверить свои тайны. Иногда случалось, что я никак не мог решить, стоит ли мне сразу порвать отношения с девушкой или продолжить их, и тогда во время размолвки или ссоры во мне звучали два разных голоса. Один голос говорил мне: «Прекрати, неужели ты не понимаешь, что мучаешь ее, скажи ей что-нибудь ласковое, переверни ситуацию. Поцелуй ее, попроси прощения, и тогда увидишь на ее лице чудесную улыбку сквозь слезы. Я знаю, ты больше не хочешь поддерживать с ней отношения, но ты не можешь видеть, как она плачет, не выносишь ее слез, так что о разрыве поговоришь потом». Другой же голос убеждал меня: «Уходи, это как раз та минута, когда ты можешь порвать с ней, ты уже на грани разрыва, так сделай последний шаг. Конечно, ты причинишь ей боль, но ее боль скоро пройдет, не мучь ее, не дли бесконечно эту тягостную ситуацию. Нанеси ей последний удар, освободи ее, не будь эгоистом, не удерживай ее при себе, ведь ты ее больше не любишь. Очнись, взглядишь в нее, будь честен с самим собой, она же вызывает у тебя жалость, а женщина, которая пробуждает жалость, не может быть желанной. В конце концов, она сама виновата, ты никогда не стал бы так себя вести!»

Со временем я добился значительных успехов в диалектике. Я разработал и развил целый ряд теорий, которые приносили мне нужный конечный результат. Это было что-то вроде совершенного уравниения, которое неизбежно приводило к одному и тому же итогу. Но все мои уловки были лишь своеобразной самозащитой. Я и сам прекрасно понимал, что для женщины все эти логические умозаключения и почти эстетическая демонстрация хода мысли не имеют ровным счетом никакого значения, что ей нужно, чтобы ее поняли или просто приласкали. В это трудно поверить, ведь я часто выступал в роли палача, — но каждый раз при разрыве я по-настоящему мучился.

Если я встречался с девушкой в течение нескольких месяцев, то испытывал волнение даже при виде ее имени, которое высвечивалось на дисплее мобильного телефона. Иногда меня охватывал страх, что придет день, когда это имя исчезнет с дисплея, поэтому я придумал своеобразную тактику. Примерно каждые десять дней я изменял ее имя в памяти телефона.

Кстати, имя Франчески претерпело следующие изменения в моем телефоне. В первый раз я записал ее телефон под именем *Франческабар*. Потом она стала просто *Франческой*. У меня были еще две знакомые Франчески, но ее имя я записал полностью, без сокращений. Потом она превратилась в *Фра*, затем в *Френси* и *Франкора*. Все ее имена я уже не помню, но когда мы расставались, она была *Фрамобильный*. Когда мы с Франческой разорвали наши отношения, у нас возникло странное ощущение, которое потом переросло в уверенность, — что это не мы ошиблись друг в друге, а просто время свело нас в неподходящий час. Мы чувствовали себя близкими людьми, которых развело время. Тогда мы не знали, произошла ли наша встреча слишком поздно или слишком рано, но в тот момент нашей жизни нам казалось, что соединить наши судьбы было невозможно.

Прежде чем уйти из ее дома, я молча постоял посреди комнаты. Я понял, что, несмотря ни на что, испытываю ужасную горечь.

Почувствовав минутную слабость, я подошел к Франческе, собираясь ее поцеловать.

В прошлом это всегда приводило к нужному результату. Мы спорили, злились друг на друга, потом целовались, нас охватывала страсть, и все само собой устраивалось. По крайней мере, на время. Франческа оказалась умнее и честнее меня, потому что, когда я подошел поцеловать ее, она взяла сигарету и зажала ее в губах. Ей не хотелось курить, сигарета стала бесхитростным предлогом, чтобы не целоваться со мной.

Я ушел с ощущением пустоты, безвозвратной потери и чувством полного одиночества.

Я выключил телефон. Я никого не хотел ни видеть, ни слышать. Не знаю почему, но в тот вечер я часто вспоминал мать. Мне казалось, что она рядом со мной.

Я лег в постель и заснул. Было тридцать первое марта.

Все следующие дни мне часто хотелось позвонить Франческе, но я сумел удержаться и не набрал ее номер. Это было бы бессмысленно.

8 Он Ни Разу Не Бросил Меня

У каждого из нас есть свое 11 сентября. Особенный день, события которого делают эту дату незабываемой. День 11 сентября принадлежит всеобщей истории, но есть даты, которые имеют отношение только к жизни отдельного человека. Мое личное 11 сентября произошло 10 апреля. Этот день я запомнил на всю жизнь. Правда, есть памятные даты, связанные с приятными событиями: рождение ребенка, получение диплома, поразившая тебя встреча, первый рабочий день, свадьба.

10 апреля я встал с постели и, как обычно, пошел в редакцию. Мне заказали статью о наиболее популярных блюдах и о том, что чрезмерное их потребление может нанести вред здоровью. Иными словами, как соблюдать умеренность в еде и не объедаться во время пасхальных праздников. Весьма интересно, не правда ли?

Я вошел в свою комнату, и едва сел за письменный стол, как с него упал на пол и разбился стакан для ручек. Этот стакан с портретом «Битлз» я купил вместе с Федерико в Лондоне. Осколки разбитого стакана я выбросил в корзину. Жизнь в офисе, за исключением этой неприятности, шла своим привычным чередом, но в начале того дня я жил, не подозревая об этом, с безмятежным спокойствием японского мальчика из Хиросимы, который утром 6 августа играл в мяч за минуту до того, как американцы сбросили на город атомную бомбу.

Я уже писал статью о вкусной и здоровой пище, когда послышалась заливиная трель моего мобильного телефона. Звонил отец Федерико. В последнее время он часто звонил мне, надеясь застать у меня своего сына. Я подумал, что он хотел узнать, где Федерико.

— Здравствуй, Джузеппе, как дела? Если ты ищешь Федерико, то его здесь нет.

Джузеппе рыдал и не мог говорить, только повторял сквозь слезы имя сына: «Федерико, Федерико, Федерико...»

— Джузеппе, что произошло, почему ты плачешь? Что с Федерико? Что случилось?

Но он продолжал рыдать и не мог выговорить ни слова. У меня похолодело внутри. Я в жизни не слышал, чтобы он плакал.

— Федерико попал в аварию на мотоцикле...

— Боже мой... Он сильно разбился?

— Его отвезли в больницу...

— Это так серьезно?

— Когда приехала «скорая помощь», было уже слишком поздно.

— Как поздно? О чем ты говоришь? Что значит *слишком поздно*?

— Господи, Микеле, как такое могло случиться?.. Федерико не выжил...

— Что значит *не выжил*? В каком смысле? Я тебя не понимаю...

На самом деле я прекрасно все понял.

— Приезжай сюда, мы в больнице.

Я даже не успел сказать ему «я еду», как он отключил соединение.

Что случилось в последние пятнадцать секунд?

Я помчался в больницу. Когда я приехал туда, мой лучший друг был уже в морге.

Я не мог сразу увидеть его, нужно было ждать. После часа ожидания я вошел в мертвецкую. Он лежал в нескольких шагах от меня, казалось, что он просто спал.

Тысячи мыслей перемешались в моей голове. «Скажите мне, что это злая шутка, клянусь, я не буду злиться, но только перестаньте, немедленно прекратите разыгрывать меня. Давай, Федерико, вставай, улыбнись, хватит дурачиться, а то я поверю, что это не шутка, а правда».

Сбоку от тела Федерико стояла его мать, у нее были заплаканные, красные глаза. Она на минуту перестала плакать, но, когда увидел меня, снова залилась слезами.

Это был не розыгрыш. В одно мгновение жизнь повернулась к нам своей жестокой стороной. Она была слишком жестока с нами. Я молча прижимал к себе маму Федерико. Да и что я мог сказать? Что можно сказать матери, потерявшей сына?

Я обернулся. Сзади меня стоял Джузеппе. Было горько смотреть, как он плачет. Второй рукой я обнял и его.

— Почему, Микеле, почему это случилось, почему с нами, что мы сделали плохого, чтобы заслужить такое наказание? Что? Что? Почему не я попал в аварию? Так было бы лучше. Это несправедливо. Ему всего тридцать три года...

Я почувствовал, что могу потерять сознание. Я вышел на воздух, так как не мог больше находиться в помещении. Я еще так и не заплакал. Я не мог плакать. Я ненавидел себя за это. Я ненавидел себя, потому что хотел выплеснуть хоть малую часть своего горя, но не мог этого сделать. Как будто мне сделали заморозку. Мне было больно, но внешне казалось, что мне ввели не меньше литра обезболивающих средств. Меня словно набили ватой. Смерть Федерико глубоко потрясла меня, но у меня не было слез, даже рыдания его родителей не заставили меня заплакать.

Чуть позже пришла Франческа. Она увидела меня, подбежала ко мне и крепко обняла. На ней были темные солнечные очки, ниже черных стекол я видел покрасневшее и мокрое от слез лицо. Она плакала и всхлипывала, как ребенок. В руке она сжимала платок, превратившийся в мокрый комок. Мы оставались в больнице до пяти часов, потом тело Федерико вынесли из покойницкой. Франческа сказала мне, что

видела Федерико незадолго до аварии. Несмотря на то что мы с ней больше не встречались, Федерико каждый день заезжал в бар навестить ее. Он ненадолго задерживался в баре, болтая с ней. Мне было приятно, что их дружба продолжалась независимо от меня.

Вечером я зашел к Джузеппе и Мариэлле и недолго посидел с ними. В доме было много родственников. На следующее утро нам удалось достать номер телефона Софи. Мы должны были сообщить ей о том, что случилось. С ней разговаривал Джузеппе. Это мог сделать и я, но в те дни Джузеппе сам хотел заниматься всеми делами, он стал каким-то чрезмерно энергичным. А Мариэлла, наоборот, не могла и пальцем пошевелить. Странно видеть, как мы по-разному переносим горе. Кому-то надо беспрестанно что-то делать, а другой бессильно валится с ног. Была еще одна причина того, почему с Софи разговаривал Джузеппе. Он хорошо говорил по-французски. Пока он набирал номер, я вспомнил, как Федерико обмолвился о том, что авиарейсы в Италию из Кабо-Верде есть не каждый день, и предположил, что Софи может не попасть на похороны. Так на самом деле и вышло. Софи не смогла приехать на похороны Федерико. Я даже ей немного завидовал, потому что она не видела его после аварии, не видела слез и общего горя, она легко могла вообразить, что он неожиданно исчез, что они просто расстались. Нам всем было трудно осознавать, что случилось, и никто не знает, каково было ей поверить в то, что произошло. Как можно поверить в нелепость того, что случилось? Софи могла стать новой мадам Баттерфляй. Она могла жить с мыслью о том, что он уехал и однажды вернется. Я несколько раз пытался поступать таким образом. Я внушал себе, что Федерико улетел в Кабо-Верде. Я воображал, что он живет там, а Софи живет здесь, с нами. У каждого из нас есть своя тайная запасная лазейка. Все дни до похорон я приходил посидеть у тела Федерико. Я хотел лучше запомнить его лицо, пока это было возможно.

Я часами сидел рядом с ним. Иногда мне казалось, что он дышит. Я все время ждал, что с минуты на минуту он, как Джульетта, очнется от своего долгого сна. Я на самом деле на это надеялся. Мне приходили на ум услышанные в детстве рассказы о людях, которые просыпались как раз в тот самый миг, когда провожающие на похоронах готовились навеки закрыть крышку гроба. Я даже думал, что такое действительно может произойти.

— Если Бог может все, то почему он медлит сделать это? — спрашивал я себя.

Среди людей, которые приходили проститься с Федерико, я видел довольно много тех, кто не был с ним знаком и никогда с ним не виделся. Встречались и такие, кто интересовался, кого признали виновником аварии — Федерико или водителя автомобиля. Некоторые из них пытались выяснить мельчайшие подробности аварии и точную причину смерти Федерико.

Федерико разбился на мотоцикле. У него был разрыв аорты. Он умер в течение нескольких минут.

Разве эти подробности имели какое-нибудь значение? Федерико больше не было с нами, он больше никогда не вернется. Уже ничто не вернет его нам.

Приходили еще два человека; они разговаривали с родителями Федерико, пытались выяснить, как их сын относился к вопросу пересадки органов. В конце концов из его тела изъяли глазное яблоко. В те дни на лице покойного Федерико застыла счастливая улыбка, лицо его было удивительно красиво. Когда я оставался наедине с Федерико, я разговаривал с ним. Я рассказывал ему обо всем, даже о разбитом стакане с изображением «Битлз». Я даже подумал: а не он ли это сделал?

В день аварии, выйдя из больницы, я около семи часов вернулся в редакцию, так как мне пришлось спешно бросить свою работу. Статью за меня дописала Кристина, она работала со мной в одном отделе. Она очень способная девушка и заслуживает большей самостоятельности, но, чтобы добиться повышения, ей, как и всем работающим женщинам, надо работать намного лучше, чем ее коллегам-мужчинам. При одинаковых заслугах предпочтение, к сожалению, отдается мужчинам.

Я закончил свои дела и, перед тем как уйти домой, достал из корзины разбитый стакан, решив взять его с собой. После таких трагедий все приобретает особое значение. Та же открытка про бутерброд с тунцом, отправленная из Орегона. Несмотря на почтовый штамп и марку, открытка, кажется, пришла из Аргентины. Все-таки удивительно, какое значение приобретают для нас вещи, принадлежавшие человеку, которого нет больше с нами. Для нас они превращаются в драгоценность.

Я с трудом могу вспомнить все, что приходило мне в голову за последующие дни. В тот же вечер, не знаю почему, я поехал на место аварии. На асфальте валялись осколки красных подфарников. Я подобрал один кусочек. Он до сих пор хранится у меня дома.

Место аварии находилось между моим домом и домом Федерико. Кто бы мог сказать, что отныне эта дорога приобретет для меня привкус горечи. На дорогу, соединявшую наши дома, дорогу, по которой мы проезжали тысячу раз, чтобы встретиться с другом и по душам поговорить с ним, теперь опустилась тень горькой печали.

Машины стремительно проносились мимо меня по асфальту, сидящие в них люди даже не подозревали, что случилось сегодня утром на этом месте. Я понуро сидел на краю тротуара. Неожиданно в моей памяти воскресли те дни, когда умерла моя мать. Я думал о смерти, которая еще раз коснулась меня, ворвалась в мою жизнь и оставила в моем сердце еще одну саднящую рану. Я не знал, как мне справиться с ней, я никогда не мог примириться с бесповоротным ходом событий.

Почему? Почему? Потрясение от смерти Федерико было совсем иным, чем потрясение от смерти других близких мне людей. Не таким, когда от меня ушла мама или бабушка.

Смерть Федерико ассоциировалась с обрывом нити жизни. Потеря матери потрясла меня, но мне было всего восемь лет, к тому же дети воспринимают смерть по-своему. Только к двенадцати-тринадцати годам я понял, что ушла она не по своей воле, а это смерть оторвала ее от меня. И с этим новым знанием я уже по-иному переживал свое горе.

Но вот моя бабушка умерла в восемьдесят восемь лет, когда мне уже исполнилось двадцать четыре года. Она около года страдала от болезней. Ее терзали сильные боли, и, когда она умерла, мы все подумали, что так для нее будет лучше. Мы знали, что и ей тоже не гарантировано бессмертие, помнили об ее возрасте, так что наступивший конец казался нам почти естественным. В ее случае смерть, унеся с

собой боли, выступала в роли друга-избавителя.

— Да, так даже лучше, по крайней мере, она отмучилась, — говорили родственники на похоронах.

Но смерть Федерико стала первой смертью, случившейся с моим другом и ровесником. Моя мама умерла, когда ей было сорок лет; она была еще молодой, но для меня ее сорок лет казались уже старостью. К старым принадлежали и тридцатилетние. Они были взрослыми и относились к совсем другому миру.

Смерть еще никогда не подступала ко мне так близко. Я знал, что умереть можно в любом возрасте, но до гибели Федерико ясно этого не осознавал. Казалось, что это может случиться только с другими и не коснется меня, не коснется нас. О смерти я думал так же, как курильщик думает о том, что сигареты наносят вред его здоровью. Этот вред маячит перед ним где-то там, впереди, он коснется его в другой период его жизни. Сейчас же смерть была рядом, она бродила вокруг меня, ее дыхание ощущалось совсем близко. То, что случилось с Федерико, стало для меня сильнейшим потрясением, и не только из-за потери друга, но и по многим другим причинам. Но почему-то я не испытывал страшной боли утраты. Я все видел, все воспринимал, но, казалось, не отдавал себе отчета в том, что случилось.

Акустическая система моего стерео снабжена защитой. При превышении уровня предельной громкости колонки могут выйти из строя, поэтому, как только вы превысили уровень, защита автоматически срабатывает, и колонки отключаются. Со мной, наверное, случилось то же самое. Одна колонка стояла у меня в голове, другая — в сердце. В определенный момент они отключились, и я так до конца и не понял, что произошло.

Три дня я провел в морге, потом были похороны. Говорят, что на Рождество мы все делаемся добрее. Я так и не понял, это правда или нет. Но вот на похоронах добрее мы точно бываем. На похоронах мы становимся лучше, чем мы есть на самом деле. На лице каждого из нас появляется деликатная улыбка, мы вежливы и предупредительны, немногословны, говорим вполголоса.

Стоял прекрасный солнечный день. Казалось, наступило лето, и погожий день лишь усиливал наше горе. В такой день всем нам вместе с Федерико следовало бы отправиться в кафе-мороженое или устроить пикник на берегу моря, есть рыбу, запивать ее холодным белым вином, а вместо этого мы пришли на похороны Федерико.

Его кремировали. Мой лучший товарищ вдруг весь уместился в сосуде не больше банки с краской, которую мы купили для покраски оконных рам и дверей в гостинице. Все было настолько сюрреалистично, что я еле сдержался, чтобы не рассмеяться. За эти дни возникло немало абсурдных ситуаций, и если бы Федерико был жив, он первым хохотал бы пуще всех. Трудно и почти невозможно описать, сколько всего смешного происходит на похоронах. В этой драматичной ситуации можно отыскать много поводов для иронии.

На похоронах моего деда не обошлось без курьеза. Мастер ошибся при сооружении погребальной ниши, и когда гроб стали задвигать в нишу, он застрял посередине. Его нельзя было сдвинуть ни вперед, ни назад. Срочно послали за кладбищенским каменщиком, а пока он не пришел, мы в течение нескольких минут наблюдали невероятное зрелище: на высоте четырех метров от земли из ниши торчала половина гроба.

На каждом похоронах всегда отыщется что-то смешное. Не знаю, происходит ли это от того, что сам погребальный обряд часто носит гротескный характер, или же наше чувство самосохранения и жажда жизни невольно вызывают у нас желание рассмеяться. Быть может, после нескольких дней сильного напряжения мы испытываем естественную потребность на мгновение расслабиться, избавиться от груза пережитого. В это трудно поверить, но мне известны такие случаи.

Я вспомнил Федерико, его характер, его образ жизни, и мне показалось, что будет глупо, если я не рассмеюсь. Я хорошо знал его, я был уверен, что ему самому было бы приятно увидеть меня смеющимся на его похоронах.

Со временем мои размышления о смерти и Федерико стали меняться. В моей голове мелькали самые разнообразные мысли. Например, такая: пройдут годы, я постарею, моя внешность изменится, а он навсегда останется таким, как на фотографии, которую я повесил у себя дома.

Сейчас, когда я повзрослел, я часто думаю о том, как мне было бы приятно поболтать с ним, пофилософствовать о жизни. Попить с ним пива. Посмотреть, у кого раньше начнут седеть волосы. Было бы здорово снова вместе махнуть куда-нибудь, пусть даже с нашими семьями. Когда от нас уходит близкий человек, мы замечаем, как много мы потеряли в жизни. Мы чувствуем, что масштаб потери во много раз превышает то, что мы сделали или пережили вместе. Ведь Федерико в своей жизни должен был пройти через многие испытания, вернее, мы должны были пережить их вместе.

Почему? Почему?

На этот вопрос не найти ответа, и если вовремя это не понять, можно сойти с ума.

Невозможно было исправить то, что случилось, — прошлое нельзя изменить. Зато можно было изменить сам вопрос. Пора было прекратить спрашивать «почему?», пришло время задуматься над тем, как превратить это горе во что-то конструктивное. Как дать ему выход и преобразовать его.

Иногда мы почти боимся, что люди не поймут всей глубины нашего горя, когда мы снова начинаем улыбаться после пережитой трагедии. Возможно, это правда: когда умирает близкий нам человек, он продолжает жить в нас самих. Мы должны принять его в своем сердце, мы должны дарить ему самую счастливую жизнь, на какую только способны. Когда сейчас я думаю о Федерико, боль утраты уживается во мне с улыбкой, той улыбкой, которая всегда сияла на его лице.

После его смерти прошло почти три года, и моя глубокая боль превратилась в мощную силу. Федерико навсегда останется моим лучшим другом: наша дружба не изменилась, она лишь трансформировалась.

— Федерико, не оставляй меня. Никогда не бросай меня! — повторял я в первые дни после его смерти.

И он ни разу не бросил меня.

Франческа не выносит, когда трогают ее пупок. Я не знаю почему, да и сама она тоже не знает. Интересно, акушерки надавливают на ее пупок, чтобы ускорить роды? Во время нашей первой близости я провел рукой по ее животу, и она подскочила, будто ее укололи булавкой.

— Извини, просто мне неприятно, когда пальцами трогают мой пупок.

— Я не знал.

— Я даже не знаю почему. Представляешь, это единственная настолько чувствительная точка на всем теле. Я совсем не боюсь щекотки, но вот пупок у меня был всегда какой-то странной точкой.

— Тогда ты могла бы быть Адамом или Евой.

— Почему?

— Потому что у них не было пупка.

— Как так?

— Они жили без пупка, потому что мать их не рожала, у них даже не было детства.

— Я об этом никогда не думала. Как странно все-таки — я говорю не о пупке, а о детстве. Адам и Ева никогда не были детьми... как жалко!

— Да... первородный грех!

Все дни после смерти Федерико я жил в безнадежном отчаянии. Я не думал, что в жизни могут наступить такие леденящие времена. Но в те дни меня пронизывал страшный холод. Мне не хватало тепла, я искал человеческой теплоты, которая могла бы согреть мою душу. Как изголодавшийся зверь, я рыскал в поисках ощущений, которые заставили бы вновь забиться мое сердце. Словно призрак, жаждущий обрести плоть, я вымаливал для себя хоть немного настоящей, живой жизни. Я попал в тяжелое положение и хотел вырваться из него, я искал окно, из которого мог бы увидеть голубой просвет среди облаков. Я обращался к Федерико, обращался к Богу, у того и у другого я просил ответа и просветления. Я мечтал о том, чтобы добрые руки прикрыли и защитили меня, я хотел почувствовать, как кто-то так сильно прижимает меня к своей груди, что я как бы растворяюсь в его теле.

Я искал семейной теплоты. Я каждый день приходил ужинать к отцу с сестрой, в надежде получить от них немного тепла, поддержки и ощущения семьи. Я понял, что семья — это не просто отец, мать, сестры и братья, а чувства, которые их всех объединяют. Я уже давно отдалился от своих родных, но все равно надеялся на их помощь.

Мой отец держал мастерскую, а сестра занималась бухгалтерией — кассой, накладными, счетами.

Чем чаще я к ним приходил, тем яснее понимал, что и там для меня нет места. К тому же я уже давно жил отдельно от них.

Как-то вечером я зашел к ним, и пока сестра готовила ужин, а отец сидел на диване и смотрел телевизор, я зашел в комнату, в которой спал в детстве.

Сейчас ее стали использовать как кладовку и гладильню, но обстановка осталась той же, что и раньше. На стене все еще висела моя фотография, сделанная во время первого причастия, там же были снимки семейного отдыха на море и детские фото Федерико и моих друзей. Над кроватью на плакате по-прежнему красовался Брюс Ли с расцарапанной грудью.

На постели лежало выглаженное и сложенное стопкой белье. Я переложил его и лег, вытянувшись во весь рост.

Как только я снова оглядел свою комнату, уже лежа на кровати, воспоминания унесли меня в далекий мир детства. Стены комнаты были оклеены цветочными обоями. Кровать стояла у стены. На уровне подушки сходились две полосы обоев, и в этом месте я надорвал одну полосу. По вечерам я ковырял пальцем в образовавшейся щели. Это помогало мне думать. Под этим куском обоев прятались важные секреты и детские признания. Этот кусок обоев стал моим надежным сообщником.

Я снова просунул палец под обои. В доме было много малозаметных деталей, на которые я постоянно обращал внимание. В ванной, например, сбоку от унитаза стояла отопительная батарея, и на кромке третьей секции справа застыла капелька краски. Можно было еще разглядеть под слоем краски волосок от малярной кисти. Я много раз пытался ногтем отодрать эту капельку от батареи, но у меня ничего не получалось, так что она до сих пор еще там. Я никогда не говорил о капле краски своим домашним, но мне было любопытно узнать, обратили ли они на нее внимание. Я к этой капле испытывал дружескую привязанность, и до сих пор, когда захожу в ванную в родительском доме, я обязательно на нее смотрю.

Именно эти недоделки и дефекты стали дороги мне, с ними дом был родным и приветливым.

Так же дорога была мне и наклейка, которую бабушка нашла в плавленом сырке, а потом прилепила к стене на кухне. Наклейка оставалась там годами, и, когда я навещал бабушку уже взрослым, я непременно бросал взгляд на стену. Кухня без этой наклейки казалась бы мне чужой.

Лежа на своей детской постели, я прикрыл глаза, и перед моим внутренним взором всплыли многочисленные эпизоды из моей жизни в этом доме. Вспомнил я и причины, побудившие меня мечтать о том времени, когда я сбегу из дома и буду жить отдельно.

Пока я был маленьким, у меня с семьей, к которой я относил отца и сестру, были вполне нормальные отношения. Но когда я стал подрастать, что-то в наших отношениях сломалось. Скорее они сломались, когда моя мама улетела на небо.

Одним из самых приятных воспоминаний, относившихся к тому времени, когда моя мама еще была со мной, был образ смеющегося отца. Сколько лет прошло с тех пор? Когда я в последний раз видел смеющегося отца?

Когда он возвращался с работы, я уже ждал его, чтобы поиграть с ним, но отец часто сильно уставал и не мог со мною возиться. Он очень редко сразу же соглашался поиграть. О лучшем я и не мечтал. Мне было не важно, хватит ему сил на игру или нет. Я стал бы играть с ним, даже если бы он валился с ног от усталости. Я был готов уложить его спать прямо на полу, рядом с моими машинками. Тогда я прижался бы к нему сбоку и делал вид, что тоже сплю вместе с ним. С моим героем.

Однажды, в один из редких дней, когда он сразу согласился поиграть со мной, я сказал ему что-то про свою машинку, и он громко рассмеялся. Я услышал сверху смех отца, и меня словно окатило счастьем. Я

отплатил отцу таким же смехом, я был страшно рад, что отцу хорошо со мной.

В детстве я так сильно был влюблен в своего отца, что, играя с друзьями, начинал чинить свою машинку, подражая своему отцу в мастерской, вместо того чтобы катать ее по земле и изображать звук работающего двигателя. Я играл только с машинками, у которых открывался капот. Другие мне были не нужны.

Кроме воспоминания о том, как отец смеялся со мной, в моей памяти сохранились и некоторые другие моменты, когда я ощущал свою близость с ним. В частности, наш поход в горы, мы отправились туда вдвоем, только я и он. Мы вззошли на вершину, и, пока я зачарованно вглядывался в открывающуюся передо мной бесконечную даль, он наклонился и обнял меня. Я до сих пор помню, как он щекой прижался к моему лицу и указывал рукой, куда мне надо смотреть. От него пахло лосьоном после бритья. В ту минуту я был уверен, что у меня есть надежный защитник. Я тоже стал ощущать себя мужчиной.

В детстве я легко уживался со своей сестрой, потому что я был ее младшим братом и на протяжении многих лет служил ей игрушкой.

Игра с куклами не доставляла ей столько радости, сколько приносил я, маленький глупый братишка, который, как раб, исполнял все ее приказания.

Она, например, говорила мне: «Сейчас будем играть в ученика и учительницу».

Ничего себе, я возвращался домой из школы, пыхтел над домашним заданием — и во что после всего этого меня заставляли играть? В ученика и учительницу.

К тому же моя сестра не брала пример с учителей, которые любят своих учеников и помогают им. Куда там! Ей было интереснее изображать строгую учительницу, которая вечно кричит на своих воспитанников.

Она доставала какой-нибудь листок с каракулями и говорила мне, что я наделал кучу ошибок, а потом устраивала мне разнос и наказывала меня.

А какой мне был интерес получать нагоняй за то, что я не делал?

Но возможно, в этой игре мне не так доставалось, как во время игры в маму и сыночка.

Сестра смотрела на меня и говорила: «Сыграем...»

После этого вступления она делала паузу, и в ту же секунду меня охватывал тихий ужас.

«Что она теперь заставит меня делать?» — гадал я.

— ...Сыграем... в кастрюли.

Ее игра в кастрюли состояла в том, что она выставляла целую батарею игрушечной посуды, в которой потом якобы варила обед.

Я же, как идиот, должен был притворяться, что ем из пустой посуды, что-то тщательно пережевывать, а потом еще говорить, что все было очень вкусно. Тоска зеленая!

Случалось, между прочим, что я, вынужденный помимо своей воли играть в кастрюли, начинал возмущаться и вносил в мир детских забав трезвый подход и практичность мира взрослых, заявляя своей сестре, что тарелка пустая и мне нечего есть.

Нередко после таких деклараций она спускалась во двор, рвала траву, подбирала листья, собирала мелкие камни, а потом поднималась вверх. Нетрудно догадаться, куда попадали все эти изысканные блюда.

Конечно, они оказывались в моей тарелке. Трава превращалась в салат, сухие листья — в бифштекс, а камни — в отварной картофель.

Я стал живой куклой своей сестры.

«Сыграем... в прогулку в поле. Ты будешь собакой». Что же это за игра, прогулка в поле? Все свое время мы проводили вместе и, несмотря на то что я был ее несмышленной куклой, любили друг друга, нас связывали общие игры и тайны.

Когда же я начал взрослеть и у меня стали возникать первые стычки с отцом, она всегда вставала на его сторону и защищала его, невзирая на то, кто был прав.

Чаще всего, обращаясь ко мне, она говорила: «Если бы мама была с нами» или «Бедный папа».

Можно сказать, что она все время давила на чувство вины. К тому же она была хорошей дочерью и не доставляла отцу хлопот и неприятностей.

А все это происходило оттого, что она ничего не делала для своего счастья.

Всю свою жизнь она положила на то, чтобы скрасить несчастную судьбу нашего отца.

Мой отец несчастливый человек. Он всегда был таким. Я даже спрашивал себя, что сильнее повлияло на мою жизнь — его неудачи или смерть матери.

Смерть жены не стала причиной его несчастья. Потеря жены дала ему только лишний повод ощущать свое неблагополучие.

Я думаю, что если спросить мою сестру Маддалену о ее самом сильном желании, то она наверняка ответит, что мечтает увидеть отца счастливым человеком. Она всей душой желает ему спокойной старости. Сестра обожает нашего отца. Она тянется к нему, как цветок тянется к солнцу. Это чувство скрыто сидит и во мне, только я в определенный момент своей жизни ушел из дому и попытался освободиться от этой привязанности, которая со временем становилась для меня все болезненней.

Я ушел от них обоих. Я не хотел, чтобы они продолжали мельтешить у меня перед глазами, потому что видел в сестре несчастную женщину, а в отце — отчаянного неудачника. Мне было больно на него смотреть. Он даже не мог помочь мне сделать домашнее задание. Он водил взад-вперед по белому листу тетради пальцем с черной каймой под ногтем от вьевшегося машинного масла и никак не мог найти решение задачи.

Он постоянно забывал перекинуть в ванну трубу слива от стиральной машины и часто заливал всю квартиру.

Возвращаясь с работы, он шел мыться в ванную, закрывался в ней и торчал там часами. Когда мне надо было помочиться, мне приходилось стучаться в дверь и просить его поторопиться, а он при этом постоянно жаловался. Каждый вечер он выходил из ванной тщательно причесанный, свежий после душа, в одной и той же пижаме и ужасных шлепанцах, в которых так и не научился ходить тихо. Я сидел в кухне за столом

и слышал, как он, выходя к ужину, шлепает своими тапками, и, когда он появлялся на пороге кухни, я временами готов был запустить ему тарелкой в лицо. Ему и своей сестре, которая всегда накладывала мне еду во вторую очередь. Только после того, как поставит тарелку перед ним.

Чем взрослее я становился, тем нестерпимее мне было возвращаться домой по вечерам. Поэтому я до последнего сидел на скамейке со своими друзьями и старался как можно дольше удержать их на улице. Я входил в подъезд и содрогался от вечного запаха похлебки из брокколи и ботвы репы, который чувствовался даже на лестнице. Я не знал, на кого свалить вину за такую жизнь, которая меня совершенно не устраивала, и в конце концов во всем обвинил отца. Сделать это было проще всего, потому что он чаще других попадал впросак.

Поэтому, когда у меня появлялась возможность, я шел к Федерико, потому что его дом был красивее, чем наш, его отец больше походил на отца, у него была мать и еще домашний компьютер. Я словно в рай попадал, когда, переодевшись в пижаму, проводил вечера в его доме за компьютерными играми.

Мои отношения с отцом складывались трудно еще и потому, что я никогда не мог пожаловаться ему на свою жизнь. Разве можно расти и мужать, если ты никому не можешь пожаловаться? Любой начавшийся спор он пресекал одной и той же фразой: «Я стараюсь, чтобы у вас было все, что нужно, каждый день гну спину ради вас».

Что я мог сказать ему в ответ?

Этимися словами он постоянно напоминал мне, что виной его несчастий, тяжких мук и лишений были я и моя сестра. Словно только ради нас он влачил такую тяжелую и печальную жизнь.

Поэтому мы все время чувствовали себя в долгу перед ним. Магдалена и сейчас еще живет с моим отцом, старается отплатить ему добром за его заботу о нас. Я же сбежал из дому, потому что не мог больше переносить этот моральный шантаж, прикрывавшийся словами о благодарности, признательности и самопожертвовании.

Наши с отцом отношения навели меня на мысль, что моя любовь бессильна, бесплодна и фактически бесполезна, потому что все, что я делал для него, не могло облегчить его страданий.

Я довольно часто ссорился с ним, так как на самом деле мы никогда не были по-настоящему близкими людьми, даже когда я был совсем маленьким.

Мой отец, конечно, не относился к тому типу людей, которые умеют проявлять нежность.

Я хотел уйти, и наконец ушел, из дому также из-за отцовского склада ума, который вечно мешал ему насладиться минутой душевного покоя и превратил его, не в старом еще возрасте, в разуверившегося во всем человека, разбитого жизнью и работой. Ему все не нравилось, но и защищать ему было почти нечего.

На самом деле мой отец всегда был олицетворением «пессимизма и досады». Его состояние можно определить одним словом «Бди!». Что-то вроде крайнего пессимизма накануне всеобщей катастрофы.

— Папа, я поеду покататься на велосипеде...

— Осторожней, смотри не попади под машину!

— Папа, я на выходные пойду в горы...

— Смотри, в горах опасно, на прошлой неделе погибли два человека!

— Ты не дашь мне дрель, мне надо повесить люстру?

— Будь внимательней, смотри, чтобы тебя не ударило током. И с лестницей будь поосторожней, с нее легко упасть. Стоит только на секунду отвлечься.

Что бы я ему ни сказал, он тотчас же отыскивал вероятность плохого исхода и дюжину причин для беспокойства.

Иногда мне даже казалось, что он ждал, когда случится какое-нибудь мелкое происшествие, подтверждающее его теорию, чтобы и дальше жить в своем мире ожидания катастроф и добровольного отказа от любого действия.

И если действительно что-то не получалось, он ворчал: «А я ведь предупреждал? А потом еще говорят, что я пессимист. Никакой я не пессимист, а реалист».

Сколько глупых страхов поселилось во мне по его вине. Даже не сознавая этого, он годами вводил в меня огромные дозы парализующей сыворотки.

Недавно, сидя за столом над традиционной тарелкой супа, он высказался по поводу Федерико: «Если бы он сидел дома, то ничего не случилось бы. Человек, который как сумасшедший мотается туда-сюда, в конце концов добьется своего...»

Мне от этих слов стало плохо. Они глубоко ранили меня одним только своим смыслом. Я встал из-за стола и вышел, не сказав ни слова. Я не стал ничего говорить отцу, потому что понимал, что все это будет бессмысленно. Мне хотелось вместе с рвотой выплеснуть ему на грудь накопившееся во мне бешенство. Я был вне себя.

Я сел в машину и поехал кружить по городу. Я думал о том, что же случилось с тем человеком, которого я сильно любил в детстве. Я не хотел, чтобы моя жизнь закончилась так же, как и его, но чувствовал, что я качусь по той же дорожке, так же упорно закрываю глаза на многие вещи, делаю вид, что ничего не происходит, и стараюсь ни о чем не думать. Есть один анекдот про аиста, который должен доставить свой груз по указанному в заказе адресу. Но оказалось, что вместо новорожденного в простыню завернули старика. Старик смотрит, смотрит на аиста и говорит ему: «Ну что, черт возьми, пора признать свою ошибку: ты летишь не в ту сторону».

Со мной случилось то же самое: я делал вид, что ничего не происходит, лишь бы не признавать своих ошибок.

Я бы с облегчением расплакался, но я уже давным-давно перестал плакать. Я разучился это делать. Стяжение, овладевшее мной после смерти матери, иссушило мои слезы.

Я вернулся домой, прошел в ванную и посмотрел на себя в зеркало.

— Кто ты? Кто я? Когда я умру? Кто я такой? Какое у меня лицо? Тело? Руки? Голос? Что такое человек, из чего он состоит? Из того, чему он научился? Из музыки, которую он слушал? Из слез, которые он

пролил? Из ласки, которую он дарил или получал в ответ? Из поцелуев? Из скольких вещей состоит человек? Сколько в нем мыслей? Неужели все это исчезнет? И куда это уйдет? Во что превратится? И что останется?

Я смотрел на себя в зеркало и понемногу стал ощущать, как во мне нарастает волна ярости. Это была ярость, которую я всегда старался подавлять в себе и держать под контролем. Впервые в тот вечер я потерял над ней контроль. Я начал кричать: «Мне плооохоооо! Хватит, хватит, хватит, хватит, хватит!»

Казалось, что меня захлестнула неведомая сила: я начал разбрасывать все подряд. Сначала в ванной я сбросил на пол мыльницу, зубную пасту, всякие флаконы, потом выскочил в комнату. Опрокинул письменный стол и подставку под плеер, сбросил книги с полки, разбросал диванные подушки и все, что было на кухонном столе. Я кричал и ломал все, что попадало мне под руку. Потом рухнул на пол. Я кричал, но так и не смог заплакать.

Я тяжело и часто дышал. Я задышался.

Я помню, что был страшно зол. Я злился на жизнь. Я ее ненавидел. Я злился, потому что знал, что я жалкий трус. Я злился, потому что душа моя была мертва. Не Федерико, а я был покойником.

— Федерико, где ты, черт возьми?

— Мама, куда ты пропала?

Я ненавидел и ее за то, что она уже давно оставила меня одного. Я ненавидел Бога, я ненавидел своего отца.

Мне было плохо, потому что я понимал, что смерть может наступить в любой момент. Мне было плохо, потому что я боялся того, что мне плохо.

Понемногу я успокоился и остался лежать на полу, устремив глаза в потолок. За все те годы, что я прожил в этом доме, я ни разу на него не посмотрел. Я разглядывал только потолок над своей постелью в спальне. Я думал о Федерико и представлял, что он здесь, рядом, и, как всегда, подтрунивает надо мной. Он, видно, вволю насмеялся, глядя, как я крушил все вокруг.

— Ты здесь? Если ты здесь, то дай мне знак, звуком или голосом, или передвинь что-нибудь в комнате, ну сделай же что-нибудь...

Я огляделся по сторонам, чтобы посмотреть, не видны ли следы его присутствия. Я до сих пор невольно улыбаюсь, когда вспоминаю себя в те минуты. Я сотню раз просил его дать знак, что-то сдвинуть, подать голос, погасить свет. Часто, когда я оставался один, я просил его представить мне доказательства его присутствия, обещая, что я никому не скажу об этом, но в глубине души я боялся, что он на самом деле исполнит мою просьбу. В конце концов я убеждал себя, что он не подавал знака, чтобы не напугать меня, зная, что я не готов вынести такое сильное переживание.

В нашем воображении часто возникают образы близких нам людей, которых больше нет с нами. Например, всякий раз, когда происходит что-то хорошее, мы думаем, что это они помогли нам. Я всегда так вспоминал о своей маме. Ты чудом избежал аварии? Конечно, это ее заслуга в том, что ты спасся. Нашелся дом, о котором давно мечтал? Подвернулась интересная работа? Выпала удача? Всегда это их заслуга и их помощь. Оттуда.

Я поднялся и начал подбирать вещи, раскиданные по квартире. Наводя порядок на письменном столе, я нашел квитанцию от ювелира. «Кулон для Софи».

Я вспомнил день, когда мы его заказали. Я положил квитанцию в ящик и пошел спать. Я был совсем без сил, но заснул все-таки не сразу.

10 Все Говорило Мне Об Одном И Том Же

На следующее утро я не пошел на работу. Все знали о моей дружбе с Федерико, и никто не сказал мне ни слова. Не отрицаю, что я этим в какой-то мере воспользовался.

Идите-ка вы все к чертовой матери, решил я.

Я прошелся по городу и встретил Пьетро. Мы давно не виделись. Пьетро мой старый приятель. Еще со средней школы, как и Федерико, но он был не из нашего класса. Мы учились в «А», а он в «Е».

Я поговорил с ним о Федерико, мы вспомнили забавные истории и наши совместные проделки. В конце воспоминаний нас, казалось, утешило то, что Федерико никогда не отворачивался от радостей жизни, в том числе и от материальных удовольствий. Он всегда жил напряженной, бурной жизнью, будто бессознательно предугадал, что умрет молодым.

В тот день Пьетро рассказал мне, что он оставил работу в коммуне и сейчас руководил кинологическим центром, занимаясь дрессировкой собак. И он тоже бросил все, чтобы воплотить свою мечту.

— Мне стало невыносимо каждый день являться в офис только ради своего оклада. Я жил под диктатом зарплаты.

— И в один прекрасный день ты послал все к черту и ушел?

— Да нет, как я мог так поступить? У меня не было свободных денег, я не мог позволить себе уйти с работы. Я мог, конечно, уволиться и устроиться на временную вечернюю работу в какой-нибудь ресторанчик, но при таком раскладе лучше было оставаться в коммуне. Во всяком случае, после стольких лет работы в коммуне у меня появились кое-какие связи, я знал, с какого края надо зайти. По выходным я стал посещать курсы дрессировки собак в Парме. Когда я научился работать с животными, я на пару месяцев остался в кинологическом центре, а потом вернулся сюда. Сейчас я руковожу чем-то вроде филиала, который у нас открыл мой шеф. Возможно, когда-нибудь я открою свой центр, но сейчас, честно говоря, мне и так хорошо. Работать с собаками было моей мечтой. Конечно, платят мне меньше, чем я получал в коммуне, но зато у меня здоровая работа и ощущение свободы и счастья.

— Ну, так тебе повезло, что именно у нас твой шеф решил открыть новый центр.

Так мог сказать только мой отец. Я встречаю человека, которому удалось осуществить свою мечту, и тут же спешу заметить, что это везение.

— В общем, да, мне повезло, — согласился Пьетро, — но все-таки я сам этого добился. К тому же,

работая в коммуне, я познакомился с людьми, которые смогли мне помочь. Ну а потом, если ты на самом деле хочешь чего-то добиться, то это, как правило, происходит.

— А как у тебя с Мартой?

— Я больше с ней не живу.

— Извини, мне жаль, вы так красиво смотрелись вместе.

— Той пары больше нет: Марта была превосходной девушкой для Пьетро из коммуны, а я уже не такой.

— В каком смысле?

— Когда я жил с Мартой, мы прекрасно дополняли друг друга. Я был нужен ей, она была нужна мне. Но потом, когда я поменял работу, эти отношения сломались.

— Она была против?

— Когда я работал в коммуне, я, честно говоря, вел очень скучную жизнь. Ничто меня не интересовало, не зажигало. Я не знал, к чему приложить свои силы, чтобы полнее выразить себя. Я даже подумать не мог о том, чтобы раскрыть себя на работе: там я, наоборот, был вынужден себя подавлять. Если бы на моем месте сидел другой человек, то не изменилось бы ровным счетом ничего. Я был всего лишь штатной единицей. Когда вечером я возвращался домой, возвращался к своей жизни, я мечтал быть человеком со своим собственным лицом. Я не хотел больше оставаться штатной единицей. Я хотел быть самим собой, Пьетро, человеком, жизнь которого что-то значит для других людей. Мне было нужно, чтобы ко мне тянулась хоть одна живая душа. Чтобы этот человек тосковал, когда меня нет рядом с ним, а не так, как на работе, где меня могли спокойно заменить другим, как меняют болты. Марта была моим островком счастья. Только с ней я мог свободно выражать свои чувства. И она привязалась ко мне, потому что для нее было важно чувствовать, что она кому-то нужна. Знать, что она многое для меня значит. Она хотела приносить счастье. Стать моим счастьем. Свою жизнь она связала с моими желаниями. Так что, когда мы расстались, она перечислила все, что сделала для меня, и стала укорять меня в неблагодарности, а потом обозвала эгоистом, способным думать только о самом себе... Марта бессознательно старалась подорвать мой интерес к тому, что мне нравилось. Ни одного моего плана она так и не одобрила. Когда я заговорил о своем желании бросить работу в коммуне, чтобы попробовать себя в дрессировке собак, она сразу же постаралась посеять во мне сомнения и страх перед будущим. И как только я заинтересовался вещами, которые выходили за рамки нашей совместной жизни, как только я перестал искать счастья только в нашем тесном мирке и оторвался от ее груди, сразу же что-то сломалось в наших отношениях, и вскоре мы расстались. Мы уже не ощущали себя, как раньше, единым целым, что-то мешало нашим половинкам слиться воедино...

Пьетро умолк, несколько секунд помолчал и продолжил:

— Марта больше не разговаривает со мной и обвиняет меня в том, что я ее предал. Предал не с другой женщиной, а в более глубоком смысле. Возможно, потому, что я разорвал тот молчаливый договор, который свел нас вместе. Она потеряла свою роль незаменимой для меня женщины и не смогла заново выстроить наши отношения. Ей надо жить рядом с мужчиной, который не может обходиться без ее внимания, ведь именно этим она привязывала меня к себе. Если человек ласков и внимателен к тебе, ты чувствуешь себя порядочным дерьмом, когда желаешь избавиться от его присутствия. Но я уже стал независимым. Мне жаль, что так случилось. Я какое-то время выжидал, но потом решение созрело. Лучше поздно, чем никогда...

Пьетро посмотрел на меня и добавил:

— Заезжай ко мне на днях, выпьем пива. Мой центр находится почти рядом с городом, всего двадцать минут езды на машине.

Когда Пьетро рассказывал мне о своей жизни, я вспоминал о вечере, проведенном с Федерико в Ливорно. Ведь за ужином он говорил со мной примерно о том же. Я спрашивал себя, какова роль случая в том, что мы, заинтересовавшись какой-то идеей, встречаем много людей, которые говорят о том же и живут похожими идеями. Или, возможно, я и раньше встречал их в жизни, но не обращал на них внимания, потому что у меня не было интереса к этим вопросам? Наверное, со мной случилось то, что обычно называют «эффектом резонанса»?

Я не берусь ответить на этот вопрос, но в последние дни все говорило мне об одном и том же.

11 Я Ищу Себя

После смерти Федерико дни потекли тягостной чередой, словно лениво бредущие неповоротливые динозавры, оставляющие за собой цепь глубоких следов. Мир продолжал существовать и без Федерико. Ничто больше меня не интересовало. Я по-прежнему как бы находился в состоянии анестезии, словно жил в стеклянном пузыре. В общем-то, я уже давно пребывал в этом состоянии, разница была только в том, что теперь я не мог притворяться, будто ничего не замечаю. Единственное, к чему я не мог оставаться равнодушным, было мое равнодушие. Вероятно, в тот момент я думал, что и для меня пришло время попытаться, по крайней мере, понять, кто я такой на самом деле. Это было мое единственное, важное для меня решение. Я чувствовал, как вокруг меня образуется скорлупа, и мне уже пора было определить, с какой стороны ее проще разбить, чтобы выбраться наружу. Я не хотел умереть раньше, чем смогу свершить то, что было мне суждено при рождении. Я должен был сделать это также для Федерико. Но сложность заключалась в том, что меня по-прежнему окружали те самые люди, которым, как и мне, было наплевать на такие порывы. Я и сам всегда считал эти мысли немного смешными. Я охотно мог поболтать о них в течение одного вечера, но на другой день эти вопросы меня больше не трогали. То, что произошло со мной, пережитое мной потрясение, открыло мне глаза или, лучше сказать, придало мне сил испытать себя. Жить, как раньше, у меня не получалось, потому что в костюме, сшитом по старой мерке, я не мог сделать ни одного естественного движения, не говоря уже о поступках. Стоило лишь посмотреть на меня со стороны, и становилось ясно, что все свои поступки я совершал только ради своего блага, а такой образ существования мешал мне жить по-настоящему.

В то время я еще не знал, что в любую минуту жизни можно взять поводья в свои руки и резко изменить свою судьбу.

«Как же человеку узнать, в чем его предназначение? Что поможет ему разгадать эту загадку?» — спросил я у Федерико в первый вечер, когда мы заговорили на эту тему.

Я должен был избавиться от своих старых представлений о себе. Я должен был поменять круг друзей, найти людей, которые могли бы понять то, что творилось в моей душе. Эти люди наверняка испытали чувства, похожие на мои. В голове у меня роились тысячи путаных, бессвязных мыслей. Мне надо было постараться свернуть с пути, на котором человек, понимая, что ему не дано быть лучше других, поступает так же, как все, и в конце концов становится частью толпы из-за страха оказаться хуже других.

Я должен был набраться смелости и сдвинуться с места. Но кто поможет мне стать смелее?

В лицее я выучил одно крылатое выражение: *Porta itineris dicitur longissima esse*, «врата — самая длинная часть пути», или, проще говоря, труднее всего сделать первый шаг, — и только сейчас понял, какой смысл вкладывали в него древние римляне.

Я боялся смерти, и, прежде чем она придет за мной, мне хотелось ощутить полноту жизни, сделать что-то значительное. Это желание бессознательно направляло каждое мое решение, действие, поступок.

На этот раз я наконец-то нашел в себе мужество. Федерико придавал мне сил. В этом следовало искать знак его присутствия, а не в сдвинутой лампе или вспыхнувшем свете, о чем я просил его раньше. Он мне дал намного больше, чем я просил у него, он помог мне сдвинуться с места. Он зажег передо мной свет, он подарил мне новый образ мыслей.

«Федерико, не бросай меня!»

Однажды я пришел домой, открыл ящик письменного стола, взял квитанцию и пошел к ювелиру забрать кулон Софи. Потом я заказал билет на самолет с открытой датой обратного вылета, чтобы лично передать украшение Софи.

Затем я вернулся на работу и попросил дать мне отпуск на месяц. Главный редактор ответил, что я выбрал не самое подходящее время, что он сочувствует мне, понимает мое горе, входит в мое положение, но, к сожалению, отпуск мне дать не может.

Наш редактор в общем неплохой человек, он к сотрудникам относится даже лучше, чем того требует от него ситуация. Но и на него тоже давят многочисленные обстоятельства. Он был, безусловно, прав, я выбрал не самый подходящий момент для отъезда, но вся беда в том, что подходящего момента никогда не бывает.

Я терпеть не могу одну черту характера нашего редактора. При определенных обстоятельствах он становился очень скользким человеком. Когда нужно, он умеет подмазаться, словно он не человек, а крем для загара. Он из той породы людей, которые сразу же проявляют к тебе дружеское расположение, осыпают тебя похвалами и комплиментами, но все это настолько фальшиво, что, стоит тебе лишь один раз ошибиться, ты автоматически из лучшего друга превращаешься во врага и дурака. С той же страстью и восторгом, с которым он хвалил тебя, он начинает тебя топить и порочить. В прошлом я даже ненавидел его. Но если бы жизнь не сломала меня, я никогда не хватался бы за такое заурядное оружие. Ненависть часто является лишь отголоском других чувств. Ненависть тесно связана с чувством собственного бессилия.

В тот день на мою просьбу редактор ответил отказом.

У меня вырвался вздох разочарования, но в ту же секунду я решил, что все равно уйду в отпуск.

Когда я покидал кабинет редактора, он сказал мне вдогонку, что если я все-таки уеду, то могу вообще не возвращаться. Теперь я разочаровал его, и отношение главного ко мне стремительно переменялось, он объявил мне войну. Но в ту минуту ничто не могло меня напугать.

Я вышел из кабинета редактора. Мне скоро должно было исполниться тридцать три года. За это время я не смог найти общего языка с отцом и сестрой, успел потерять мать и лучшего друга, оказался не в состоянии поддерживать отношения с женщиной и так и не разобрался, как мне жить дальше. В банке у меня оставалось триста евро, и меня только что уволили с работы... ну что же, неплохо для начала.

Но, как ни странно, я прекрасно себя чувствовал. По крайней мере, в ту минуту.

Я решил отогнать машину в мастерскую отца и оставить ее там. Я сказал отцу, что если он найдет клиента, который захочет купить машину, то он может ее продать. Я стал выкидывать из машины накопившееся там барахло и, открыв багажник, обнаружил в нем дорогую для себя вещь. Среди хлама, валявшегося в багажнике, затерялся голубой свитер Федерико, тот самый, который сейчас я повязал себе на пояс. Этот свитер имел для меня то же значение, что и стакан для ручек и открытка, которую написал мне друг во время своих странствий. Я понюхал его в надежде, что он еще хранил запах Федерико. Запах сохранился. Я был бы безумно рад, если бы знал, как можно удержать его навеки. Запах близкого человека волнует сильнее, чем сотня фотографий. Только запах, как и боль, со временем исчезает. Я уже много раз надевал этот свитер. Он согревает меня лучше любого другого. Пусть даже рукава коротковаты.

Я никак не могу понять, одежда при стирке растягивается или садится. Когда я прихожу в магазин и примеряю вещь, которая мне тесна, продавщица уверяет меня, что после двукратной стирки она растянется и будет мне впору. Если же я примеряю вещь, которая мне велика, то меня убеждают в обратном — говорят, что после стирки она сядет. Ловкие у нас продавщицы.

Я зашел в дом попрощаться с отцом и сестрой, сказал им, что взял отпуск и собираюсь ненадолго уехать. Потом натянул свитер Федерико и вернулся к себе домой. Я стоял на пороге настоящего приключения, оставлял за спиной все, что мне было привычно и знакомо, и готовился шагнуть в неизвестность. Наконец я почувствовал, что у меня достаточно смелости и желания, чтобы «ринуться вперед, упасть и взмыть ввысь», как однажды в разговоре со мной выразился Федерико.

Меня охватило сильное возбуждение, я ощущал прилив новых сил. На следующий день я отправился на поиски самого себя.

Прежде чем подняться в самолет, я всегда заглядываю в билет, смотрю на ряд и литеру своего места. Не знаю почему, но я никак не могу их запомнить и постоянно вынимаю из кармана билет, пока не сяду на свое место. В моем головном мозге отсутствует отдел, отвечающий за запоминание данных, указанных в билете. В самолете, уносившем меня в неизвестность, я занял кресло со стороны прохода, справа от меня сидела очень полная женщина лет семидесяти. Перед взлетом стюардесса принесла ей удлинитель для ремня безопасности. Я в жизни не видел таких полных женщин. Бессмысленно говорить, что подлокотника справа у меня как бы не было, я не мог положить на него руку, потому что на нем лежал гигантский батон колбасы с сосисками вместо пальцев.

Во время полета я волновался. Я боялся, что самолет разобьется и я умру. Смерть подкралась ко мне слишком близко, мне казалось, что я даже увидел ее своими глазами. Я впервые испытывал страх в полете и, чтобы избавиться от напряжения, заставил себя думать о чем-нибудь смешном. Я стал воображать, как голые лилипуты бегают взад-вперед по салону самолета.

Более или менее спокойно я себя почувствовал, когда решил, что если самолет упадет в море, то я плюхнусь в старую шлюпку, сидевшую справа от меня. Полет проходил нормально, только лилипуты все бегали по коридору.

Соседство с проходом было не самым большим удобством, а кроме того, слева от меня еще сидели две девушки. Одна из них то и дело принималась плакать. Я впервые видел эту девушку, но внутренне был готов приободрить ее, сделать что-нибудь для нее, чтобы помочь ей избавиться от гнетущего ее чувства, — наверное, потому, что меня самого переполняли боль, тоска и страх. В общем, мы были с ней товарищи по несчастью. В ее рыдании слышалось такое отчаяние, что я вообразил, что она, наверное, тоже потеряла близкого человека, возможно кого-то из родителей. Только позже я догадался о причине ее слез, когда подруга неожиданно осадила ее: «Хватит, не думай больше о нем, теперь тебе надо думать только об отдыхе, а не об этом мерзавце. Вот увидишь, в лагере ты встретишь сотни парней лучше, чем он. К тому же, честно говоря, ты избавилась от порядочного засранца. Я на твоём месте так не горевала бы, да и грустить тебе незачем. Поверь мне, тебе повезло, что все так закончилось...»

Оказалось, что девушка страдала из-за того, что рассталась со своим парнем. «Да катись ты к черту», — сказал я про себя.

В те дни я слишком жестко относился к людям, переживавшим несчастье. Я был убежден, что по-настоящему страдал только я один, тогда как те, кто переживал, например, из-за разбитой любви, не имели права даже омочить ноги в мрачном океане скорби.

Только позже, со временем, я научился с уважением относиться к любому проявлению горя. Даже к горю ребенка, потерявшего свою игрушку. Но в ту минуту, в самолете, меня возмущало, что девушка позволяет себе проявлять мировую скорбь из-за какой-то ерунды. Что значит ее горе по сравнению со смертью близкого человека?

Мне хотелось крикнуть ей, что она дура, что ей надо Бога благодарить за то, что она плачет всего лишь по такому поводу.

В то время я ощущал себя одним из немногих, кто действительно имел право на страдание. Мне было позволено оплакивать друга, но я не мог разразиться рыданиями, а эта пустоголовая девица проливали литры драгоценных слез из-за какого-то козла. Мои глаза оставались сухими, а она транжирила свои слезы.

При приземлении из-за сильного ветра самолет немного тряхнуло. Когда открыли двери самолета, я сразу почувствовал жару, влажность и запах нетронутой природы. Смешанный запах моря, зелени и влажной земли. Пешком мы дошли до дверей аэропорта, где у нас проверили документы. Почти все пассажиры вокруг меня были итальянцами. Большинство сразу же включили мобильные телефоны и стали обмениваться между собой репликами: «Соединяет... не соединяет... работает...»

Их соседство стало мне надоедать. Верно говорят: когда в жизни у тебя не все ладно, тебя постоянно все раздражает. Несчастливые люди без конца оценивают окружающих, беспрестанно выражают недовольство их поведением и часто вымещают на них свое плохое самочувствие или ощущение собственной несостоятельности. Вначале досаду у меня вызывала плаксивая девица, затем всеобщая мания сразу же хвататься за мобильные телефоны, но раздавшиеся после приземления громкие аплодисменты возбудили во мне сильнейшее раздражение. Не знаю почему, но эти аплодисменты ожгли меня, как удар хлыстом. Было очевидно, что мне на самом деле плохо.

Выйдя из аэропорта, я взял такси и попросил отвезти меня в гостиницу Софи. Большинство пассажиров с нашего рейса уселись в микроавтобусы и направились в лагерь отдыха. Я смотрел на женщин и думал, что половина из них наверняка вернется домой с косичками.

Первое, что я заметил, выйдя из машины, был открытый контейнер. Я узнал его, узнал и находящееся в нем оборудование. Дверь «посады» была открыта, я вошел внутрь и увидел рабочих, монтировавших длинную стойку. Я так и не понял, собирали они стойку бара или бюро для приема клиентов. Я спросил о Софи, и мне сказали, что она на крыше. Я поднялся наверх и среди обнаженных по пояс, худых и потных мужчин увидел ее. Перед моими глазами предстала молодая, сияющая женщина с тонкой, прелестной фигурой и в то же время уверенным взглядом. Софи улыбнулась мне, я представился ей, но не сказал, что я друг Федерико: «Меня зовут Микеле, я итальянец, я хотел бы поговорить с тобой».

Она отдала несколько распоряжений рабочим, и мы спустились с крыши. За стройкой, на краю деревянной веранды под соломенной крышей, стоял стол с напитками. Мы уселись за него.

Я сразу понял, что хотел сказать Федерико, когда рассказывал о Софи. Привлекала не столько ее красота — хотя Софи действительно была очень красива, — а весь ее облик. В глазах ее было нечто таинственное, что сразу же пленяло.

Она налила себе холодного лимонада, я взял пиво. Я думаю, она тогда уже догадалась, что я был другом Федерико, но ничего мне не сказала и ждала, когда я сам заговорю.

— Я друг Федерико, я приехал передать тебе одну вещь. Он заказал ее для тебя, но не смог отдать. Держи.

Когда Софи увидела кулон на ажурной цепочке, она не произнесла ни слова, только изменилось выражение ее глаз. Казалось, что они пульсируют в ритме ее сердца. Она поблагодарила меня, но не спешила надеть украшение. Она пальцами трепетно ощупывала кулон, сжимала его и гладила. Ее пальцы скользили по кулону, словно она гладила ладонь человека. Наконец она надела украшение.

Между мной и Софи завязался разговор. Мы не говорили о Федерико, вопросы Софи в основном относились ко мне, ей хотелось ближе со мной познакомиться. Она сказала, что Федерико часто рассказывал ей обо мне, он говорил обо мне скорее как брат, а не друг. Едва она увидела меня на крыше, как сразу поняла, что это я.

Мы долго просидели за столом. Я сидел рядом с Софи; мы знали, какую роль сыграл Федерико в жизни каждого из нас, и, даже не говоря о нем, мы ощущали его близость. Мы оба были частью его жизни.

Софи предложила мне остаться на ужин.

Я сказал, что в последнее время решил произвести переоценку ценностей в своей жизни, что я переживал своего рода кризис личности, который заставил меня резко изменить свою жизнь, свои привычки. Я рассказал ей, что мое решение уехать возникло совершенно неожиданно, я совсем не задумывался об этом, что меня, вероятно, почти наверняка уволили с работы, что у меня не было денег, к тому же я не имел ни малейшего представления о своем будущем. Я только был убежден, что готов отдать все свои силы ради поиска альтернативы моей прежней жизни, чтобы знать, как жить дальше. В последнее время мне было больно и стыдно, когда я вспоминал о том, как жил раньше и как живу сейчас, но в то же время во мне появилось своеобразное чувство свободы, которое охватывает нас, когда мы стоим на пороге нового мира. Я произнес эти слова — и вдруг осознал, что впервые в жизни оказался без твердой опоры под ногами, в полном неведении о том, что буду делать дальше. Ведь стрелку будильника, стоявшего на моем столике, я выставил много лет назад и больше к нему не прикасался. Единственным исключением было только то, что по субботам и воскресеньям будильник не звонил. Но сейчас это меня ничуть не тревожило, наоборот, мне казалось, что я стал путешественником, скитальцем, очаровательным авантюристом.

Я дышал полной грудью. Подшучивал над своим положением. Я чувствовал себя довольно смешным и сам подсмеивался над собой. Софи провела меня по гостинице и показала чертежи проекта, который она задумала вместе с Федерико, объяснила, что еще предстояло сделать. Работы оставалось еще очень много. Потом она взглянула на меня и сказала, что если я хочу, то она может оставить меня у себя. У нее есть свободная комната, вернее, все комнаты пока свободны, потому что их еще надо доделать. Взамен я мог бы поработать на стройке.

— Бред какой-то! Вчера я потерял работу, а сегодня уже нашел другую. Ни дня отдыха. Хорошо, я согласен.

Моя реакция на это мистическое предложение выглядела совершенно естественной.

Комната была, можно сказать, условно пригодной для жизни. Ванной и туалета в ней не было, они находились в конце коридора, но там не было горячей воды и света после шести часов вечера. Когда рабочие заканчивали работу, они выключали генератор. Я был единственным постояльцем. Но в комнате была одна чудная вещь — окно, выходящее на море. Поскольку я оказался единственным жильцом, я стал и ночным сторожем. Должен заметить, что жизнь при свете свечи, с матрасом на полу и столиком, сколоченным из ящиков для фруктов, придавала моему путешествию романтическую окраску. Сама Софи жила в небольшом домике в ста метрах от «посады».

В первое время я в основном старался привыкать к новой обстановке. По прошествии нескольких дней у меня наконец-то получилось сходить в туалет, и я сразу же почувствовал облегчение. Когда я приезжаю на новое место, я в первые дни не могу облегчиться, так что я вполне мог бы обходиться и без туалета при наличии душа. Я начал работать, и у меня появились новые знакомые, в то же время я все больше сближался с Софи. В ней я открыл для себя много нового. Мне было интересно слушать ее рассказы о своей жизни. В Париже она училась на педиатра, но, проработав два года, так и не смогла понять, хочет она заниматься этой работой или нет. Однажды она поехала в отпуск на Кабо-Верде и влюбилась в эти острова. Она вернулась домой и порвала с прошлой жизнью.

Среди многих замечательных черт ее характера меня особенно поражала и очаровывала ее вежливость. Софи была вежлива и в поведении, и в обращении с людьми. И не только со мной, но и со всеми без различия. Естественно, мы часто говорили о Федерико. В любом случае, его присутствие чувствовалось и замечалось во всем. Всякий раз, когда по какому-либо поводу заходила речь о Федерико, все отзывались о нем с большой теплотой. Было видно, что местные жители любили его и любят до сих пор. Он оставался среди нас, и мы знали об этом.

Я рано, как только забрезжит заря, поднимался по утрам, а спать ложился вскоре после наступления темноты. Мне ужасно нравилось следовать природному ритму. У меня ничего не было, даже мебели, но я ощущал полноту жизни. Я сумел обставить свой внутренний мир.

Через пару недель рабочие провели электричество, но должен сказать, что светом я почти не пользовался, потому что уже привык к образу жизни, который вел с самого начала в гостинице, и он мне больше нравился. Часто я ужинал у Софи. Я был доволен, что между мной и другими строителями появилось взаимопонимание и чувство локтя. Отношения с ними вышли за рамки поверхностного знакомства: как тебя зовут, откуда ты, кем работал, был ли женат, есть ли у тебя дети. Я не знаю почему, мне это трудно с точностью объяснить, но меня, например, растрогало, когда в самом начале один из них принес мне стакан воды. Он сделал это не потому, что недавно стал моим приятелем, а потому, что всегда был таким. Для него это был совершенно естественный поступок, но мне он понравился.

Парня, с которым я работал, звали Сади. Мы сразу понравились друг другу. Он все время улыбался. Я много раз испытывал к нему почти братские чувства. Его деликатность, внимание и чуткость не один раз меня по-настоящему тронули. Сади был женат, у него росли два малыша. Как-то вечером, после работы, он пригласил меня поужинать на следующий день у него дома. Я без раздумий согласился.

Рано утром он пришел на работу и сразу же напомнил мне о своем приглашении. Было видно, что он

рад, что я приду к нему домой. Мне еще никогда не приходилось чувствовать себя столь желанным гостем. Я не знал, что мне захватить с собой. Я взял несколько бутылок пива. Когда я пришел к Сади домой, он познакомил меня с женой и детьми. Он заметно волновался. У себя дома, в чистой, нормальной одежде он казался совсем другим человеком. Повсюду в глаза бросалась бедность. Стены еще не побелены, в комнатах жалкая мебель, разномастные стаканы на столе, потертый диван, дешевые статуэтки на полках. Но нигде я не чувствовал себя так уютно, как в доме Сади в тот вечер. Меня встретили с бескорыстным гостеприимством, окружили добрым человеческим теплом. Говорят, что настоящее богатство проявляется в умении быть щедрым. Так вот, Сади был богатым человеком.

Много времени я проводил с ним и после работы. Иногда по воскресеньям вместе с Сади, его женой и детьми я приходил навестить его мать. Там собирались его братья и сестры со своими семьями, так что гостей набиралось больше сотни человек. Родственники пили, ели, играли на гитарах, общались друг с другом. Мое присутствие среди них ни у кого не вызывало удивления. Просто одним человеком больше. После того как меня представили им, я уже считался своим человеком, почти членом семьи. А утром по воскресеньям я часто ходил с Сади рыбачить на море. К нам присоединялся его друг Стра. Я с большим удовольствием уплетал рыбу, которую только что выловил в море.

Стра был мастером на все руки: он быстро находил подходящее место, ловко сматывал и забрасывал леску, вытаскивал рыбу, чистил ее и готовил. Я же на рыбалке был немного заторможенным и неловким, зато проворно поедая жареную рыбу. В тот период у меня все время был отличный аппетит. За еду я садился с удовольствием. На это, видно, обратил внимание и Сади, потому что он часто приносил мне на стройку что-нибудь вкусное, приготовленное его женой. Забрав пакет с едой, мы отходили в сторону выпить пива и поболтать. Говорили мы на смеси языков — несколько слов на итальянском языке, фраза на португальском, пара слов на креольском, — причем всегда понимали друг друга и много смеялись. Особенно часто смеялся Сади, при этом у него было настолько открытое лицо, что было невозможно не проникнуться к нему симпатией.

Однажды он заметил на столе мой мобильный телефон. Я выключил его сразу после отъезда. Включал я телефон не больше двух раз, чтобы проверить, не искал ли кто меня. Я знаю, это было проявлением слабости, но я сразу же его выключил и дал себе слово, что не возьму больше в руки до возвращения на родину.

Когда Сади увидел телефон, он сказал мне, что Федерико обещал ему привезти телефон из Италии.

Мне показалось странным, что Сади мечтал о мобильном телефоне. Я думал, что такие вещи не должны были его интересовать.

Он поднялся и пошел в туалет. Мы уже выпили по три бутылки пива.

Я посмотрел на телефон, взял его со стола и включил.

На дисплее появилась надпись «CPV Movel» — название оператора мобильной связи на Кабо-Верде.

Я быстро просмотрел список непринятых вызовов. В нем было около сотни имен, но ни с кем из звонивших мне не хотелось общаться.

Даже с самыми близкими людьми. Я задержался на именах, к которым я добавлял уточнения: *Федплощадь*, *МоникаСмарт*, *Луизафитнес*, *Ларамж* (мраморная жопа), *Эленаблонд*, *Кристинатеннис*, *Элизапарик* (парикмахерша).

Интересно, как знакомые девушки зашифровывали мое имя в своих телефонах: *Микиурод* или *Микикрасавчик*. Тут многое зависело от вкуса.

Я знаю, что в телефонах моих знакомых замужних женщин я значился под женскими именами. Я был *Луиза*, *Роберта*, *Франческа*. Одна женщина записала мой номер под условным обозначением «косметолог».

Я выключил телефон, вынул сим-карту и затем подарил телефон Сади, когда тот вернулся в комнату. Я довольно долго убеждал его взять мой телефон, потому что он мне больше не нужен.

Сади пошел домой с сияющими глазами. Он отошел уже довольно далеко, когда мне пришлось окликнуть его, чтобы передать ему еще одну вещь, без которой ему было не обойтись. «Сади, — крикнул я, — мы забыли о зарядном устройстве».

13 Еще Один Раз

Много времени я проводил и с Софи, я испытывал радость от общения с ней. Наши отношения отличались большим количеством необременительных знаков внимания, которые мы оказывали друг другу. Когда Софи отправлялась за покупками, она часто покупала что-то и для меня. Бывало, я делал то же самое. Возвращаясь с рыбалки, я приносил Софи несколько пойманных рыб. Если во время прогулок по пляжу мне попадалось что-то интересное, например раковины, красивые камушки, диковинной формы ветки дерева или отшлифованные в море стекляшки, я оставлял их на ее подоконнике или на пороге дома. Но каждый из нас внимательно следил за своими действиями и старался оставаться только на своей половине поля. Наша общая привязанность к Федерико не давала нам права вторгаться в чужую жизнь.

Я с удовольствием ездил с Софи на машине. Мне особенно нравилось, что во время этих поездок Софи включала песни, которые были созвучны моему настроению. Я даже часто гадал, подбирала ли она музыку в зависимости от моего состояния или это музыка так влияла на мое настроение. Мы иногда ездили на огромный пляж на другой стороне острова. Там на берегу лежал старый, искореженный пароход, много лет назад выброшенный штормом на берег. Железный остов парохода, словно ржавый нож, перерезал пустынный пляж. На пляже не было ни одной живой души, ближайший поселок находился от этого места очень далеко.

— Когда у меня есть время, — сказала Софи, — я часто приезжаю сюда, мне здесь хорошо.

Мы были примерно в сорока минутах езды от дома, передо мной открывался изумительный вид, но я почему-то сразу же подумал, что если машина не заведется, то нас здесь никто не найдет.

Мы пошли по песку к пароходу, на ходу я время от времени подбирал раковины. Я брал только те, в

которых была видна дырочка, сквозь которую можно было продеть нить. Собирайте такие раковины меня научил Стра. Я не думал сделать из них ожерелье. Я хотел нанизать раковины на нить вперемежку с ветками, кораллами и маленькими камешками и повесить ее за окном или на двери веранды. У Стра такие гирлянды получались очень красивыми, я еще не пробовал делать их, но надеялся, что у меня они получатся не хуже.

— Здесь я в первый раз поцеловалась с Федерико, — произнесла Софи, когда мы подошли к пароходу.

Не знаю почему, но несколькими секундами ранее у меня мелькнула мысль именно об этом, только я не думал о первом поцелуе, мне просто подумалось, что Федерико и Софи должны были целоваться на этом месте.

Мне захотелось обнять ее, но я пересилил себя и нагнулся за новой раковиной.

Карманы моих шорт уже были полны ими.

Мы немного постояли, ничего не говоря, потом вернулись к машине.

Когда Софи повернула ключ зажигания, машина не подала никаких признаков жизни.

В одну долю секунды в моей памяти всплыло все, что я вычитал в «Руководстве для молодого сурка». «Прежде всего не надо волноваться. Север находится в той стороне, с которой растет мох на стволах деревьев». А вокруг нас не было ни травинки.

К счастью, машина завелась. На обратном пути Софи остановилась перед маленьким домом, сложенным из камней. У порога дома лежала спящая собака. Услышав шум машины, собака принялась лаять, так что я не спешил выйти из машины.

— Зачем мы остановились?

— Мы купим здесь козьего сыра.

Тем временем из дома вышел мальчишка, который вынес нам шесть небольших кружков сыра.

Здороваясь со мной, он громко сказал: «Привет, Баджо!»

Мне стало приятно. Софи посмотрела на меня с недоумением, и я объяснил, что мальчик мой друг. Действительно, несколько дней назад он стал свидетелем моего спортивного подвига. Встреча с ним здесь, так далеко от поселка, казалась редкой случайностью.

Мне нравилось, что меня принимали за своего. Поэтому те несколько снимков, что я сделал на острове, я сделал тайком. Я не хотел выглядеть туристом.

На следующий день Софи позвала меня на обед; помимо козьего сыра, она угостила меня теперь уже моим любимым блюдом *cachupa guisada*, которое готовится на сковороде из мяса, крупы и яиц. На мой взгляд, блюдо это довольно плотное, но раз в неделю я позволял себе им полакомиться. После него я два или три дня старался есть только легкую пищу. Отварной рис и знаменитую рыбу *гароупа*, которую отменно готовят на Кабо-Верде.

Когда я в первый раз оказался в доме Софи, я заметил две фотографии, на которых я узнал ее и Федерико. На одной они были на пляже, на второй — на фоне Эйфелевой башни. Одна летняя фотография, а другая зимняя. Пока я рассматривал зимнюю фотографию, Софи сказала: «Я не хотела, чтобы мы снимались на фоне башни, поэтому и поставила его на это место. Но Федерико настоял, и то, что эта фотография осталась у меня, целиком его заслуга. Мне, парижанке, казалось глупым фотографироваться так, словно мы туристы. А сейчас она стала моей любимой. У меня есть и другие фотографии — хочешь посмотреть?»

Софи открыла ящик и протянула мне конверт с фотографиями. На одних она и Федерико были в отдельности, на других вместе, кто-то из них держал аппарат в вытянутой руке, чтобы в кадр попали они оба. Некоторые снимки были сделаны с такого близкого расстояния, что носы казались гигантскими, а на лицах светились блики от вспышки. Потом шли снимки, на которых Федерико и Софи были в отдельности, спящими в постели.

— А это что за фотографии? — полюбопытствовал я.

— Это было что-то вроде игры, — ответила Софи. — Однажды я проснулась раньше, чем он, и сфотографировала его спящим. В следующий раз он сфотографировал меня. Ну, а поскольку мы постоянно спорили, кто встает раньше и кто спит дольше, какое-то время тот, кто первым открывал глаза, снимал другого спящим. Так и накопились наши утренние фотографии в постели.

Я испытывал странные чувства, перебирая фотографии Федерико, сделанные в доме женщины, которая все еще оставалась для меня незнакомкой. Это было для меня немного неожиданно, потому что я по-прежнему считал, что Федерико принадлежит только мне или тем, с кем я был хорошо знаком.

«При чем здесь эта женщина и его фотографии?» — вертелось у меня в голове. Это чувство трудно объяснить. Я даже на миг испытал приступ ревности.

Ну, а в тот день, когда я пришел к Софи на обед, мое отношение к ней стало совсем другим, я мог сказать, что уже успел близко познакомиться с ней и сильно к ней привязался. Она была потрясающей женщиной. В ее доме все для меня стало своим. После моего приезда на остров прошло уже больше месяца, но этот день стал особенным, потому что за обедом Софи посмотрела на меня и произнесла глухим голосом:

— Мне надо поговорить с тобой.

— Я в чем-то провинился? — с беспокойством спросил я. — Ты хочешь меня уволить?

— Я беременна.

Вилка выпала из моей руки.

— Как беременна? От кого? Нет, то есть, ради бога, извини, я не то хотел сказать, я имел в виду, ну, в общем... уже давно?

— Об этом никто не знает, даже Федерико не знал. Я собиралась сказать ему об этом после его возвращения. Я поняла, что беременна, перед самым его отъездом, сейчас заканчивается третий месяц.

— Черт возьми, — непроизвольно вырвалось у меня. От неожиданности я не мог понять, хорошая это новость или плохая. — Но почему ты никому ничего не сказала? Родителям Федерико надо бы сказать об этом — ты так не считаешь? Я их хорошо знаю, они будут счастливы.

— Я хотела быть полностью уверенной в этом, начальный период беременности требует крайней осторожности. Я не хотела причинять им новую боль. Но после третьего месяца можно уже особенно не беспокоиться, хотя я не думаю, что скажу им об этом, прежде чем доношу ребенка. И мои родители ничего не знают о беременности. А тебе я рассказала об этом, потому что доверяю тебе. Ты единственный, кому это известно.

Я встал из-за стола с таким ощущением, словно всю ночь напролет занимался любовью с женщиной. Это состояние испытываешь после того, как ночью часами ласкаешь женщину, а утром на работе чувствуешь себя физически совершенно истощенным, но в то же время ощущаешь душевный подъем и счастье. Так вот, я испытывал те же самые ощущения. Я чувствовал себя одновременно разбитым и счастливым.

Я спросил у Софи, где она собирается рожать, нужна ли ей моя помощь, но у Софи было медицинское образование, и она сама знала, что ей надо делать. Все последующие дни я думал только об этой новости.

Жизнь продолжалась, с ее взлетами и падениями, и то и дело опрокидывала все планы. Едва я начинал чувствовать твердую почву под ногами, как судьба в очередной раз хваталась за край скатерти и вновь сбрасывала все со стола.

Но это странным образом начинало мне нравиться.

14 La Mulher Del Abraço^[1]

Шло время, но округляющийся живот Софи оставался почти незаметным, потому что она ловко скрывала его под свободной одеждой. Закончился третий месяц. Прошел и четвертый. Я время от времени воображал, как будущие дедушка и бабушка, родители Федерико, узнают о рождении ребенка. Мне было приятно представлять себе выражение их лиц, когда они услышат эту новость. Я же тем временем пытался понять самого себя. Я, как и Софи, готовился произвести на свет новое существо. Благодаря Сади, я уже стал каменщиком, электриком, сантехником. Я брался за любую работу, по крайней мере, старался хорошо ее выполнить.

Сади многому меня научил. Я всегда восхищался людьми, которые умеют работать руками. Я часами, как замороженный, готов наблюдать за руками опытного работника. Сади знал свою работу и охотно передавал мне свой опыт. На Боавишта я начал следить за своей физической формой. На остров я прилетел бледнокожим, с дряблыми мускулами. Теперь вечерами, закончив работу, я отправлялся бегать, а после пробежки купался в море. Я получал огромное удовольствие: вода казалась мне, разгоряченному бегом, холоднее обычной, я чувствовал себя, как бог. Купание в море на закате стало моим фитнесом. Чтобы справиться с эмоциональным потрясением, пережитым в детстве, мне еще ребенком пришлось спрятаться в раковину, закрыться панцирем, поэтому мое тело как бы отвердело, я никогда не был проворным и гибким. Я ни разу не мог дотянуться руками до кончиков пальцев на ногах, не сгибая их. Теперь мое тело стало более гибким.

Иногда я не бегал, а шел прогуляться в центр поселка. Однажды я пришел туда обнаженный по пояс и узнал, что появляться в таком виде здесь запрещено. Когда мне об этом сказали, я даже подумал, что меня разыгрывают. Но это на самом деле была правда. Полицейский остановил меня и хотел оштрафовать, но я объяснил, что ничего не знал о запрете. Полицейский поверил и не стал меня наказывать.

С семи вечера на площади играли в футбол. Вначале я просто стоял и наблюдал за игрой, но потом набрался смелости, вышел вперед и присоединился к одной из команд. Все-таки футбол — отличная игра. Всякий раз, когда я начинаю возиться мячом, я обещаю себе чаще выходить на поле, но потом забываю о своем обещании.

Сбоку от импровизированной площадки находился маленький бар с постоянно включенным радио. Мне нравилась музыка, доносившаяся из бара. А выпить после игры стакан холодного пива уже стало традицией. Стоявшая за стойкой девушка, увидев меня в баре, всегда широко улыбалась; иногда, когда я поворачивался в ее сторону, я замечал, что она смотрит на меня. У меня появилось ощущение, что я ей симпатичен, но не было желания это проверить. Мне просто нравилось, как она на меня смотрит. Этого мне было вполне достаточно.

Я не отличался выдающимися футбольными способностями, но играл, в общем, неплохо. В любом случае, когда в школе мы делились на команды, я никогда не оставался игроком, которого звали в последнюю очередь. Таким всегда был Джованни Гаффурины. Бедняга. Если он хотел, чтобы его взяли в команду, ему приходилось приносить свой мяч. Джованни прозвали Капитан, потому что никому даже в голову не приходило бы выбрать его капитаном.

Во время одной игры на площади, как всегда, текла привычная жизнь. Девушки стояли по краям футбольной площадки, лениво бродили собаки, из бара доносилась музыка, широко улыбалась барменша, порывы ветра приносили знакомый запах запеченной на гриле рыбы. И вдруг в этой будничной обстановке произошло чудо. Игрок нашей команды Чилас — я с этим парнем, кстати, работал на стройке — получил мяч от вратаря и отпасовал его мне на середину поля. Я, вдохновленный уж неведомо каким божеством, обвел трех соперников и сделал передачу на край партнеру, а тот навесил мяч в центр штрафной, откуда я в невероятном акробатическом прыжке ударом через себя забил гол.

Этим голом я сорвал аплодисменты даже наших соперников. Кто-то пожал мне руку. Я, сделав вид, что такие удары для меня дело плевое, поднялся с земли и пошел к центру поля, словно ничего необычного не случилось. Только внимательный наблюдатель мог заметить, что я слегка прихрамывал. Никто, кроме меня, так и не узнал, что я мучился от дикой боли после падения на твердую землю. Я вынужден был притворяться, что мне не больно, чтобы не разочаровать своих болельщиков, среди которых было немало девушек. В любом случае, игра стоила свеч, потому что в течение нескольких дней после этого гола меня при встрече называли Баджо.^[2]

Прошло не так уж много времени, и, благодаря своей славе голеадора, рабочим со стройки, моим

партнерам по игре в футбол, родственникам Сади и приятелям, с которыми я пил пиво в баре, я познакомился с множеством местных жителей. Даже когда я заходил в магазин за покупками, со мной здоровались как с одним из своих. Мне еще помогало то, что в поселке знали, что я был другом Федерико.

Тем временем, пока я все ближе знакомился с местной обстановкой, моя собственная жизнь текла совсем не так, как я привык жить до отъезда из Италии.

Можно сказать, что я сбежал от старой жизни, потому что мне было не по себе. Но я никогда не думал, что, расставшись с ней, я расстанусь и со своей болью, и со своим горем. Наоборот, я знал, что они как тень будут повсюду следовать за мной, пока я не сумею их расщепить, трансформировать и, главное, не начну с ними бороться.

Однажды, несмотря на то что все вокруг меня было, как обычно, тихо и спокойно, я ощутил душевное волнение. Я стал испытывать беспокойство. К тому же накануне мне приснился странный сон. Во сне я сидел на кухне в доме отца, что-то ел и вдруг, во время еды, почувствовал, что у меня выпадают зубы. Они выпадали сами по себе, не было и следа крови. Зубы сыпались у меня изо рта, и когда я нагнулся, чтобы подобрать их, мощный поток воды хлынул в дом, унося с собой мои зубы, а потом смыл все в доме, включая меня самого. Я проснулся от того, что бешено колотил ногами, будто отчаянно барахтался в воде.

Странный был сон, да и вообще я, наверное, уже начал понимать, что мой первоначальный восторг иссяк и все мои проблемы снова выплыли на поверхность. Нехорошие мысли вновь завертелись в моей голове. Захваченный волной новых впечатлений, я слишком долго делал вид, что со мной все в порядке. Вначале мне было приятно, словно я сильно опьянел, но по прошествии времени хмель начал выветриваться, и я стал осознавать свое положение. Я так и не внес ясность в свою жизнь. Я не сумел смело взглянуть в лицо своим неприятностям, я не изменился, а только на время оторвался от самого себя, но сейчас мое увеселительное путешествие приближалось к своему окончанию.

Я не совсем ясно понимал, где я нахожусь и что я здесь делаю. Все было не так, как раньше. Тогда, встречая знакомого человека, я знал о нем практически все, потому что годами виделся с одними и теми же людьми. Раньше люди знали, кто я такой, какая у меня машина, чем я занимаюсь, из какой я семьи, в какие дни хожу в спортзал на тренировку. Здесь ничего подобного за мной не стояло. Здесь меня не было. Точка. Раньше, когда приходило чувство одиночества, мне было достаточно пойти в бар, где я наверняка мог встретить знакомых.

Если прежде я всегда предпочитал возвращаться в знакомой обстановке, где я чувствовал себя уверенно и мог контролировать ход событий, то теперь я жил в состоянии полной неопределенности. Я находился в свободном падении. Такое положение перестало, как в первые дни, приводить меня в безудержный восторг, я уже не ощущал себя Индианой Джонсом.

Раньше, возвращаясь вечером домой, я оказывался среди своих привычных вещей и обретал душевный покой. Перед моими глазами были моя постель, мой музыкальный центр, мой компьютер, моя чашка. Мои пальцы уже много лет прикасались к этим предметам. Я бессознательно тянулся к ним, потому что они отражали мою суть. Но тогда же я начал понимать, насколько мои представления о себе сковывали меня, давили на меня, стеной вставали между мной и миром, мешая мне разобраться в жизни. Я понял то, что раньше мне было непонятно: я должен сдвинуться с этой мертвой точки. Отойти от самого себя.

Я практически выбросил за борт все, что определяло меня как личность. Остался без своих корней. Я наблюдал, как распадалась и рушилась моя прежняя жизнь.

Бывает, что во время поездки на машине мы сбиваемся с верного пути и неожиданно начинаем обращать внимание на незнакомую местность. Мы замечаем ее только потому, что заблудились. Со мной случилось то же самое. Я разглядел в себе черты, на которые никогда не обратил бы внимания, если бы не сбился с пути. Я съехал со знакомой колеи, по которой привычно катился в своей жизни.

И вот я приблизился к такому же моменту своей жизни, в какой загадочный литературный герой Улисс назвался именем Никто. Я перепугался, когда мне пришлось плутать по новым, незнакомым местам вдали от известной мне дороги. Мной снова овладел страх. Я был сбит с толку. Я по своей воле угодил в капкан. В детстве я просунул голову сквозь прутья балконной ограды и не смог высунуть. Пришлось звать дедушку, чтобы он помог мне высвободить голову. Между прутьями я просунул ее легко, а вытянуть ее обратно мне мешали уши. И вот я снова оказался зажат невидимыми прутьями. Я высунулся вперед, чтобы разглядеть, что происходит дальше, и никак не мог вернуться назад.

Мне уже несколько дней было не по себе, но в то утро меня прорвало. «Что за бред я придумал для себя?» Весь день я думал о том, как мне вернуться домой, вернуться к своей прежней жизни. Высвободить голову из прутьев. Даже Сади заметил, что со мной творится что-то неладное, но и ему я ничего не сказал. Я пошел узнать, когда будет ближайший самолет в Италию. Но так называемое бюро путешествий было закрыто, оно открывалось на следующий день, и, когда я узнал об этом, мной овладело отчаяние, мне казалось, что меня заперли в клетке. Теперь уже я твердо решил вернуться домой. Я старался не попадаться Софи на глаза, потому что мне было стыдно.

В тот вечер я никак не мог заснуть. Я вертелся в постели, как цыпленок на вертеле. В какой-то момент мне стало совсем плохо. Я не мог вздохнуть полной грудью. У меня получались только короткие, прерывистые вдохи. Мне стало плохо. Я испугался. Мне казалось, что я умираю. Я встал и ополоснул лицо. Потом попробовал выпить воды. Я не смог сделать ни глотка. Я окончательно растерялся. Наконец я вышел из своей комнаты и постучался в дверь дома Софи.

— Извини за беспокойство, но мне плохо... — сказал я, когда она открыла. — Мне очень плохо, я не знаю, что делать, я не могу дышать, есть ли здесь врач или хоть кто-нибудь, даже не знаю кто... прошу тебя, помоги мне... со мной такого никогда не было, я не понимаю, что происходит...

Софи велела мне успокоиться, зайти в дом и сесть на стул. Но я не мог успокоиться, тем более сесть на стул. Я не смог даже войти в дом.

— Подожди минуту, я сейчас оденусь и отведу тебя к женщине, которая, наверное, сможет тебе помочь.

Она вскоре вышла из дома, и мы пешком пошли в поселок. Улица оказалась безлюдной, вокруг не было ни души. Пока мы шли, я без конца просил у Софи прощения, но она каждый раз обрывала меня, говоря, чтобы я перестал извиняться.

Когда мы вошли в поселок, она остановилась перед домом со светло-зеленой дверью. По крайней мере, она казалась такой в ночном свете. Софи постучала в дверь, и через пару минут на порог вышла полная цветная женщина. Она тепло поздоровалась с Софи и спросила, что случилось. Потом провела нас в дом.

Я еще сильнее разволновался. Я-то думал, что мы идем в «скорую помощь» или что-то в этом роде. Когда мне плохо, мне спокойней в больнице, где хотя бы есть лекарства.

— Не дай бог, она сейчас заставит меня есть петушиный гребень и пить козью мочу, — проговорил я с испугом.

Софи объяснила хозяйке, что со мной произошло. Тина, так звали эту крупную женщину, поставила на огонь воду и стала спрашивать, кто я такой и как я себя чувствую. Она выглядела очень спокойной, никуда не спешила, и меня бесило, что ее не встревожило мое состояние. Вероятно, ни она, ни Софи так и не поняли, что мне на самом деле очень плохо. Я не мог дышать, меня всего трясло, я, возможно, был уже при смерти, а эта женщина ничего еще не сделала для меня и продолжала болтать с Софи. Я не до конца понимал, о чем они говорили, только разобрал среди их разговора свое имя, а потом имя Федерико. Софи, наверное, сказала ей, что он был моим другом. Я спросил у Софи, о чем они говорили, и она объяснила мне, что Тина интересовалась, как меня зовут и откуда я приехал.

— Я сказала ей, что ты друг Федерико, — прибавила она, — и тебе трудно дышать.

— А что она у тебя спрашивала?

— Она спросила, как давно ты здесь живешь, кем работаешь — в общем, хотела узнать кое-что о тебе.

— Да при чем здесь все это, я же не прошу у нее руки ее дочери... мне плохо.

Как раз в эту минуту Тина подошла ко мне и внимательно заглянула мне в глаза. Потом она положила руку мне на грудь, точно на солнечное сплетение, на ту самую впадину в груди, которая находится сразу под ребрами. Она продолжала пристально смотреть мне в глаза, и на мгновение я почувствовал себя абсолютно голым. У меня возникло впечатление, что Тина смотрела сквозь меня, по ту сторону меня. Потом она что-то сказала мне на своем языке.

— Что она говорит? — спросил я у Софи.

— Что в глубине твоих глаз прячется мальчик, и он плачет.

Тина еще немного помассировала мне грудь, потом прикрыла глаза и стала с силой надавливать и растирать пальцами область солнечного сплетения. Мне было очень больно. Она велела мне глубоко дышать, и, когда я делал выдох, она с силой погружала пальцы во впадину под грудиной. После нескольких глубоких вдохов у меня закружилась голова, мне казалось, что ее пальцы проникают в мое тело, пронзают его насквозь. Чтобы усилить давление пальцев, она положила другую руку мне на спину и резко, в такт выдохам, надавливала на нее, так что вскоре у меня возникло ощущение, что ее руки соприкасаются внутри моего тела. Это ощущение было вполне отчетливым. Она перестала давить на мою грудь и обняла меня. Я всегда избегал физического контакта с незнакомыми людьми, но в объятиях Тины чувствовалась домашняя теплота. Так меня прижимала к своей груди моя бабушка. Единственная, кому я это позволял в детстве, за исключением моей мамы. Я осторожно поднял свои бессильно опущенные руки и тоже обнял Тину. Это движение было настолько естественным, словно мои руки сами к ней потянулись. В том месте, где она своими пальцами растирала мне грудь, у меня неожиданно возникло ощущение теплоты, которая стала разливаться по всему телу. У меня задрожали ноги, но Тина подхватила меня, не дала мне упасть. Меня бросило в пот. Лоб, шея и спина сразу взмокли. И вдруг я разразился рыданиями. Я плакал и не мог в это поверить. Наконец-то из меня хлынули слезы, наконец-то они начали смывать мою боль. Я больше не владел собой. Я всхлипывал, давился слезами, рыдал, слезы ручьем лились из глаз, словно хлестал ливень в летнюю грозу. Я плакал минут десять. Целую вечность. Я стоял, как ребенок, посреди комнаты, вцепившись в незнакомую женщину, словно в ней самой и сосредоточилась жизнь. Мне и сейчас еще хочется расплакаться, когда я вспоминаю о той ночи. Понемногу все успокоилось. Я сел на стул и молча сидел. Говорить я не мог. Я еще не отошел от потрясения. Софи с Тиной улыбались. Глаза у Софи блестели, думаю, она тоже плакала. Я смотрел на них и улыбался. Теперь мне было хорошо. Я еще никогда не испытывал такого блаженства.

Тина сняла с огня кастрюльку с закипевшей водой и опустила в нее пакетик.

— Что она собирается дать мне? — спросил я у Софи.

— Зеленый чай, если ты хочешь пить.

Пока чай остывал в чашках, Тина жестом показала, чтобы я последовал за ней. Мы вошли в спальню, и Тина велела мне посмотреть на себя в зеркало. Из-за сильного волнения я не был похож на самого себя, но глаза у меня были чистые и сверкали, как две искорки.

Выпив чаю, я спросил у Тины, сколько я должен ей заплатить. Она попросила меня принести на следующий день килограмм кофе, так как ее запасы уже закончились.

По дороге домой я попытался подробнее выяснить у Софи, что же со мной на самом деле произошло. Я хотел знать, приходилось ли ей испытывать то же самое. Она ответила, что иногда заходила к Тине и они стояли некоторое время, обняв друг друга, но Софи не всегда после этого плакала. Тина была в очень теплых отношениях с Федерико, это он познакомил Софи с ней. В поселке ее называли *la mulher del abraço*, женщина с даром объятий.

15 Как Мне И Говорил Федерико

Две недели назад я брал интервью у слепого от рождения молодого человека, которому в тридцать четыре года вернули зрение. Это была очень интересная, глубоко взволновавшая меня встреча. Для слепого от рождения человека обрести зрение равносильно полету на другую планету. Теперь, чтобы узнать предметы, которые он видел впервые, ему приходилось прикасаться к ним руками. Молодой

мужчина не имел отчетливого представления о пропорциях и расстояниях и часто ударялся и натыкался на предметы даже с открытыми глазами. Он, например, не знал, что чем дальше находится какой-нибудь объект, тем меньшим он кажется. Он признался мне, что в первое время ему было трудно привыкнуть жить зрячим, потому что он чувствовал себя совершенно потерянным в нашем мире. Практически он должен был начать жить с начала. Он, например, еще не видел моря. Мы обменялись номерами телефонов, я обещал ему отвезти его на море сразу же после того, как родит Франческа. Кто знает, какие чувства он испытает, увидев море в первый раз.

Я хотел узнать у него, как слепые могут догадаться, что они уже потерлись, если они не видят результата на туалетной бумаге. Этот вопрос, касающийся жизни слепых, однажды заинтриговал меня с Федерико, но я не решился об этом спросить. Разве я мог задать такой вопрос?

На следующий день после встречи с Тиной моя жизнь заметно изменилась. Словно я второй раз родился. Пробуждение в то утро стало для меня незабываемым. Я чувствовал удивительную легкость. Мне никогда еще не было так хорошо. Как и мужчина, которому вернули зрение, я видел привычные вещи в новом свете, под другим углом зрения. У меня появилось ощущение, что в этот миг я на самом деле начинаю новую жизнь.

Я обрил себе голову наголо, после того как Сади состриг мои волосы машинкой. Я хотел начать новую жизнь, и бритье головы показалось мне символическим жестом, который надолго сохранится в моей памяти. Я не знал, сколько времени я еще пробуду в Кабо-Верде. Я не думал оставаться в этой стране до конца своей жизни, безусловно, рано или поздно я вернусь домой, но в тот день мне было безразлично, когда это произойдет. Я еще не поборол свои страхи, но после встречи с Тиной что-то уже сдвинулось с места. Быть может, через какое-то время на меня вновь нахлынут тоска и тревога, но тогда меня это совсем не волновало, в те дни я упивался своими новыми, бесподобными ощущениями. Мое восприятие мира стало более тонким и глубоким. Каждое утро, проснувшись на рассвете, я наслаждался тишиной и дивным теплом восходящего солнца. Лучи солнца, как ласковые пальцы подруги, касались моей кожи. Прикосновения лучей были мягкими и нежными. Часто рано утром я завтракал, а потом, всегда в одиночестве, надолго уходил к морю. Когда после прогулки я возвращался назад к началу рабочего дня, мне казалось, что прошло уже очень много времени. В девять утра мне казалось, что я уже прожил весь день целиком. Я гулял, думал, наблюдал. Я жил с удовольствием. По вечерам читал в постели. Я с радостью ложился спать и с радостью просыпался. До приезда на Боавишта я пользовался не только будильником, но и мобильным телефоном, установив функцию «повтор», чтобы он подавал повторный сигнал через пять минут после первого. Целых полчаса я издевался над собой, а телефон безжалостно звонил и звонил. Я выключал его и снова засыпал с ним в руке. Это была настоящая пытка. Я помню, как мы с Федерико часто разыгрывали друг друга, когда я оставался ночевать у него или он оставался на ночь у меня. Мы переставляли стрелку будильника на более ранний час. Как-то утром я собрался выйти из дому, думая, что уже половина девятого, но на улице было почему-то слишком темно: я проверил время, и оказалось, что часы показывали только половину седьмого. Сколько раз после этой дурацкой шутки я просыпался в надежде, что кто-то опять меня разыграл: тогда я мог бы еще немного полежать в постели. Но, к своему разочарованию, я замечал, что стрелка стояла на своем месте. Часы вновь и вновь обманывали мои надежды.

Честно говоря, я и засыпать стал совсем по-другому. Раньше я часто не мог заснуть, даже если очень устал за день. Раньше, сидя на диване или за столом, я клевал носом, у меня слипались глаза, но едва я ложился в постель, как сон от меня уходил. На Боавишта я никогда не испытывал проблем со сном, иногда я был похож на куклу, у которой, едва ее положишь, глаза закрываются сами собой.

Вначале моим лекарством было простое стремление наладить свою жизнь, хотя мне и было понятно, что впоследствии это лечение окажется малоэффективным. Но в первый момент устоявшийся распорядок дня с неспешными походами к морю, когда я мог прислушаться к своим неторопливым шагам, помогал мне избавляться от легких приступов тревоги. Они теперь быстро исчезали. Я научился по-разному относиться к событиям своей жизни, потому что каждое из них имело свое собственное значение. Я стал более внимательным. Я радовался, когда у меня появлялось время подумать, прислушаться к себе, приглядеться к жизни. Раньше я был готов на все что угодно, лишь бы отвлечься от своих мыслей, не думать о своей жизни. Теперь же я старался поступать ровно наоборот. При первой возможности я уходил в себя, мне было приятно находиться в обществе с собственными мыслями и искать ответы на свои же вопросы. Я нашел в себе постоянного спутника и задушевного собеседника.

Большую пользу приносили мне чтение книг и попытки заняться литературным творчеством. Книги достались мне от Федерико. Иногда на страницах мне попадались подчеркнутые им фразы, и я вчитывался в них, словно это были его слова, обращенные ко мне. Первую подчеркнутую Федерико фразу я выучил наизусть: «Только отправляясь на поиски невозможного, человек может добиться возможного. Те, кто мудро ограничивал свои цели и усилия тем, что казалось им возможным, не сумели продвинуться вперед ни на шаг». Эти слова принадлежали Бакунину.

Мне нравилось оставаться одному, прислушиваться к тишине. Молчание стало для меня одним из самых чудесных и таинственных открытий того времени, так что и сегодня я не могу без него обойтись. Проводить время в безмолвии становилось привычкой в моей новой жизни. Только безмолвие, созерцание и непосредственное общение с природой помогли мне разглядеть потаенную часть самого себя. Ту, которая теперь стала моим собеседником. Это чарующая мелодия его голоса привела меня в мир сокровенного смысла. Он даже открыл мне, что я могу парить в глубокой тишине и с легкостью переноситься в пространстве, отдаваясь во власть таинственной силы, которую я только-только стал различать во всех творениях природы.

Каждый день ранним утром или ночью, когда все звуки умолкают, тишина становилась пленительным зовом, открывала бесконечные грани жизни. Тишина стала мне наградой. Тишина перестала быть отсутствием звуков, а наполнилась множеством переживаний. Текли дни, сменялись рассветы и закаты; они казались одинаковыми, но каждый раз приносили новые ощущения. Мне было хорошо. Хорошо в

глубине души. Я вспоминал Федерико и все время ощущал его рядом с собой. Софи отдала мне его майки и шорты. Теперь я ощущал его и своей кожей.

Раньше я жил в страхе. Я боялся, потому был незрячим. Я был похож на ребенка, который ощупью пробирается по темной комнате. Теперь все стало намного яснее: был свет, была любовь. Я понял, что обратная сторона любви — это вовсе не ненависть. Ненависть — это отсутствие любви, так же как темнота — это отсутствие света. Антиподом любви является страх. Впервые в жизни я не испытывал страха, вернее, я научился жить так, чтобы больше не подчиняться страху. С той минуты, как я стал понимать, в чем причина моей тоски и моей тревоги, они начали терять власть надо мной. Когда-то мне казалось, что я не сумею добиться ничего значительного в своей жизни. Сейчас собственные возможности казались мне безграничными. Моя жизнь стала беспредельной. Моя семья больше не состояла только из моих родственников, теперь к ней принадлежал каждый человек, которого я повстречал в своей жизни, как Сади, например. Вместе с ними мне удавалось стать лучше, чем я был. Как мне об этом и говорил Федерико.

16 Новая Жизнь. Даже Две Жизни

Однажды вечером в те дни я сделал запись: «Здесь подлинно черные ночи, не такие, как в городе. Все прогрузилось в безмолвие ночи, слышны только неясные шорохи. Я сижу дома, дверь на улицу открыта. Кругом так тихо, что я слышу шум прибоя. Все, к чему я прикасаюсь, издает непривычно громкий шум. Чашки, чайная ложка, стаканы. Вдали слышен лай собаки и непрерывное стрекотание сверчков, которые окрашивают ночь в романтические тона. Куда я ни посмотрю, я вижу вещи, которые радуют мой глаз. Я окружен красотой. Рассеянный свет от настольной лампы под абажуром, стоящей в глубине комнаты, белые занавески слегка колышутся от дуновения ветра, деревянный стол, пламя свечи, стеклянный графин с водой и капельки влаги, стекающие по его запотевшим бокам... Несколько минут назад я выходил наружу. Небо было звездным. Свет звезд казался дрожащим. В детстве мой дедушка сказал мне, что по ночам Бог растягивает покрывало между землей и солнцем, чтобы люди могли спать, а звезды — это солнечный свет, который пробивается сквозь маленькие дырочки в покрывале. С тех пор ни разу не случилось, чтобы я, глядя на ночное небо, не вспомнил об этом. И всегда я находил на небе звезду, которая двигалась и мерцала.

У меня спокойно на сердце. Жизнь ласково проникает в каждую клеточку моего тела. Она воспламенила меня. Темными ночами меня часто посещают светлые мысли. Слова благодарности вырываются из моей груди и летят на поиски Федерико».

Я отложил ручку, закрыл тетрадь и вышел на улицу. Я увидел, что Софи сидит на веранде. Из окна за ее спиной лился наружу неяркий свет. Зрелище напоминало картину кисти Караваджо. Я подошел ближе. Мы взглянули в глаза друг другу, и Софи слабо мне улыбнулась. Я заметил слезу на ее щеке. Это была первая слеза, которую я увидел с тех пор, как мы познакомились. Я сел рядом с Софи, спросил:

— Тебе плохо? В чем дело?

— Ничего страшного, — ответила она, — просто я задумалась.

— Я могу побыть с тобой или ты хочешь остаться одна?

— Нет, я буду рада, если ты останешься.

— О чем ты думала, о Федерико?

— И о нем тоже. Я думала понемногу обо всем, и вдруг расплакалась. Я думала и о Федерико, о том, что значила для меня встреча с ним, о том, что он оставил мне существо, которое растет во мне, о том, что я скажу своему ребенку, когда он спросит меня об отце. Я думаю также о том, что моя жизнь сложилась бы совершенно иначе, не познакомься я с Федерико. Ты знаешь, сколько нового он принес в мою жизнь, о скольких вещах я переменяла свое мнение? Помнишь, я сказала тебе, что не хотела фотографироваться на фоне Эйфелевой башни, а потом эта фотография стала моей любимой? Было много всего, что казалось мне ненужным или не нравилось, но он научил меня ценить это, понимать и даже любить...

— То же самое он говорил и про тебя. Он часто говорил, что ты многому научила его, и вот теперь ты думаешь то же самое, вспоминая его.

— Что я могу сказать... я знаю только, что он недолго был рядом со мной, но зато в корне изменил мою жизнь. И знаешь, что самое странное? Он сделал ее намного богаче.

Она помолчала немного и продолжила:

— Я рада, что судьба свела нас вместе. Люди, вспоминая человека, которого уже нет больше с ними, отзываются о нем с большой теплотой, но Федерико на самом деле был не такой, как все. Для меня он не умер, он всего только ненадолго вышел по своим делам. Сколько раз я вглядывалась в море или всматривалась в дорогу, ведущую к дому, надеясь, что с минуты на минуту он, улыбаясь, появится передо мной. Эмоции, которые он принес в мою жизнь, чувства, которые я, благодаря нашей встрече, испытала и испытываю до сих пор, оказались настолько глубокими, что я, по сути, если хорошо вдуматься, являюсь счастливой женщиной. Конечно, жизнь могла сложиться и лучше, но я могла и не встретиться с ним... Я не хочу, чтобы ты слышал в моих словах ноты смирения: «Что случилось, то и случилось». Нет! Я не хочу с этим мириться. Но за всей этой нелепой ситуацией таится некое чудо, которое дарит мне странное ощущение душевного покоя, нежно меня ласкает. Возможно, это он стоит рядом со мной. Раньше я никогда не жила так, как сейчас.

Я прекрасно понимал, что хотела сказать Софи. За страшной трагедией последовали чудесные явления. А в случае с Софи еще и ребенок.

Мне тоже часто хотелось верить, что Федерико был ангелом, потому что он придал моей жизни верное направление. Моя жизнь катилась совершенно бесцельно, я терял себя в суете бесполезных дел, но он помог мне не упустить счастливую возможность жить полной жизнью — чувствовать опьянение от риска и обретать смелость для достижения своей цели.

Федерико нес в себе чашу с благодатью, из которой каждый, кто был рядом с ним, мог черпать свою

долю. Федерико, сам не зная того, спас меня. Его смерть полностью перевернула мою шкалу ценностей, мое эмоциональное восприятие действительности и представления о мире. Но самое главное то, что после смерти Федерико я осознал, что сумел пережить боль, — а когда ты обладаешь этим знанием, мало что может тебя напугать. Я открыл для себя, что был намного сильнее, чем думал прежде.

Примерно через два месяца после того вечера у Софи родилась Анджелика, прекрасная девочка с темными, как у отца, волосиками.

Всего несколько месяцев назад жизнь отняла у меня Федерико, а теперь я держал на руках его дочь. Я не знал, грустить мне или радоваться. Но на самом деле я сразу же испытал огромную радость.

Анджелика стала даром, который нам преподнесло чудо.

Все следующие дни я старался помогать молодой матери и быть хорошим дядей. Я заново родился. Федерико и Софи дали жизнь не одному, а двум существам.

17 Мои Дни Стали Разнообразными

Когда Анджелике исполнился один месяц, работы в гостинице были уже закончены, оставалось только устранить некоторые недоделки, проложить телефонную линию и подключить здание к Интернету. Основное было уже сделано. Номера были готовы к приему гостей, туалеты и ваннные комнаты работали, кухня и электрооборудование находились в прекрасном состоянии.

Софи занималась решением всех вопросов, ей помогали местные жители, которым предстояло работать в гостинице, а для меня серьезных дел больше не осталось. В первое время я должен был заниматься управлением гостиницей, так как уход за ребенком отнимал у Софи много времени; потом, когда Анджелике исполнится три месяца, я вернусь домой, а Софи поедет со мной, чтобы показать внучку бабушкам и дедушкам. Вначале мы поедem в Италию, к родителям Федерико, а потом Софи уедет в Париж, к своей семье.

Софи планировала открыть гостиницу примерно через месяц. Дел у меня никаких не было. Я бездельничал и часто приходил посидеть с Анджеликой. Я говорил девочке, что я ее дядя по линии праздности. Значение этой шутки понимал только я один.

Я просыпался утром и знал, что впереди меня ждет целый свободный день. Впервые после длительного времени я слонялся без дела и не испытывал чувства вины. Сколько раз раньше, когда я лоботрясничал, у меня возникало ощущение, что я бесцельно трачу свое время, транжирю его, расточаю по пустякам, отчего мне становилось неловко и стыдно. Тогда мне хотелось немедленно взяться за какое-нибудь дело. Поиски полезной работы превращались для меня в навязчивую идею. Но в те дни, когда я впервые пытался быть самим собой, я открыл для себя прелесть безделья. Я начал жить в союзе с природой. Я был готов часами глядеть на море и прислушиваться к шуму прибоя, всматриваться в дерево или, растянувшись на земле, следить за облаками, за бесконечными изменениями их форм.

Мне было хорошо, у меня ни разу не возникало чувства, что я зря трачу свое время, — наоборот, мне казалось, что я занят чем-то очень полезным. Полезным для себя. В то время со мной произошла одна странная вещь. Примерно на протяжении двух недель я жил в состоянии, похожем на блаженство. В действительности это было самое настоящее оупение. В те дни мне было достаточно увидеть оторвавшийся от ветки лист, который, кружа, падал на землю, и у меня на глазах навертывались слезы. Я помню, что однажды я почти расплакался на берегу маленького озера, глядя, как склонившиеся вниз ветви кустов касались воды при порывах ветра. Как-то я сильно растрогался, заметив, что солнечные лучи, пробиваясь через полуоткрытые жалюзи, ложились полосками света на стену и кровать. Меня волновал стук дождя по крыше. Струи воды в фонтане. Пение цикад в полуденной тишине. Утренняя роса на траве и листьях. Каждый миг становился для меня драгоценным. Мое сердце переполнялось благодарностью.

Я словно впервые раскрыл глаза на окружавший меня мир. Передо мной открывались неправдоподобные формы, в которых проявляла себя жизнь, так что душа моя вздрагивала от ощущения чуда. И при всем при том глаза мои смотрели на все те же вещи, которые они видели на протяжении всей моей жизни. Просто раньше я находился в состоянии небытия.

Сейчас я во всем видел проявление Бога.

Радость, безмятежность, душевный покой, ощущение своей причастности к чуду творения — для меня эти чувства олицетворяли Бога. Возможно, это и есть Бог.

Позднее похожие чувства я стал испытывать и к неодушевленным предметам. Я внимательно присматривался к ручке и принохивался к ней. Ощупывал записную книжку. Я испытывал наслаждение, когда водил кончиками пальцев по бумаге. Мне нравилось прикасаться к тонкой материи и к грубой ткани. Я не мог оторвать глаз от стакана, чашки, бутылки. От деревянного стола, лампы, связки ключей. Из своего детства я помню, что моя бабушка очень бережно и с любовью относилась к домашним вещам. Она складывала свою шаль с таким священным трепетом, что казалось, будто она ласкает ее. С кофейными чашками она обращалась очень осторожно, они имели для нее огромную ценность, пусть и не с материальной точки зрения. Любой предмет обладал своими достоинствами.

Моя бабушка, подавая кофе, ставила чашки, блюдца, сахарницу, клала ложечки с таким видом, будто представляла членов своей семьи. Словно она была благодарна каждому предмету за то, что он был в ее доме. Казалось, она думала, что у них тоже есть душа и они тоже, как и люди, являются частью тайны бытия.

Мой новый естественный образ жизни помог мне обрести правильное дыхание. Я стал жить в гармонии со своим дыханием и дышать в лад со своей жизнью. Мы воспринимаем мир не потому, что он существует, а потому, что существуем мы. Все было наполнено жизнью, все изменялось и находилось в движении, однако в то же время все казалось неподвижным, застывшим, окаменелым, хотя в действительности все было пропитано гармонией симфонии жизни. Самое поразительное, что порой потрясает меня, когда я присматриваюсь к нашей реальности, состоит в том, что все беспрестанное движение жизни с ее

коллизиями, интригами, проектами и бесконечной энергией происходит в полной тишине.

То, к чему раньше я стремился в глубине своей души, но что постоянно ускользало от меня, потому что мне не хватало смелости последовать за своей мечтой, теперь обрело черты реальности. Я испытал детское ощущение чуда, словно в коробке с рождественскими подарками нашел игрушку, о которой раньше не смел даже заикнуться. К счастью, это мое новое состояние оказалось недолговечным, потому что в какой-то момент я осмелился думать, что получу, как святой Франциск Ассизский, дар разговаривать с животными. Так что все завершилось наилучшим образом. Да и о чем мне было говорить с воробьями?

Однажды у меня неожиданно возникло желание взять ручку и изложить свои мысли на бумаге. Я испытывал настоящую потребность сделать это, словно мне было необходимо выплеснуть из себя свои чувства. Внутри меня обитал другой человек, который был способен удовлетворяться малым и умел вслушиваться в себя. И я внимательно прислушивался к нему. Говорят, что внимание — это произвольная молюба, крик души. Значит, моя душа молилась и кричала. В последнее время я стал законченным эгоистом — и был этому рад. Во всяком случае, я никому не мог помочь, ни о ком не мог позаботиться. Я впервые начал жить, ни от кого не таясь. Без чувства вины. Мне это было необходимо. И в те дни я почувствовал потребность писать. Я сел за стол, не питая надежды воплотить свою мечту и написать книгу. Я начал писать без всякого замысла. У меня не было никакой цели. Но мое новое отношение к жизни принесло мне ощущения, которые я мог описать.

Я думаю, что появившиеся у меня способности и желание выразить собственный внутренний мир стали не только заслугой Тины, но и следствием того, что я заинтересовался жизнью.

Итак, наступил день, когда я без долгих раздумий сел писать книгу. И творчество спасло меня. В прошлом я не знал, как выразить одолевавшие меня мысли и чувства. Но теперь, когда я стал излагать их, я бросил вызов своей судьбе и по-новому взглянул на прожитые годы. В творчестве отражается душа человека и раскрывается его мир. Я думал, что мне суждено самоутвердиться через собственное ощущение мира и раскрыть великую тайну жизни, хотя, подозреваю, у меня это никогда не получится. Но если даже мне будет не по силам открыть смысл жизни, то я, по крайней мере, оставлю свой след на земле.

Если бы я не нашел способа выражения своих чувств, то, оказавшись в будущем на краю своей жизни и оглянувшись назад, я, вполне возможно, увидел бы только один день. Всего один и тот же день.

Я не стал творческой личностью оттого, что начал писать книгу. Я старался творчески относиться к любому делу. Я учился быть независимым в своих суждениях. Я узнал и понял цену труда, радость упорной работы, тайну, связанную с творческим процессом, даже если мы мастерим стол, стул или делаем чертеж. В нашей жизни мы не должны просто выполнять какую-либо работу. Я не знаю, был ли у меня талант писателя, зато я узнал, что умею кое-что делать своими руками, — а когда наши руки заняты делом, это очищает нам мозги. Я испытал большую радость, когда увидел, что я что-то умею делать.

Я понял, что имел в виду Федерико, когда сказал мне, что счастье не в том, чтобы делать то, что тебе хочется, а в том, чтобы хотеть делать то, что ты делаешь. И я действительно был счастлив, потому что все, чем я занимался, было то, чем я хотел заниматься. И поэтому ни один день моей жизни не был похож на другой.

18 Дорогой Отец

На Кабо-Верде я часто тосковал по хорошему красному вину. Признаюсь, иногда я предпочитаю пить вино, а не пиво. Я попросил знакомого, который на две недели улетал в Европу, привезти мне бутылку красного вина. И вот теперь оно у меня. Сегодня вечером я решил приготовить сюрприз для Софи и пригласил ее к себе в гости. Я устроил итальянский ужин: спагетти с помидорами и базиликом и бутылка апулийского вина «Примитиво ди Мандурия».

Софи осталась довольна и ужином, и вином. Бутылку мы осушили до дна. Я выпил чуть больше, чем Софи.

За ужином мы о многом успели поговорить. Мы решили составить список книг, которые гости смогут почитать, поселившись в гостинице. Часть книг будет на французском языке, другая часть — на английском и итальянском. Мы хотели отвести небольшое помещение под библиотеку для клиентов.

На другое утро я написал письмо Франческе и отправил его. Мы не виделись и не разговаривали со дня моего отъезда. Я написал ей понемногу обо всем: что живу я неплохо; что у меня накопилась масса историй, которые я могу рассказать ей; что я работаю на строительстве гостиницы Федерико и Софи; что скоро вернусь и что у меня для всех есть большой сюрприз. Я имел в виду Анджелику. В конце я приписал, что Софи хотела устроить в гостинице небольшую библиотеку, а Франческа была как раз тот человек, к кому мы могли обратиться с просьбой приготовить список книг для клиентов. Я спросил у нее, сможет ли она составить этот список и выслать нам книги, и пообещал вернуть деньги сразу же после возвращения в Италию. Еще я добавил, что хочу с ней увидеться.

Примерно через месяц мы получили первые тридцать книг.

В посылке были книги и записка для меня. Франческа передавала мне привет, писала, что и ей хотелось бы увидеться со мной, хотя ничего особенного, о чем стоило бы говорить, в ее жизни не произошло, что ей очень любопытно узнать, о каком сюрпризе я упомянул в своем письме. В конце она благодарила меня за то, что я обратился к ней с просьбой помочь нам с книгами. Прежде всего она благодарила меня за доверие к ее вкусу.

«Это был незабываемый для меня день» — такими словами заканчивалась ее записка.

В тот вечер, когда я пригласил Софи на ужин, она была очень разговорчивой, возможно под влиянием выпитого вина. Мы поболтали обо всем понемногу, а потом она начала рассказывать мне о своей семье, главным образом о своем отце, которому приходилось часто разъезжать по разным странам, по крайней мере, когда она была ребенком.

— Он все время был в разъездах, его волновала чужая боль, и ему никогда не хватало времени на то,

чтобы успокоить мою боль, я вечно была у него на втором месте.

— А что с тобой было, — спросил я, — ты чем-то болела?

— Нет, ничем, просто мне хотелось проводить с ним больше времени. Чего я только ни делала, чтобы привлечь его внимание. Когда я принимала важное решение, я всегда думала не о себе, а о своем отце. Я хотела, чтобы он гордился мной. Прежде чем согласиться на какое-либо предложение или отказаться, я всегда старалась понять, какой выбор больше понравится ему, но все мои усилия оставались напрасными. Так я получила диплом врача, который был мне, в общем-то, совершенно не нужен. Думаю, что я выбрала медицину, потому что мой отец был врачом, а педиатрией занялась из-за того, что мне хотелось лечить всех детей, в надежде излечить девочку, которой я когда-то была. Я собиралась выйти замуж, все уже было готово к свадьбе. К счастью, я вовремя остановилась. Мой поступок сильно огорчил родственников и знакомых, и прежде всего оскорбил моего бывшего жениха, почти мужа. Сразу после этого я уехала из Парижа и через некоторое время попала сюда. Прошло время, и, знаешь, я поняла, почему мне хотелось выйти замуж, что меня подталкивало к замужеству. Я догадалась, что меня сильнее всего волновала сама картина дня бракосочетания, мне хотелось лично пережить это событие, меня больше увлекала сама мысль о предстоящей свадьбе, чем вполне реальное замужество. Я хотела, чтобы и в моей жизни произошло это радостное событие, я грезилась свадебными нарядами и сценой торжественной клятвы в вечной верности, но мой порыв быстро остудили обед и несколько совместных завтраков в нашем доме. Стоп. Мне еще повезло, что все так закончилось.

Софи замолчала, а через пару секунд снова заговорила:

— Я научилась не обращать внимания на мнение своего отца, хотя это не совсем так, потому что мне все-таки досадно, когда он не одобряет моих поступков. Мне жаль, что он меня не понимает, но его отношение к моим планам уже не заставит меня изменить свое решение... Сейчас я была бы врачом-педиатром, жила бы с мужем в загородном доме, у меня наверняка были бы двое детишек и собака. Просто воплощенная мечта из рекламного ролика...

— Мой папа — несчастный человек, — продолжила Софи после короткой паузы, — он настолько не умеет владеть своими чувствами, что порой даже вызывает умиление. Его все уважают, но дома он ни разу не сумел сказать простое, ласковое «я тебя люблю». Поэтому он и женился на такой женщине, как моя мама. Она холодна, как ледышка, к тому же у нее чрезмерно развито чувство порядка и дисциплины. Она дочь генерала. Когда мы готовились к свадьбе, казалось, что замуж выходила она. Она уже все приготовила. Вместе с отцом они составляли прекрасную пару.

— В каком смысле *она уже все приготовила*? Ты что, передумала в последнюю минуту? Уже перед самой свадьбой?

— За неделю до свадьбы, — ответила она. — Даже не знаю, как я решилась на такой шаг... видно, от отчаяния. Оно и помогло мне отыскать среди всей этой путаницы и суматохи единственную трезвую мысль.

Пока Софи рассказывала мне о своем отце, я заметил, что у него было много общего с моим отцом. Мне тоже хотелось проводить с ним больше времени, и наверняка мой отец тоже совершенно не умел владеть своими чувствами.

— В детстве мне грех было жаловаться, я росла в богатой семье. В доме меня почти насильно заставляли чувствовать себя счастливой и не забывать, что есть дети, которым живется хуже, чем мне. Все было так, словно я просила стакан простой воды, а мне каждый раз приносили бокал дорогого шампанского. И многие годы мне казалось, что я живу неправильно, непонятно почему недовольна своей жизнью, что я избалована и, вообще, родилась какой-то не такой. А мне просто-напросто был нужен стакан обыкновенной воды. Я не просила шампанского, это они подсовывали мне бокал с вином, потому что не знали, как обычной водой смыть свое чувство вины, свою эмоциональную черствость и неумение общаться со мной... К тому же моя мать во всем была само совершенство, — добавила Софи. — Она была красива, умна, эlegantна. Она решила, что я никогда не смогу встать на ее уровень.

Казалось, что Софи не столько разговаривала со мной, сколько хотела выговориться. Слова лились из нее рекой, и я не мешал ей и не перебивал ее. В ее словах не слышалось раздражения или злости, наоборот, Софи оставалась очень спокойной, и казалось, что она рассказывала не о себе, а о другом человеке.

Вечером я проводил ее домой и, вернувшись в гостиницу, сел писать. Но в тот вечер я не стал писать продолжение книги. Меня переполняли воспоминания, вызванные рассказом Софи, и я начал писать письмо своему отцу. Я уже давно собирался написать ему, но никак не мог собраться с мыслями. В тот вечер обстоятельства сложились в мою пользу.

Привет, папа, как ты себя чувствуешь? Я сел писать тебе письмо и понял, что раньше я никогда тебе не писал. Точнее, я никогда не писал тебе, став взрослым, потому что в школе, накануне «дня отца», нас заставляли писать открытки со словами: «Поздравляю, папа, я тебя очень люблю».

Меня уже давно не было дома, вот я и решил черкнуть тебе пару строк и рассказать, как идут мои дела.

В моей жизни произошло много перемен, и это письмо тоже стало следствием происшедших во мне изменений.

До чего же трудно писать тебе, папа. Я даже не представлял себе этого. Я еще ничего не успел тебе рассказать, а мне кажется, что страница уже вся исписана. Я мог бы в первой строчке написать «я люблю тебя», как мы это делали в школе, но не думаю, чтобы это была блестящая идея. Мы и так знаем, что я люблю тебя.

В последнее время мы мало разговаривали. Нам это давалось с трудом. Жизнь послала нам серьезные испытания, и, вероятно, некоторые из них оказались слишком тяжелыми и для тебя, и для меня. Чтобы жить дальше, нам пришлось уйти в глухую защиту. Ты, прячась от боли, закрылся, как в раковине, в своем горе и одиночестве и оставил меня снаружи. Ты никогда больше не раскрыл мне своего сердца, не согрел меня своей теплотой. И я провел свою жизнь в

одиночестве, я стоял у двери, за которой томилось твое горе, и не осмеливался постучаться, чтобы ты впустил меня к себе и позволил мне быть рядом с тобой. Я мечтал быть рядом с тобой, но ты отгораживался от меня. Ты, папа, так и не открыл мне дверь, ты, вероятно, даже не слышал моего крика и моего плача. Ты сделал вид, что ничего не слышишь. Я ненавидел тебя за это, за то, что ты никогда не мог выслушать меня и понять. Ты ни разу не заглянул мне в глаза. Тебя никогда не интересовало, кто я такой на самом деле. Я даже больше тебе скажу: иногда я думал, что скорее бы выбрал, чтобы умер ты, а не мама. Но, возможно, и ты думал о том же самом. Прежде всего я ненавидел тебя за то, что ты сам никогда не боролся за свое счастье. Ты дал мне несчастливому отца. И это мешало быть счастливым мне, потому что я считал, что мое счастье станет предательством, заставит меня чувствовать свою вину перед тобой и еще больше отдалит меня от тебя. Заставит меня ощутить себя не таким, как ты, человеком. Так и не сумев сделать тебя счастливым, я стал понемногу разделять твоё несчастье. Но при этом я все время бродил вокруг стен твоего равнодушия. Мне казалось, что я могу помочь тебе, облегчить твою жизнь. Я отказывался от своего счастья и тешил себя иллюзиями, что так принесу тебе пользу. Как будто ты не будешь чувствовать себя таким одиноким, если плохо будет нам обоим. Мне казалось, что если я буду несчастным, то это приблизит меня к тебе.

Когда я ушел из дому, ты дал мне понять, что я предатель. Неужели тебе даже в голову не приходило помочь мне стать взрослым мужчиной?

К тому же ты никогда не допускал серьезных разговоров между нами. Мы не делились нашими мыслями, не обменивались мнениями. С тобой это было просто невозможно, потому что ты, как все убежденные сторонники одной, неоспоримой для них идеи, выстроил баррикады из своих убеждений и любую дискуссию или спор превращал в обыкновенную стычку.

В последнее время я много думал о своей жизни, мои представления о мире стали более ясными. Я стал другим, словно снес ветхий дом и на его месте поставил новый. Я не мог жить дальше, только подпирая покосившиеся стены и меняя сгнившие доски. Я должен был снести все и выстроить свой дом заново, начиная с фундамента. Кое-что я все же сохранил, не все в доме годилось только на то, чтобы оказаться на свалке. Для меня было важно понять, что я не должен беспрестанно корить себя, но прежде всего я понял, что хочу быть счастливым. Мне стало ясно, что я всегда думал о счастье, но никогда не осмеливался желать его для себя, никогда в действительности не искал своего счастья. Мне казалось, что я его не заслуживаю. Как когда-то я думал, что не заслуживаю твоей ласки и теплоты, которыми ты обделил меня. Но теперь я знаю, что достоин самого безграничного счастья. Я осознал это, потому что, в какой-то мере, освободился от тебя. Не принимай эти мои слова за всплеск гнева, осуждение и тем более обвинение. Я хорошо знаю твою жизнь, мне известно, что ты скорее жертва, чем палач. Твои родители и братья научили тебя быть жестким и черствым, чтобы выстоять в борьбе за жизнь. А если оглянуться назад, то, возможно, окажется, что то же самое случилось у бабушки с прабабушкой, у прабабушки с его отцом и так далее до бесконечности. Я пишу тебе это письмо также для того, чтобы оборвать порочную цепь.

Сейчас я наконец твердо знаю, что я люблю тебя. Я люблю тебя, папа. Я люблю тебя так крепко, что у меня перехватывает дыхание, когда я думаю о тебе. Но чтобы полюбить тебя с такой силой, мне пришлось убить тебя, я должен был установить твою меру вины и ответственности, я должен был увидеть тебя таким, какой ты есть. Чудесным. И скорбящим.

Ты знаешь, что ребенком я на самом деле несколько раз думал убить тебя? Я хотел убить тебя, потому что так сильно любил тебя, что не перенес бы горя, если бы и ты однажды ушел от нас, как это случилось с мамой. Страх неожиданно потерять тебя был настолько сильным, что не давал мне покоя. Убив тебя, я покончил бы с этим страхом, который мешал мне жить спокойной жизнью.

И я тоже признаю свою вину.

Мне казалось, что я несу на себе тяжкое бремя, потому что я стал жертвой обстоятельств, но в действительности я сам отвечал за свое положение, я сам выбрал для себя этот путь и эту жизнь, никто мне их не навязывал, никто этого от меня не требовал и не заставлял это делать. В конце концов я свикся и полюбил свою роль, которую я исполнял вовсе не из-за того, что ощущал себя жертвой обстоятельств, а из обыкновенного тщеславия. Мой образ жизни был самым заурядным проявлением откровенного самолюбования. Теперь я по-новому взглянул на свою жизнь и стал наводить в ней порядок.

Папа, ты, наверное, уже забыл, как любил ерошить мои волосы? Ты помнишь, как в детстве ты клал мне руку на голову и начинал лохматить мои волосы или принимался меня щекотать? Помнишь, как я укладывал тебя на лопатки или прижимал твою руку к столу, когда мы мерились силой? И не вздумай говорить, что ты мне поддавался.

Я не знаю, сколько времени я пробуду здесь. У меня нет никаких планов, я только хочу окончательно разобраться в себе и понять, чего я на самом деле жду от своей жизни.

Я хочу увидеться с тобой. Когда я думаю о тебе, мне хочется снова оказаться в нашем доме. Мне снится, как мы снова играем с тобой и радостно хохочем. Я мечтаю, что ты вновь обнимешь меня и взлохматишь мне волосы. Мы можем снова помериться силой, я дам тебе возможность взять реванш.

Мы пойдем с тобой за мороженым?

Я люблю тебя, папа, я на самом деле люблю тебя... до скорой встречи!

Твой сын Микеле.

Я перелистываю журнал, лежащий на столике. В нем полно фотографий обнаженных женщин в соблазнительных позах. Одна из полураздетых девушек очень похожа на Кэт, и я невольно вспомнил о ней. Вспомнил о том, какой ослепительной оказалась наша встреча.

Когда до моего возвращения в Италию оставалось всего несколько дней, в гостинице появилась девушка из Канады. Было утро субботы. Девушка искала комнату на два-три дня. Звали ее Кэт. В отличие от других клиентов гостиницы, она не проводила все свое время на море. Ей нравилось ходить в поселок, где она покупала всякие мелочи вроде бус, колечек из скорлупы кокосового ореха и других вещей в том же роде. Часто она сидела на веранде с книгой в руках. В тени навеса она временами читала, временами писала. Днем я подошел к ней и предложил ей пива. Женщине, путешествующей без спутника, редко удается побыть в уединении. В любом уголке света к одинокой женщине всегда подсядет мужчина, считающий, что его общество будет ей интересно. Я принес девушке пиво и сразу же собрался уходить, потому что не хотел нарушать ее покой.

Она сама завязала разговор, спросив у меня, откуда я, давно ли живу в этих местах, ну и все такое прочее. В общем, мы разговорились. Я знал, что она из Канады, что ей двадцать пять лет, потому что видел ее паспорт. Все остальное мне было неизвестно.

У меня почему-то сразу мелькнуло в голове: если она из Канады, может быть, она меня отправит на сеанс гидроколонтерапии так же, как другая канадка однажды отправила Федерико?

— Вы что-нибудь знаете о гидроколонтерапии? — полюбопытствовал я.

— О чем вы? — произнесла девушка непонимающе.

— Нет, ничего... пустяки, — сказал я с улыбкой.

Утром в понедельник она возвращалась домой после трех месяцев путешествия. У нее заканчивался отпуск, о котором она долго мечтала. Она осталась довольна своей поездкой. «Это одно из самых сильных впечатлений в моей жизни», — призналась она мне.

Не знаю почему, но между людьми, которые знакомятся во время путешествия, сразу же устанавливаются близкие отношения. Люди, познакомившиеся во время путешествия, ведут себя как старые друзья. Так приветствуют друг друга мотоциклисты на дороге или путники, встречающиеся на горной тропе. Кто знает, возможно, ты становишься с новым знакомым раскованным, свободным, не так боишься, что тебя могут осудить или неправильно понять, — одним словом, тебе легко общаться с ним, потому что ты понимаешь, что никогда больше его не увидишь. Ты забываешь про стратегию. Можешь даже выдать себя за того, кем тебе хотелось бы стать. В течение нескольких дней это получается.

У меня давно не было женщины. Я перестал встречаться с ними еще до моего отъезда, прошло уже много месяцев. Должен признаться, что стремление изменить свою жизнь отчасти подавило мои сексуальные инстинкты. Все это время меня не тянуло переспать с женщиной, мне даже не хотелось женщин видеть. Но в тот день, когда я встретил Кэт, я ощутил, как между нами пробежал разряд тока. Я почувствовал влечение к ней спустя несколько минут после нашей встречи, после нескольких слов, которыми мы обменялись. Какая-то сила пробудилась во мне. Казалось, было слышно, как мой член вскрикнул: «Ну наконец-то!» Мне всегда нравилась физическая близость с женщиной, и я никогда не упускал случая этим заняться. Видно, в моей жизни было мало других вещей, которые приносили бы мне такое же удовольствие. Я занимался любовью везде, где только появлялась возможность, и самыми разнообразными способами. Иногда я воображал себе женщину ангелом, нежнейшим созданием, а порой относился к ней как к последней шлюхе. Часто и то, и другое одновременно. Я ласкал женщину и в то же время грубо держал ее за волосы, шептал ей ласковые слова вперемежку с гнусными пакостями. Я заставлял женщин кричать мерзости, которые даже повторить невозможно. И я доволен, что делал это. В этом я не раскаиваюсь.

Во времена моей юности показывали телефильм, который назывался «Кунг-фу». Главный герой, закончив обучение в школе, должен был, прощаясь с ней, поднять кистями рук висящий над огнем котел, чтобы раскаленный металл навеки выжиг на его предплечьях символ школы. С тех пор на его руках остались два шрама в виде драконов. А вот женщины, с которыми я был близок, носили на внутренней поверхности бедер отпечатки моих ушей, потому что мне безумно нравилось прикидывать лицом к их лону. Я знаю, что многие мужчины соглашались на это, только если они влюблены. Я же делал это почти со всеми женщинами. С одной лишь разницей. Если я был влюблен, то время от времени я отрывался от лона девушки и бросал взгляд на ее лицо, чтобы понять, насколько ей хорошо со мной.

В тот вечер я и Кэт ужинали вместе. Я отвел ее в дом к женщине, которая готовила и для приходивших к ней гостей. Она вовсе не хозяйка ресторана. Просто она поставила рядом с домом пару столов и по желанию гостей готовила им ужин. Надо было зайти к ней днем, сделать заказ, и вечером она подавала вам готовую еду. Я заранее заказал салат, лангустов, рис и охлажденное пиво. Такой ужин почти ничего не стоит, а морепродукты всегда свежие.

Нам было хорошо вдвоем. После ужина мы пошли погулять, а потом еще выпили пива. Затем вернулись в гостиницу. На обратном пути мы поцеловались. Я почему-то смущался. Наверное, потому что давно этого не делал. Мы обменивались нежными поцелуями, отстранялись друг от друга и снова слегка соприкасались губами. В ту ночь мы легли вместе. Той ночью я сделал прекрасное открытие: я научился отдавать себя просто ради любви. Ради любви к самому акту соития. Потому что прекрасно само обладание женщиной, изумительно слияние двух тел и общение на языке любви. Как прекрасно прикасаться к незнакомому телу, смотреть на него, изучать его, вдыхать его запах, следить за его движениями, ощущать на себе его тяжесть и теплоту. Я и Кэт занимались любовью, потому что она наполняла нас. Потому что мы жаждали ее, пусть даже из чистого эгоизма. Но это не было проявлением эгоизма, скорее каждый из нас отдавался целиком незнакомому человеку, лежащему рядом, не сдерживал своего влечения, чтобы растянуть его во времени, и до дна исчерпал обоюдную страсть, не забываясь о будущем. Мы готовили наше блюдо на сильном огне. И, целуя Кэт в то самое место, я несколько раз искал глазами ее лицо. Наша встреча стала свиданием, на котором встретились две жизни, прекрасно совпадавшие в тот миг друг с другом. Окружающая нас обстановка тоже имела свое значение.

Если бы мы встретились сегодня, еще неизвестно, возникла ли между нами такая же гармония, как в те дни. Но в тот момент мы оба были великолепны, нас свела сама жизнь. Такие случаи судьба посылает нам слишком редко, порой мы упускаем их, потому что не готовы к ним или не умеем их различить. Часто мы слишком серьезно относимся к моменту сексуальной близости. Ведь каждый из нас несет в себе свое прошлое и свое будущее.

В ту ночь исчезло и прошлое, и будущее. Прошлое и будущее растворились, мы жили только настоящим. Тем, что мы ощущали в тот миг. Наши ласки были естественны и целомудренны. Ведь целомудрие вовсе не в воздержании, а в способности бесхитростно и простодушно относиться к любому своему поступку. Мы сумели оторваться друг от друга, только когда забрезжила заря. Спешить мне было некуда. Мы лежали в постели и наблюдали за бликами солнца на глади моря. В дневном свете все выглядело по-другому: наши тела, наши лица, наша комната. Мы ненадолго заснули. Я не расставался с Кэт до понедельника, пока утром не уезжал в аэропорт. Это была услуга, которую гостиница оказывала своим клиентам. Я имею в виду доставку в аэропорт. Все воскресенье мы не вылезали из постели. Мы оба понимали, что должны до конца насладиться тем, что могли дать друг другу. Мы щедро делились нашими чувствами и нашей радостью. В течение двух дней мы действительно испытали настоящую любовь. Это было чудесное воскресенье, в нем было все: объятия, легкая закуска, душ вдвоем, взаимное внимание, нежность и обоюдная, до спазм в горле, жажда насладиться мгновением.

Я помню, как днем, после долгих объятий, нас внезапно сморил сон, так что головами мы лежали в изножье кровати, а ногами уперлись в подушки. Много раз мне приходилось засыпать в таком положении после бурно проведенной ночи. Мне это нравилось, потому что говорило о том, что я отдал любви все силы и не мог лечь как следует. Такое и сейчас бывает у нас с Франческой, и на эти дни как раз выпадает тот редкий случай, когда, засыпая, я не говорю другу: «Спокойной ночи, Федерико».

Когда в воскресенье я открыл глаза, окно, выходящее на море, оказалось распахнуто. Море было спокойное. Солнце не заглядывало в окно. Мое тело и тело Кэт обдувал легкий ветерок. Кругом стояла тишина. Только изредка слышались птичьи голоса. Я испытывал чувство удивительного покоя. Я посмотрел на спящую Кэт. Интересно, в каком доме она живет? Как выглядит ее спальня, на кого похожи ее родители? Есть ли у нее братья? Какое у нее выражение лица, когда она плачет, как она выглядела в детстве? Я знал о ней только то, что она милая, симпатичная, смешливая девушка. Ее кожа приятно пахла, по вечерам Кэт надевала длинные цветастые юбки, а голову повязывала косынкой. Еще я знал, что она была божественна в постели и начисто лишена тормозов. Чувствовалась, что она свободная женщина — по крайней мере, в сексе. По крайней мере, со мной.

Я знал много девушек, терявшихся в неожиданной, незнакомой обстановке. Они не знали, как себя держать в такой ситуации. Они всеми силами пытались придать ей черты обычного, уже знакомого им положения, в котором они чувствовали себя вполне свободно. Они с радостью сразу же отдались бы, потому что именно этого им и хотелось в ту минуту, но они переводили свое желание в традиционную плоскость «давай выпьем что-нибудь», потому что не привыкли так себя вести. Они не умели прислушиваться к своим чувствам, им не хватало смелости отдаться своим порывам, поэтому зов тела они направляли в русло ситуации, в которой они чувствовали себя как рыба в воде.

Наверное, эти девушки считают, что, отказываясь от таких приключений, они впоследствии получат награду? И какая же это будет награда? Их будут считать хорошими девушками? Ну-ну!

Есть люди, которые верят, что заниматься любовью можно только с хорошо знакомым человеком, иначе это не любовь, а чистый секс. Примитивный трах. У меня и Кэт была любовь.

Если кто-то чувствует себя слишком скованным и не решается сразу вступить в интимные отношения с незнакомым человеком, переспать с ним, то это вовсе не значит, что такого не может быть. Это просто значит, что с ним такое не случится.

20 Отличный Повод Не Идти На Работу

Когда приходит время возвращаться из поездки, мне уже накануне отъезда кажется, что я дома. То есть, когда я начинаю складывать в сумку свои вещи, мысленно я уже в пути. Это дурная привычка, от которой я никак не могу избавиться. Застегивая сумку, я сразу же готов тронуться в путь, поэтому я начинаю свои сборы как можно позже. Чем меньше дней остается до отъезда, тем дальше отодвигается день моего возвращения, в том смысле, что мне тяжелее дожидаться, когда пройдут пять дней, чем пролетят десять.

Уже накануне отъезда меня стала одолевать предотъездная лихорадка. Я уезжал. Я возвращался в Италию. Я возвращался туда, где оставил все. Я провел около девяти месяцев в Кабо-Верде. Сейчас я разительно отличался от того человека, каким приехал сюда. Можно сказать, в течение девяти месяцев, что я прожил здесь, я вынашивал в себе нового человека. И вот я родился заново. Я вновь появился на свет. Но только отчасти. Я не собираюсь утверждать, что после того, как я уехал из дому и через девять месяцев вернулся назад, мне жилось легко и я был счастлив. Нет, этого не было. Но зато я понял, что в путешествии мы приобретаем опыт, который, как я думал раньше, может принести только время. Время, проведенное в пути, ускоряет процесс. Эта поездка позволила мне разобраться в самом себе, но прежде всего она изменила мое отношение к жизни, и теперь жизнь каждый день приносит мне новые знания, которые помогают моему духовному росту. В каждом из нас сидит не одно-единственное «я», а множество «я». Мы, можно сказать, это собрание членов товарищества собственников жилья, на котором присутствует толпа совершенно разных людей. Один из них человек терпимый, другой слишком обидчивый, третий ругается по любому поводу, четвертый молчит как рыба, а пятому рот не заткнешь. Та часть меня, которая приобрела свой жизненный опыт на острове и встречалась с Софи, нравилась мне больше всего. Она была моим любимым «я», благодаря которому моя жизнь становилась значительно лучше и я жил в гармонии с миром, поэтому я отправил его на капитанский мостик, дал ему штурвал в руки. Но временами, даже сейчас, появляется некто, кто вытягивает из меня наружу наследие прошлого,

мои самые примитивные, неразвитые части, которые захватывают власть надо мной. Они превращают меня в человека, над которым я в ту минуту теряю контроль, а потом начинаю стыдиться, что мне пришлось быть таким. Я еще продолжаю работать над собой, и я знаю, что мне предстоит долгая и трудная работа. Но эта новая часть меня, которую я обрел, которую произвел на свет, она, в общем, мне нравится. Я многим обязан Софи. Я последовал ее примеру, ее образу жизни, я вступил на путь, на котором нашел неизвестную мне раньше часть самого себя. В лице Софи я приобрел для себя друга, который любит меня и может мне помочь. Это Софи открыла мне глаза, научила по-новому смотреть на мир. С ее помощью я увидел то, что до поры оставалось для меня невидимым. Я мог делиться с ней своими мыслями, без стеснения раскрывать перед ней свою душу, непрерывно слушать ее, учиться у нее. Без нее жизнь не открылась бы передо мной с такой полнотой. Я полностью доверился Софи и положился на ее дружеское расположение ко мне, на ее ум и тонкое отношение к жизни. Софи казалась мне хранителем реального мира. Именно благодаря ее жизнелюбью я научился прощать себя и, прежде всего, любить себя и видеть свои хорошие стороны. До встречи с ней я не был подготовлен к жизни. Я был лишен дара замечать красоту окружающего мира, но, когда я научился видеть ее, она принесла мне спасение. Красота спасла меня.

Моя задача не сводилась к тому, чтобы просто отыскать в себе и развить свои лучшие качества. Я должен был научиться смотреть и видеть. Если перед картиной Пикассо поставить человека, незнакомого с историей живописи, он, возможно, увидит только сплошную мазню, скопище уродов и искаженные пропорции. Картина покажется ему неумелым детским рисунком. Зато ему наверняка понравится картина Боттичелли. Но любой человек, который изучал историю искусства и знает, как надо смотреть на живописное полотно, понимает, что Пикассо является одним из величайших гениев двадцатого века. Необходимо учиться видеть мир и вещи, из которых он состоит.

Софи научила меня этому и полностью изменила мои отношения с другими людьми. Я понял, что могу добиться того, что хотел; я научился уважать самого себя; я понял, что значит знать себе цену. Я научился видеть. Это она объяснила мне, что для того, чтобы стать свободным духом, необходимо выработать строгую самодисциплину. В то утро, когда я и Софи с Анджеликой улетали с острова, мы были похожи на дружную семью. Да мы и были одной семьей.

Время в полете пронеслось незаметно. Анджелика почти все время спала. Она просыпалась как раз к часу кормления. Я и Софи были еще одеты по-летнему. Мы не спешили надевать свитера, нам хотелось как можно дольше ощущать на теле легкую одежду, но кондиционер нагнетал в салон самолета прохладный воздух, поэтому нам пришлось по очереди идти в туалет переодеваться. Софи ушла первой, а я остался с Анджеликой. Я смотрел на спящую девочку. Я уже много раз держал ее на руках и укачивал, но этот случай особенно врезался мне в память. Иногда девочка была похожа на маму, иногда я различал в ней черты Федерико. Уши, без сомнения, были его: точь-в-точь, как у Федерико, маленькие и с тем же завитком странной формы.

Мы везли ее показать дедушкам и бабушкам.

Как сильно изменилась жизнь за последний год...

Я дотронулся пальцем до ее носа и провел по нему вниз, пока не коснулся губ. Личико Анджелики приняло удивленное выражение, малышка приоткрыла глаза, пошевелила губами, потом закрыла глаза и снова погрузилась в сон.

Вереница мыслей пролетела в моей голове, пока я держал девочку на руках и вглядывался в ее лицо. Я представлял себе Федерико, качающего дочь на руках или играющего с ней. В это время вернулась Софи, и я обратил внимание, что впервые вижу ее в джинсах и спортивной фуфайке. Софи казалась совсем другой женщиной. После нее я тоже пошел переодеваться. Я несколько месяцев носил только сланцы, и теперь, когда стал надевать ботинки, оказалось, что мои ступни здорово раздались, потому что с трудом влезали в обувь. Мои ноги просто раздирали ботинки. Мне очень нравится надевать фуфайку или свитер на загорелое тело. Больше всего мне нравится делать это в сентябре. Только что прошло лето, ты натягиваешь на себя легкий голубоватый свитер, и из рукавов выглядывают коричневые от загара руки. Блеск! Особенно в паре с короткими белыми брюками. Не знаю почему, но мне больше нравится, когда сверху ты одет по-зимнему, а снизу по-летнему. Контраст сводит меня с ума. Например, ветровка и бермуды. Или тенниска с короткими рукавами и вязаная шерстяная шапка. В любом случае, тело должно быть загорелым. Но ты никогда не поймешь, как сильно ты загорел, пока не окажешься среди тех, кто не жарился под солнцем, или не увидишь свое отражение в зеркале родного дома.

Софи пробыла в Италии десять дней. Нужно было показать внучку бабушке и дедушке. Все это время Софи провела в моем доме. Кое-кто стал даже подозревать, что у меня с ней связь. Я считаю, что думать так вполне нормально... для них.

В кино обычно показывают, как женщина с ребенком на руках стучит в дверь и говорит: «Это твоя дочь».

Я и Софи собирались прийти домой к родителям Федерико со словами: «Это ваша внучка».

Я был близко знаком с родителями Федерико. Его мама в какой-то мере была и моей матерью. Когда она приходила в школу на родительское собрание, она с согласия моего отца интересовалась и моими успехами. Следовательно, мне полагалось чувствовать себя довольно спокойно, но я испытывал все что угодно, но только не спокойствие. Я был страшно взволнован. Нужно было придумать, как себя вести, чтобы не вызвать у них слишком сильного потрясения.

Я позвонил в дверь и сказал:

— Это Микеле, я вернулся и зашел навестить вас.

Дверь мне открыла Мариэлла. Джузеппе в это время чинил стул в подвале. Я представил Софи под другим именем, сказал, что это моя приятельница, с которой я познакомился в самолете.

— Какая хорошенькая... как ее зовут? — спросила Мариэлла, глядя на Анджелику. — Это твоя дочка?

— Нет, не моя, я сейчас все объясню. Я пойду позову Джузеппе. Ты не могла бы пока приготовить нам кофе?

Я спустился в подвал, где Джузеппе возился со стулом. На отце Федерико была рубашка сына. Увидев меня, Джузеппе удивился, потом подошел и обнял меня. Он всегда рад меня видеть, так как меня и его связывают теплые отношения, а также потому, что я напоминаю ему сына. Мы поднялись в дом. Мариэлла плакала с Анджеликой на руках. Я понял, что Софи нашла выход из затруднительного положения, сразу же сказав ей правду. Она, конечно, умела найти нужные слова.

Так что для Джузеппе нам ничего не надо было придумывать, жена сказала ему, кто была Софи и кем приходилась им эта девочка.

Довольно трудно описать выражение лица бабушки и дедушки. Они не могли оторваться от девочки. Они были счастливы, потрясены и никак не могли поверить в происшедшее чудо. Они просто не понимали, что с ними происходит.

Все десять дней Софи ежедневно приходила к ним, бывало, что она оставляла у них Анджелику. Однажды, когда меня там не было, они заговорили о том, какую фамилию будет носить девочка, что пора уже ее окрестить, и о других житейских вопросах. Все, что нужно было сделать, они сделали.

Посидев с родителями Федерико, мы пошли в бар к Франческа. Как только мы вошли в бар, она сразу же улыбнулась мне, вышла навстречу и обняла меня. Мне было очень приятно, когда она прижалась ко мне. Потом она заметила Софи с Анджеликой и отстранилась от меня, словно увидела мою жену с ребенком.

Франческа прервала молчание, сказав Софи:

— Я Франческа, подруга Микеле.

— А я Софи, — сказала та, — а она Анджелика.

Франческа обернулась в мою сторону:

— Софи? Та самая Софи?

— Да.

— А девочка чья?

— Попробуй угадай...

— Нет, этого не может быть!

— Это так.

У Франчески слезы выступили на глазах, и она расплакалась.

Софи передала ей в руки дочку Федерико. Франческа стала нянчить девочку, укачивать ее, как обычно делают, когда хотят, чтобы ребенок заснул.

На следующий вечер мы все вчетвером ужинали у меня дома. Почти вчетвером.

Я был рад, что вернулся домой.

Мы о многом успели поговорить. В последнее время я стал довольно сносно говорить по-французски, но Софи говорила по-итальянски намного лучше, чем я по-французски.

Когда Франческа собралась уходить, мне это показалось странным. Более того, казалось странным, что я остаюсь в доме с другой женщиной. Хотя причина этого нам была вполне понятна.

В ту ночь я и Софи не спешили расходиться по разным комнатам.

— Есть в Франческа что-то особенное, — сказала она мне, прежде чем уйти спать.

Через десять дней Софи уехала в Париж к своим родителям.

С родителями Федерико у нее сейчас прекрасные отношения. Они часто разговаривают по телефону, Софи обещала им перед отъездом в Кабо-Верде навестить их вместе с Анджеликой, они же собираются потом приехать к ней на остров.

Я тем временем должен был перестроить свою жизнь. В первую очередь я навестил отца и сестру. Я не знал, как отец отнесся к письму, которое я послал ему. Независимо от того, какие чувства оно пробудило в нем, я был счастлив, когда шел к отцу и сестре. Мне хотелось увидеть их, собраться всей нашей семьей.

Я вошел в мастерскую, и отец, едва увидев меня, сразу же улыбнулся. Я понял, что он тоже рад меня видеть. Мы обнялись. Такого между нами уже давно не было. Бывает, что люди при встрече молча застывают на месте, крепко обхватив друг друга руками. Наши объятия, напротив, были недолгими. Отец на мгновение прижал меня к груди, смущенно похлопав ладонью по спине, но все равно это было здорово. Сестра увидела меня через застекленную перегородку офиса и тоже вышла поздороваться со мной. Я не думаю, что теплая встреча с отцом была как-то связана с моим письмом, мы просто очень давно не виделись. В углу мастерской стояла моя машина, накрытая брезентом. Отец привел ее в порядок. Я оставил ее с царапинами, вмятинами, с разбитым задним фонарем, а теперь она была как новая. У моего отца золотые руки. Я говорю это совсем не потому, что люблю его. Мой отец спрятался в мастерской, в ней он нашел для себя убежище и утешение. Он все время пропадал на работе, даже по субботам и воскресеньям, ему там легче дышалось, чем дома со мной, моей сестрой или с бабушкой. С моей машиной он сотворил просто чудо, так что даже я это заметил, хотя в таких вещах я ничего не смыслю. Он сказал мне, что решил не продавать ее, но если я еще не передумал, то он купит ее у меня. В ином случае я сразу же могу ее забрать. Это, безусловно, был знак любви. Я предупредил отца и сестру, что вечером приду к ним ужинать, и объяснил, что все эти дни у меня будет жить девушка Федерико и его дочь.

— Его дочь?! — удивились они.

Я рассказал им все как было. Моя сестра заплакала.

Несмотря на то что я решил не продавать машину, я все же оставил ее в мастерской отца, а сам взял велосипед.

Вечером за ужином мы договорились, что в доме надо побелить потолок и стены и провести мелкий ремонт. Опыт, приобретенный на работе в гостинице, позволял мне чувствовать себя большим специалистом, хотя моему отцу, мастеру на все руки, был нужен помощник, а не эксперт.

В следующие выходные мы работали вместе. Мне было приятно проводить целый день бок о бок с ним. Нам уже давно не доводилось оставаться вдвоем. Отец непрерывно, словно плотину прорвало, разговаривал, и я наконец-то снова увидел его смеющимся, как в детстве на фильмах с Пеппоне или

доном Камилло. Он просто заболел этими фильмами, так что и я их посмотрел не один раз. Другой его болезнью стали вестерны с Джоном Уэйном. Говорили мы также о маме, и это стало для меня полной неожиданностью, потому что в доме он таких разговоров никогда не заводил. Образ мамы вставал перед нами только в минуты нашего уединения. А мне тогда так было необходимо поговорить о ней с отцом.

Я даже спросил у отца, не появлялось ли у него желания сойтись с другой женщиной, и в ответ он сказал, чтобы я крепче держал лестницу.

Он мне рассказал несколько историй про себя и маму, о которых я ничего не знал. С мамой он познакомился в мастерской, когда ему было двадцать пять лет. Мастерская ему тогда не принадлежала, он был только учеником. Сохранилась прекрасная черно-белая фотография моего отца тех лет: красивый, улыбающийся парень с темной шевелюрой, в белой футболке с закатанными рукавами. Классический тип «крепкого парня», как тогда называли таких молодых людей. Моя мать пришла в мастерскую со своим отцом, папе она сразу понравилась, но он и слова ей не сказал, потому что она была не одна. Зато потом, сраженный молниеносной симпатией, отец стал искать ее в соседнем поселке, где, как он узнал, жила мамаина семья. Его поиски продолжались до тех пор, пока он не встретил ее, не начал за ней ухаживать и не женился на ней.

Эту историю я уже слышал, но мне было неизвестно то, в чем он признался мне в эти два дня. Оказывается, отец написал ей множество любовных писем, на которые мама отвечала ему, и они до сих пор хранятся у отца в шкафу. Как бы мне хотелось прочитать хоть одно из этих писем. Кстати, по поводу писем. За выходные дни, проведенные вместе, ни я, ни отец ни разу не намекнули на письмо, которое я написал ему, и я не думаю, что перемена, происшедшая с отцом, была связана с этим письмом. Но, в любом случае, что-то в наших отношениях изменилось.

Во время одного из перерывов в работе мы решили пойти съесть мороженое. Впоследствии мой отец перестал вести себя со мной так, как в эти два дня, со временем он стал суше, но что-то уже произошло между нами, и наши отношения заметно потеплели. Его потуги раскрыть мне свою душу и неуклюжие попытки выразить любовь ко мне наполняли мое сердце нежностью. Впрочем, я уже не раз говорил: я люблю его, и ничего не могу с этим поделать.

Вторым важным делом после моего возвращения стала задача найти себе работу. Только теперь, независимо от того, какая работа мне подвернется, все должно быть не так, как раньше. Раньше на работе меня преследовал страх, потому что я не видел альтернативных решений, я держался за свою работу из боязни потерять ее, потому что не знал, чем я еще могу заняться. То, что произошло со мной потом, все, что мне пришлось испытать, и все, чему я научился, я тогда и вообразить себе не мог. Теперь же я предоставил свободу своим творческим способностям. Я не был больше одинок. Я чувствовал, что жизнь протянула мне руку помощи.

Всегда очень важно понять, что тебя беспокоит, разобраться, почему ты испытываешь страх в одной ситуации и не боишься в другой. Определить движущие мотивы и скрывающиеся за ними причины.

Первые два месяца я работал электриком. Вернее, электриком работал мой старый приятель Филиппо, а я был его помощником. Мне было интересно с ним работать. К счастью, повзрослев, он сильно изменился, взялся за ум, как сказала бы моя бабушка. Он всегда отличался буйным, задиристым характером. В детстве, если ты был его другом, тебе нечего было бояться, но уж если ты ему не нравился, то жизнь твоя была совсем не сахар. Он всегда лез в драку. Он славился тем, что никогда не робел, даже если против него собирались втроем или вчетвером. О нем потом стали рассказывать легенды в духе фильмов Брюса Ли. Один парень говорил, что видел, как Филиппо пришел в цыганский табор за украденным у него мопедом и при этом избил пять или шесть человек. С годами рассказы о нем пополнялись все новыми подвигами. Однажды Филиппо якобы вздул самого Годзиллу, и в этом у нас никто не сомневался, потому что рассказ шел из надежного источника. Кто знает, правдивыми были все эти истории или нет, но Филиппо помимо крепкого тела обладал еще дикой силой. У него нет впечатляющей мускулатуры, зато он представляет собой сплав нервов и наделен характером, необходимым для драки. Я думаю, что кроме физической силы в драке нужно проявлять еще и характер, а у него он всегда был. Однажды в школе я называл его «проблемным парнем». Филиппо тоже потерял одного из своих родителей и, возможно, поэтому проявлял симпатию ко мне. У нас было что-то общее. Потом настало время, когда я прекратил встречаться с ним, потому что он был неуправляем, как свободно плавающая мина. Ты шел с ним выпить пива, и он тут же создавал вокруг себя напряженную обстановку. Достаточно было двусмысленного взгляда, брошенного в его сторону, или комплимента, сказанного его девушке, как тотчас же начинался настоящий цирк. Ему настолько нравилось пускать в ход кулаки, что часто перед дискотекой он устраивал для себя своеобразную разминку на парковке. Сейчас же, о чудо эволюции, он превратился в спокойного отца семейства.

Как-то утром, во время работы, Филиппо сказал мне, что, когда он и его жена зачинали сына, она, вероятно, спала. Я невольно рассмеялся. Его жена работала медицинской сестрой, и, когда ее рабочая смена не совпадала с графиком его работы, она, ложась спать, просовывала в штанины пижамы только одну ногу, а вторую оставляла свободной, так что Филиппо, вернувшись домой, при желании мог взять жену во сне, не разбудив ее. Возможность брать женщину в полусонном состоянии стала для меня открытием.

Поработав электриком, я устроился работать в цех, где упаковывал в специальные стаканчики ароматические свечи. Одновременно я не забывал перелистывать свою волшебную записную книжку, так что, благодаря старым знакомствам, сумел опубликовать несколько статей и интервью в разных газетах и журналах. Моя записная книжка была для меня кладезем открывающихся возможностей, и, когда мне случалось терять ее, это становилось для меня настоящей трагедией. К счастью, я все время ее находил.

Одновременно я продолжал писать свою книгу, а вскоре позвонил Эльзе Францетти и спросил, по-прежнему ли ей интересно взглянуть на мою рукопись. Эльза согласилась ознакомиться с моей книгой, и через месяц я передал ей первый вариант. Это был скорее черновик, в нем многое надо было переделать и исправить. Книга, тем не менее, Эльзе понравилась, и она ее опубликовала. Одна моя мечта уже

воплотилась в жизнь. Ведь я не мечтал написать бестселлер, я просто хотел написать книгу.

Книга перестала быть просто мечтой; теперь книги стали тем, чем я хотел заниматься в жизни. У меня появились новые замыслы. Мои мечты превращались в мои проекты.

«Начни записывать мысли, которые приходят тебе в голову, и, быть может, потом, когда ты сядешь за работу, ты поймешь, что тебе хочется написать не книгу, а песню», — сказал мне Федерико, и оказался прав. Меня не раз удивляло, что мой новый образ жизни и желание по-новому выразить себя находили отклик у других людей. Когда я высказывал свои идеи, предлагал новые проекты, мне почти никогда не отказывали. Я так и не смог понять, почему так получалось: с одной стороны, возможно, мои идеи были привлекательны, а с другой стороны, быть может, когда человеку легко и хорошо, это сразу заметно по его виду, и люди начинают верить в него и хотят разделить с ним частичку его радости.

Или, скорей всего, прав был Иисус, сказав: «Проси и получишь».

Итак, одну книгу я уже написал, на днях должен закончить вторую и продолжаю писать статьи и брать интервью в качестве фрилансера.

Я спокоен. Живу своей жизнью. Бывает, что в течение нескольких дней я вообще ничего не делаю. Иногда, когда я видел, что денег у меня достаточно, я переставал работать. Я отказывался горбатиться ради того, чтобы купить себе то, что мне не нужно. Я правильно рассчитывал свои расходы и был совершенно свободен в организации своей жизни. Я стал художником своего времени.

Раньше предлогом не являться на работу мне служила какая-нибудь неприятность: прием у врача, сдача анализов, похороны, заявление о краже в полицию, дорожное происшествие. Я мог отпроситься с работы и отсутствовать там несколько часов только в том случае, если у меня действительно случалось что-то плохое. Я не мог прогулять работу из-за того, что был необыкновенно счастлив и хотел просто побродить по городу или отдохнуть на природе, или потому, что мне хотелось переспать с девушкой. Оставалось надеяться минимум на высокую температуру. Ради похорон я мог отпроситься, ради дня рождения — никогда.

Все эти мои рассуждения привели к тому, что у людей обо мне создалось совершенно иное представление: многие считали, что я просто не хочу работать, что я лентяй, который не желает гнуть спину, что я бездельник.

Это все правда, но если завтра, проснувшись, я почувствую себя не в духе или у меня будет плохое настроение, если я пойму, что меня ждет скверный день, то, клянусь, я на весь день уйду на работу.

Но завтра я проснусь отцом... Ну что же, мне кажется, что это отличный повод не идти на работу.

21 Нам В Это Даже Трудно Поверить

Когда я жил на острове Боавишта в Кабо-Верде, мне по утрам удавалось выкроить немного времени и сходить за покупками. Я покупал фрукты, овощи, рыбу, рис и готовил себе обед. Я научился готовить. Я экспериментировал с новыми блюдами. Мне нравилось искать новые вкусовые ощущения, выдумывать новые рецепты. После приезда на остров я выделил в своем распорядке дня время для приготовления еды. Я резал перцы, цукини, лук, чеснок, петрушку и базилик. Жарил рыбу, заправлял салат. До чего все-таки приятно готовить, впитывать краски и ароматы продуктов. Пока я колдовал у плиты, на кухне звучала тихая музыка, время от времени я делал небольшой глоток холодного пива или красного вина. Однажды вечером у меня на разделочной доске лежали нарезанные овощи, рядом с доской стоял стакан вина, а за ней поднимался пар над дуршлагом со спагетти. Я все это сфотографировал.

Я также люблю и поесть.

На Боавишта я открыл для себя еще одно удовольствие, которым оказалась стирка белья под душем. Я совмещал приятное с полезным. Прежде чем развесить белье, я сильно встряхивал его и приходил в восторг, когда мое тело осыпали мелкие брызги воды. Еще я научился различать ветры. Знание это довольно бесполезное, но мне все равно было приятно знать, какой ветер сушил мое белье.

Должен признаться, что, стоя под струей воды в душе, я еще люблю заниматься кучей других дел. Например, чистить зубы, бриться или мочиться. Правда, сейчас мне неудобно стирать белье, потому что душевая кабинка в моем доме довольно тесная, но зато вполне хватает места, чтобы почистить зубы и помочиться. Разумеется, я не делаю это одновременно.

Когда мне приходилось принимать душ в чужой квартире, предположим в доме девушки, из чьей постели я только что выбрался, я мочился, если мне этого хотелось, но всегда боялся, что девушка неожиданно войдет в ванную, чтобы принять душ вместе со мной, и увидит желтоватую лужицу у моих ног. Но вот что меня страшно раздражает, так это стоять под душем в чужой душевой комнате, в которой вместо кабинки висит занавеска из пластика, противно липнущая к телу. Когда я намыливаюсь, она прилипает к локтям, спине, ногам. Меня это ужасно бесит. Я, как правило, предпочитаю не задерживать занавеску, и после душа насухо вытираю пол.

Тем не менее мне приятно сознавать, что я снова нахожусь там, где в течение долгого времени не ступала моя нога. Из-за того что я постоянно ходил босиком, мне пришлось стричь ногти на ногах ножницами, тогда как обычно я укорачивал их ногтями больших пальцев рук перед тем, как лечь в постель. Когда ты снимаешь ботинки и носки, то ступни бывают немного влажными от пота, а ногти мягкими, и их можно легко подровнять достаточно твердым ногтем большого пальца руки, если немедленно приступить к этой операции. Если же, как на Кабо-Верде, не носить ботинок, то ноги все время остаются сухими, ногти становятся твердыми, и при попытке укоротить их ногтем большого пальца руки победа всегда остается за ногтем большого пальца ноги. Кстати, если ходить без ботинок, то не только ногти, но и кожа на ступнях становится грубой и жесткой. Уже через месяц я голый ногой мог растоптать недокуренную сигарету.

Я люблю лето. Утром одеваешься за один миг: майка, шорты, сланцы. Но, признаюсь, мне нравится и зима. Я не большой любитель холодной погоды, но, возвращаясь вечером домой после работы слегка продрогшим под дождем, я начинаю с большим уважением относиться к удобствам своего дома. Я

закрываю дверь, снимаю куртку. Зажигаю свет, включаю стерео, наливаю в ванну горячую воду, тщательно моюсь, надеваю удобную одежду, готовлю себе горячий ужин. Мне это нравится. Еще я с удовольствием ем то, чем обычно питаются пожилые люди: овощной суп, полбу, перловку. Обожаю супы. Только я порой добавляю в них столько сыра, что он оседает на дно тарелки и прилипает к ложке. Мне приходится отрывать его от ложки зубами, а если я забуду сразу вымыть посуду, то должен вызывать строителей с отбойными молотками.

Суп я люблю, мне даже нравится минестроне, который дают в больнице. Я знаю, что больничная еда у всех вызывает отвращение, но я просто в восторге от супа и пюре, которыми там кормят больных.

Я нахожу превосходным даже чай с толстым ломтиком лимона, который они приносят на полдник. Интересно, а в этой клинике дают такой чай? К тому же в больнице едят в шесть часов, а зимой это чудо как хорошо.

А еще в больнице можно выпить лучший в мире кофе, тот, что санитары варят для себя и каким не имеют права угощать пациентов. Но однажды меня на неделю положили в больницу, после того как я попал в аварию на мопед. Я сумел расположить к себе некоторых санитаров и по ночам имел честь отведать их кофе, когда они священнодействовали у своей кофеварки. У меня об этом остались прекрасные воспоминания.

В первые месяцы после возвращения в Италию я почти не выходил из дому. Я хотел закончить книгу, эта работа поглощала меня целиком. Я не только работал над книгой, попутно я заносил на бумагу отдельные фразы, мысли, стихи и даже рисунки. Иногда я начинал рисовать, не зная точно, что хочу изобразить. Чтобы разобраться в этом, мне надо было подумать и понять, куда меня вел появляющийся набросок. То же самое случалось у меня и с литературным текстом. Я принимался придумывать эпизод, как вдруг мои персонажи начинали жить своей собственной жизнью, и теперь уже они водили моей рукой, так что мне самому становилось любопытно, чем закончится их история.

Кроме того, я много читал, смотрел фильмы, слушал музыку, молча сидел в тишине. Я находился в обществе моих новых «друзей-фантомов». Мне нравилось так их называть. Часто какой-нибудь писатель, режиссер, поэт, музыкант был мне ближе и понятнее, чем реальный человек, которого я знал уже много лет. Отдельные фразы из книги, фильма или песни я воспринимал как эхо собственного внутреннего голоса. Я жил изолированно, но не одиноко. Я жил в окружении людей, которые говорили со мной своими книгами и своими произведениями.

На Боавишта я читал книги, принадлежавшие Федерико. Они мне очень понравились. Одну из них мне подарила Софи. Она с легкостью делилась со мной своими книгами, но я предпочитал ставить их на место, мне казалось, что так будет правильней. С собой я взял только «Волшебную гору» Томаса Манна. Она лежит у меня на ночном столике.

В последние дни моей жизни на Боавишта меня безумно потянуло домой. Временами у меня возникает желание оказаться перед дверью своего дома, такое со мной случалось и раньше, чаще всего зимой. Бывало, ближе к вечеру, когда уже стемнело, я еду на машине или в поезде, в домах за окном уже горит свет, и меня сильно тянет к себе домой, ни о чем другом я больше не думаю.

После моего возвращения Франческа была, по сути, единственным живым существом — не считая моих родных, — с которым я изредка виделся. Я как бы ушел в подполье. Я чувствовал себя дикобразом из притчи Шопенгауэра, тем самым, у которого достаточно своего внутреннего тепла и он сам решает, на каком расстоянии ему следует держаться от остальных дикобразов.

После стольких лет я наконец-то больше обращал внимания на собственную самооценку, чем на мнение других людей.

Я часто гулял по городу или катался на велосипеде. Люди, попадавшиеся мне по дороге, говорили практически одно и то же. Они сразу же примеряли ко мне свою таблицу мер и весов. «Ты, кажется, располнел — или я ошибаюсь?» — говорил один встречный. Другой, наоборот, говорил: «Ты вроде как похудел...» И все в один и тот же день. Сообщив мне, похудел я или растолстел, они спрашивали, где я работаю, а в конце интересовались, есть ли у меня невеста. Мой ответ был всегда одинаковым: «Нет, меня невесты не интересуют». На что каждый неминуемо замечал: «Видно, ты еще не нашел свою женщину». Так же часто звучало и прямо противоположное заявление: «Ты слишком любишь самого себя».

В моем городе уже давно живет местный сумасшедший. По легенде, он сошел с ума после смерти жены. Этот человек кружит по городу, без умолку бормочет, жестикулирует, сам с собой что-то обсуждает. Мы его называем Что-нибудь, потому что он, подойдя к прохожему, всегда просит что-нибудь ему подарить. Он никогда не просит денег, а всегда только «что-нибудь, что-нибудь...». Наверное, и меня, заговори я по дороге вслух о том, о чем я думаю, сочли бы, как и его, сумасшедшим. Разница между мной и этим несчастным, не считая его вечной просьбы подарить ему какую-нибудь вещь, только в том, что у него отсутствует регулятор громкости, то есть он не может думать, не проговаривая вслух свои мысли. Позавчера я принес ему одну штуку. Я захватил с собой из дома старые наушники и подарил ему. Теперь не знающий слабоумного горожанина человек, увидев, как тот бредет по улице и разговаривает сам с собой, наверняка решит, что он о чем-то оживлен но беседует по телефону. Для него он не будет сумасшедшим. Мне тоже, когда я один, нравится говорить вслух, я часто пользуюсь этой уловкой, чтобы уноситься слишком высоко в своих фантазиях.

Что-нибудь остался доволен подарком. Сегодня утром около бара он опять поблагодарил меня, но только за вещь, которую я ему не дарил. Он уже меня забыл.

В баре рядом с моим домом за время моего отсутствия поменялся управляющий, и новый менеджер поставил телевизор, принимающий футбольный канал. Теперь мне кажется, что я сижу на стадионе, потому что болельщики и в баре орут во всю глотку. Часто меня это сильно раздражает. Прошло немного времени, и я развил в себе способность догадываться о результате матча по ругательствам и радостным крикам посетителей. Но это все равно лучше, чем жить в доме рядом с глуховатым человеком, у которого к тому же тошнотворный музыкальный вкус. Например, соседка Франчески все время включает музыку в

стиле Рикки Мартина или Шакиры. Я был бы очень рад, если бы она, как и Что-нибудь, приняла в подарок наушники.

Однажды я с утра крутился по дому, наводя в нем порядок. Бывают дни, когда я превращаюсь в примерную домашнюю хозяйку. Я чищу, мою, убираю, а в конце дня и себя привожу в порядок. Принимаю душ, мажу кожу кремом, два или три раза чищу зубы, после чего долго возжусь с зубной нитью, потом аккуратно подстригаю ногти, теперь уже маленькими ножницами. Закончив домашние хлопоты, я решил сварить себе кофе. Когда я закрывал кофеварку, у меня появилось странное ощущение, будто мне всю спину обдало холодом. Я окаменел. Я ощущал чье-то присутствие у себя за спиной, как будто в комнате кроме меня был кто-то еще.

Я обернулся и увидел на диване в своей комнате Федерико, который, улыбаясь, сказал:

— Привет, как дела?

Ошарашенный, я онемел — и замер. Мне на мгновение показалось, что ледяной поток окатил мою душу, а потом меня обдало огнем. Было жарко.

— Я хорошо... а ты... ты как?..

— Сразу видно, что тебе хорошо. Видишь, что я был прав? Я же говорил тебе, а ты все не верил...

— Чему?

— Что ты способен на большее, по сравнению с тем, как ты жил... У тебя внутри немало сил, которые ты можешь выплеснуть наружу...

— Я скорее почувствовал себя другим человеком... А как ты?

— Со мной все хорошо.

— А как тебе там?

— Я не могу об этом много говорить, здесь считают, что для вас это должно стать сюрпризом. Ты даже не можешь себе этого вообразить. Если я тебе об этом расскажу, то ты увидишь, что здесь все настолько просто, что в это даже трудно поверить, тебе покажется очень странным, что ты об этом раньше никогда не думал. Ты видел, какая хорошенькая Анджелика, я не подкачал, правда? Я с ней часто разговариваю. А как Франческа?

— Ничего, но мы больше не живем вместе — ты не забыл?

— Конечно, не забыл, но я часто вижу вас вдвоем. Я рад, что ты познакомился с Софи.

— Я могу обнять тебя?

— Нет, ты не можешь ко мне прикасаться, ты не можешь даже приближаться ко мне... Пока, Микеле, спасибо за то, что ты сделал для меня...

— На самом деле это ты много сделал для меня, а не я для тебя.

— Оставь, быть может, когда-нибудь и ты поймешь... Мне пора уходить. Передай моей маме и моему папе, что меня спасло то, что я их сын.

Я хотел задать Федерико еще кучу вопросов, хотел узнать, как он там проводит свое время, стал ли он ангелом или он всегда им был, встретился ли он с моей матерью или с Бобом Марли, но успел только спросить:

— Федерико... а Бог есть?

Он улыбнулся и ответил:

— Нам в это даже трудно поверить.

22 Даже Когда Ее Нет Рядом

Когда я вернулся в Италию, я заметил, что Франческа явно изменилась. Она перестала употреблять выражения, которые раньше иногда проскальзывали в ее речи, хотя на самом деле не были ей свойственны. Эти фразы есть не что иное, как голоса из хора, и их часто произносят женщины. Несколько таких перлов она обронила и в разговоре с Федерико, а именно:

«Я мечтаю создать крепкую семью»;

«Я брошу курить, как только забеременею»;

«Верность как проявление уважения»;

«Я, в какой-то мере, не такая, как все»;

«Мне проще давать советы другим, чем самой себе».

Франческа избавилась от этих стереотипов, вырвалась из этой категории женщин. Таким женщинам невдомек, что они вступили на путь, в конце которого их ожидает истерический невроз. Франческа, по крайней мере, оградила себя от этого. Она не была истеричкой.

Франческа поняла, как важно в жизни найти собственную дорогу и не оглядываться на других людей. Думать о себе, о своей жизни вовсе не эгоизм. Эгоизм — это скорее когда человек занят исключительно самим собой. Она не знала, как ей изменить течение своей жизни, но поняла, как важно это сделать.

Чинция, например, прекрасный образец истеричной женщины. Позавчера я встретил Чинцию вместе с ее мужем Фабрицио. После бесконечных попыток завести ребенка их усилия наконец увенчались успехом. У них родился сын Маттео.

— Маттео, поздоровайся... Маттео, покажи, сколько тебе лет... Маттео, скажи отчетливо, как тебя зовут... Мат-те-о! Покажи, как ты играешь в индейцев, иа, иа, иа... Маттео, а как лает собачка? А киска что делает? Маттео, покажи, как ты умеешь танцевать... Маттео, подойди ко мне... Маттео, иди сюда...

Через четверть часа я уже старался незаметно сунуть Маттео деньги, чтобы он достал себе дозу крэка.

Когда Федерико сказал Франческе, что не семья должна быть мечтой, а человек, с которым можно разделить свою мечту, он, конечно, имел в виду и такую ситуацию.

У Чинции и Фабрицио, кроме сына, ничего больше нет. Когда Маттео немного подрастет, они, вероятно, сделают еще одного ребенка. Сын стал для них пищей, и они кормятся ею, сын дает им иллюзию, что их жизнь не проходит бесцельно. Это относится прежде всего к Чинции, которая как личность уже не существует, да она никогда ей и не была. Сначала она зависела от матери, потом привязалась к отцу,

затем прилепилась к Фабрицио, теперь только «Маттео, Маттео, Маттео», а в конце жизни будет думать только о своих старческих болячках.

Сначала прекрасная дочь, потом прекрасная жена и сейчас прекрасная мама.

Она из тех мамаш, которые смотрят на сына как на ребенка, даже если тому уже стукнуло сорок лет. Чинция и Фабрицио ни на секунду не оставляют в покое беднягу Маттео. А как они будут страдать, если он не станет тем, кем они хотели его видеть. Такие родители пытаются заставить детей заниматься тем, о чем они сами мечтали, но потерпели неудачу. Я не знаю, каким я буду отцом, но обещаю тебе, Аличе: я постараюсь, чтобы у тебя был счастливый отец, а уж станешь ты счастливой или нет, будет зависеть во многом от тебя самой. Я же приложу все свои силы, чтобы тебя окружал одухотворенный, добрый и увлекательный мир, чтобы тебе всегда хотелось жить в нем, разделять его интересы и чувствовать себя спокойной.

После моего возвращения из Кабо-Верде прошло около двух лет, за это время я успел побывать и в других местах. Я ездил в Непал, Перу и в Новую Зеландию.

Мы с Франческа часто встречались и общались по телефону. Однажды, во время одной из моих поездок, мне захотелось вернуться домой, чтобы рассказать ей обо всем, что мне довелось увидеть и пережить. Я чувствовал, что меня постоянно тянет к ней. Франческа принадлежит к тому разряду женщин, которые никогда не утоляют вдоволь у мужчины жажду влечения, мужчины припадают к ним еще и еще раз. Я не беру случаи, когда мужчиной движет навязчивая идея или страх потерять свою девушку. С Франческой я никогда не чувствовал себя пресыщенным.

Она была чиста, как пробел между словами. В те дни Франческа хранила в себе скрытый источник любви, которая молила вдохнуть в нее жизнь. Ей надо было пробиться на поверхность. Есть люди, которые эмоционально похожи на фонтан: они изливают все, что у них есть внутри. Другие же, как Франческа, скорее похожи на колодец. Из них надо черпать. Их вода скрыта на большой глубине, им нужен человек, который поможет поднять ее наверх. Я не хотел, чтобы Франческа влюбилась в меня, я хотел, чтобы она полюбила себя. Полюбила жизнь. Иначе все опять превратится в краткосрочный контракт, как это уже когда-то с нами было. Любовь со сроком годности, любовь с реле времени.

Как-то Франческа призналась мне, что казалась себе более красивой, когда она была со мной. Я полагаю, что это происходит тогда, когда ты видишь свое отражение в глазах человека, который тебя любит. И только это я мог для нее сделать. Показать и помочь ей осознать ее естественную красоту. Все то, что я узнал за последнее время, стало для меня таким огромным открытием, что я не мог не поделиться им с тем, кого я любил. Но выбирать, как ей жить, должен был не я. Например, я вспоминаю, что многое, о чем мне говорила Софи, я уже слышал от Федерико, но все сказанное ею производило на меня такое впечатление, будто я слышу это впервые. Это связано с тем, что я, слушая Федерико, не был внутренне готов воспринимать его мысли. Его слова не затрагивали меня, даже более того, я машинально вставал в защитную позицию, оберегая себя.

С Франческой произошло то же самое. Она всегда могла обратиться ко мне, я давал ей возможность почувствовать себя красивой и любимой. Мы часто проводили время вместе, но не занимались любовью. Однажды Франческа сказала мне, что такая мелочь, как моя просьба подобрать книги для гостиницы, привела ее в такое хорошее настроение, что к ней опять вернулось желание во что бы то ни стало найти для себя новую работу. На следующий день она повторила, что окончательно решила изменить свою жизнь, но только не знала, как это сделать, с чего следует начать. Я предложил ей свою помощь, и она согласилась. Это был один из самых счастливых дней в моей жизни, потому что Франческа, на глазах изменившаяся после принятого ею решения, вскоре стала матерью Аличе. Я люблю Франческу не только за то, что она есть. Для любви всегда найдется много причин, и одна из них — это смелость, которую проявила Франческа, решившись изменить свою жизнь. Смелость стать новым человеком. Если бы она отказалась от своего решения, если бы ей не хватило отваги, то не было бы и женщины, которая сейчас находится рядом со мной. Никто бы не отыскал и следа новой Франчески. Зато сейчас она несет в себе все впечатления, которыми наполнила ее жизнь, все, что она любила, все чувства, которые ее волновали. А я могу наслаждаться ими, потому что она решила разделить их со мной. Стол накрыт, угощения расставлены, меня приглашают на трапезу.

Франческа для меня стала восхитительным пикником.

Для меня было очень важно, что она ответила согласием на мое предложение о помощи, — потому что она никогда не любила чувствовать себя обязанной посторонним людям и обычно отвечала: «Спасибо, но я справлюсь сама». То, что она согласилась принять мою помощь, было уже явным признаком происходящих с ней перемен.

Через пару дней она начала искать работу в книжных магазинах нашего города. К сожалению, ни в одном из них не требовались новые работники. Я помню, как она расстроилась после этой неудачной попытки.

Как-то я весь день звонил ей по телефону, а она ответила мне только вечером. Я слышал, что она плачет. Тогда я пошел к ней. Лицо у нее покраснело и опухло. Днем она поссорилась с матерью. В который уже раз. После того как ей отказали в работе в книжных магазинах, она подумала, что могла бы открыть свою маленькую книжную лавку, а для этого надо было попросить отца взять ссуду в банке и дать свое поручительство. Это был всего лишь ее план, она просто хотела выяснить, возможен ли такой вариант, но сразу же получила отрицательный ответ. Отец отказался обращаться в банк за займом и попытался оправдаться:

— Я не могу пойти на это, мне мама не позволит, ты же сама знаешь.

Действительно, когда отец заговорил о займе с матерью, та подняла крик:

— Это опять твоя новая блажь. Ты хочешь нас разорить. Ты хочешь профукать наши деньги и оставить нас и без денег, и без дома? Мы всю жизнь на него работали, во всем себе отказывали. Не смей приставать к отцу с такими просьбами! Он тебе ни в чем не может отказать, а ты знаешь и пользуешься этим. Не очень-то это красиво. Ты его доведешь до инфаркта. Как тебе не стыдно. Оставь свои бредни с

книжным магазином, выброси из головы все эти мечты, они тебе не по зубам, тебе и в баре хорошо, поверь мне, я-то уж тебя хорошо знаю. Бери пример со своей сестры. Она себе голову глупостями не забивает. Она девочка ответственная...

Франческа плакала в этот раз не только из-за книжной лавки и тем более не из-за ссоры с матерью. Причина лежала глубже, хотя Франческа и не могла понять, почему сейчас она испытывала такую боль и отчаяние. Иногда бывает, что мы слишком бурно реагируем на какое-нибудь событие, хотя часто не знаем, отчего так происходит. Только поздним вечером, после того как я с ней обсудил происшедшую историю, она стала понемногу осознавать, в чем дело. В первый раз Франческа поняла, как распределяются роли в ее семье, какие законы в ней действуют. Она видела, что отец постоянно становился жертвой злой и властной матери, и всегда считала мать виновной в страданиях отца. Мать, на ее взгляд, была виновата в том, что отец несчастлив. Ей всегда хотелось оберегать отца и освободить его от жестокой тирании матери. Франческа и сама превратилась в жертву, поддерживая доверительные отношения с отцом, так же как и моя сестра, жившая в одном доме с нашим отцом. Ситуация была очень схожа. Старшая сестра Франчески находилась в более выигрышном положении. Франческа с отцом были проигравшей стороной. И он, и она оказались жертвами. Но в тот вечер она наконец сумела во всем разобраться. Ее отец стал не только жертвой, но и палачом для самого себя. Он решил быть жертвой и добровольно выбрал, а потом и закрепил такое положение, чтобы упиваться своей болью. Он не противился, даже когда посторонние люди причиняли ему зло. Он вложил кнут в их руки. Поэтому и Франческа в ее отношениях с мужчинами невольно играла ту же роль, что и ее отец в своих отношениях с окружающими.

И впрямь, едва ей представилась возможность обрести свободу, не отвергать по своей воле то, что может принести ей счастье, и вступить в борьбу за свои права, за новую жизнь, как отец отказался ей помочь, во всем обвинив мать.

Но со временем для Франчески все стало ясно. Как будто на нее снизошло озарение, которое помогло ей разобраться в том, что давно следовало понять. Но прежде чем Франческа осознала свое положение, прежде чем ей интуитивно открылась истина, она в который раз попыталась отступить назад, снова превратиться в жертву. Вернуться на свое место. К своей роли. Поэтому, как сквозь слезы она мне призналась, она почувствовала себя страшной душой из-за того, что снова размечталась о том, от чего отказалась уже много лет назад. Она почувствовала себя донельзя смешной и не могла понять, как она могла еще раз поверить в подобную глупость.

— То, что ты говоришь, очень красиво, но в жизни все бывает совсем по-другому, — сказала мне Франческа таким тоном, словно злилась на меня и во всем случившемся была и моя вина.

На сцену вновь вышли палач и жертва.

— Моя мама права, — добавила она, — мне лучше выкинуть блажь из головы и привести свои мысли в порядок. В конце концов, мне и в баре нравится работать.

История Франчески и ее матери превосходно описана в сказке о Белоснежке. Это правда, что сестра Франчески, которая была старше нее на три года, хорошо училась в школе, примерно вела себя дома, вышла замуж и родила детей. Но все-таки любимицей отца была Франческа. Ее сестра находилась под полным влиянием матери. Для сестры было крайне важно слышать по любому поводу одобрение королевы-матери, так что она наилучшим образом претворила в жизнь все планы мамы и вышла замуж за мужчину, который воплощал идеал ее матери.

Ее мать была властной, красивой женщиной, и до тех пор, пока Франческа оставалась ребенком, именно мать правила в доме, потому что ее старшая дочь так и не смогла завоевать сердце короля. Но когда Франческа выросла, зеркальце открыло ее матери, что младшая дочь стала первой красавицей в доме и любимицей короля.

Требование матери не бросать работу в баре и отказаться от мечты о книжном магазине стало красным сочным яблоком, которое Франческа, прислушавшись к материнскому совету, уже была готова надкусить.

«Ты только посмотри, какое оно красивое, сочное, вкусное...»

Поскольку речь зашла о сказках и мультфильмах, я бы добавил, что в основе отношений между Франческой и ее матерью лежала еще одна глубинная проблема: синдром Леди Оскар. После рождения первой девочки ее мать, всегда мечтавшая о мальчике, решила родить второго ребенка, но появление Франчески разрушило все ее планы.

Недаром у Франчески очень поздно началась менструация, ведь ей приходилось постоянно подавлять свою женственность. Франческа носит переиначенное на женский лад имя бабушки, родившись из-за своего упрямства девочкой наперекор желанию матери.

Все последующие дни я был рядом с ней и убедил ее не отказываться от своей мечты.

Я знал, что никакие слова не заставят человека передумать и отказаться от своей идеи, если сомнения еще не успели пустить ростки в его сердце. Всевозможные уговоры, попытки посеять неуверенность и страх падают на благодатную почву только тогда, когда они уже поселились в человеке. Если человек свободен от них, отговорить его невозможно.

Достаточно было вырвать из сердца Франчески все эти сомнения, чтобы уговоры ее матери, или отца, или любого другого человека оказались напрасными.

Однажды вечером она мне прямо сказала: «На этот раз я так легко не сдамся».

И в самом деле, как это нередко бывает с тем, кто отважился идти навстречу своей мечте, она нашла помощь и поддержку для преодоления первых трудностей. Смелому всегда везет.

Спустя несколько дней после ссоры и пролитых слез Франческа услышала в баре разговор двух клиентов, которые говорили о книжном магазине на улице Верчелли. Бездетный владелец магазина собирался выйти на пенсию и решил закрыть свое дело. Франческа догадалась, что речь шла о книжной лавке, в которую она во время поисков книг для Софи так и не зашла, потому что внутри было слишком темно, а сам магазин казался пыльным, старым и не внушал доверия. Несмотря на то что ей пришлось пережить накануне, днем она побежала взглянуть на этот книжный магазин. По прошествии нескольких дней она решила вернуться туда, чтобы поговорить с пожилым хозяином. Не прошло и месяца, как

Франческа уже работала в книжном магазине за небольшую зарплату. В обмен на это синьор Валерио, так звали старого продавца книг, учил ее азам профессии. В выходные дни Франческа часто подрабатывала в баре на дискотеке, потому что денег ей не хватало. Вскоре внешний вид книжной лавки заметно изменился. Франческа со всей страстью кинулась в эту авантюру. Она переделала витрину, добавила освещение... внутри лавки творилось какое-то волшебство.

Сейчас новый магазин совсем не похож на старый. Он стал таким, каким его представляла себе Франческа. В конце торгового зала освободилось свободное пространство. Франческа поставила там столики, стулья, скамьи с подушками, и теперь посетители устраиваются на них, перелистывая книги, которые они собираются купить. Кто хочет, может заказать себе травяной чай.

У Франчески появились и другие планы, над которыми она работает. Сейчас же она устроила для себя перерыв.

Синьор Валерио стал ее близким другом, он ей почти вместо отца, и должен честно сказать, что с тех пор, как в магазине появилась Франческа со своими проектами, он явно помолодел. Мы все очень довольны, потому что открыли для себя важную истину: мечты могут сбываться. И я никогда не перестану говорить об этом во весь голос.

В эти годы произошло много новых событий.

Когда Франческа начала работать в книжном магазине, она стала совсем другим человеком. Она даже бросила курить. Она сказала, что раньше сигареты помогали ей примиряться с ее прежней жизнью. Моя любовь к ней была настолько искренней, чистой и бескорыстной, что со временем и она не смогла не полюбить меня.

Наши отношения мы строим с учетом индивидуальности друг друга, я помогаю Франческе чувствовать себя еще более свободной, и для меня она делает то же самое. Мы по очереди помогаем друг другу осуществлять наши проекты. Мы объединили наши жизни, не ущемляя свободы каждого из нас. Присутствие Франчески делает еще более красивой ту часть меня, которую я сумел вывести на свет. Даже когда ее нет рядом со мной.

23 Федерико Был Прав

В своей первой книге я постарался отразить весь свой жизненный опыт. Я хотел выразить в ней свои мысли и чувства, которые испытал на протяжении своей жизни, но истории персонажей моей книги были вымышленными. Книга у меня получилась искренней, в ней было много недостатков и поверхностных суждений, ставших плодами моего скромного ума (скромного по своим достоинствам, а не из-за отсутствия тщеславия). Писателю труднее всего заставить своих героев совершать поступки, по которым читатель мог бы судить, что они за люди, а не рассказывать о персонажах книги или описывать их. Когда герой впервые появляется на страницах книги, я по неопытности начинаю описывать его, пользуясь прилагательными, например пишу, что он красивый, симпатичный, умный. Писать же надо так, чтобы из поступков и поведения героя можно было догадаться и об его внешнем облике. Это еще одна из причин, которая не позволяет мне называть себя крупным писателем, не считая, конечно, недостатков композиции и бедности словаря.

Надеюсь, что книга, над которой я сейчас работаю, будет значительно лучше. Это история человека, который приходит в себя в больнице, куда его поместили из-за очень странного заболевания. Больной страдает синдромом Стендаля, когда при виде выдающегося произведения искусства человека охватывают настолько сильные эмоции, что он не выдерживает этого и теряет сознание. Мой герой теряет сознание всякий раз, когда оказывается перед лицом другого человека. Он долго изучал строение человеческого тела, и теперь, накопив обширные знания об этом совершенном организме, не может совладать со своими чувствами при виде чуда, которое представляет собой человек. Поэтому сейчас я изучаю анатомию. Позавчера я прочел невероятную вещь, так что даже обратился за подтверждением к знакомому врачу. В статье в энциклопедии было написано, что если все вены, артерии и ответвления капиллярных сосудов человека вытянуть в одну нить, то она сможет два с половиной раза обогнуть земной шар. Просто невероятно. Если бы мне сказали, что эту нить можно протянуть от моего дома до центра города, то и такое расстояние показалось бы мне слишком большим.

В любом случае, чем больше нового я узнаю о человеческом теле, тем сильнее рискую превратиться в героя моей книги.

Вчера, перед тем как отправиться на нашу привычную вечернюю прогулку, мы с Франческой занимались любовью. Это был последний раз, когда мы позволили себе такое во время ее беременности; после этого физическая близость на время уйдет из нашей любви. Франческа стояла на кухне у раковины и ополаскивала стаканы и чашки, и я не смог устоять. Я подошел к ней сзади, начал целовать ее шею и плечи, а рукой поглаживал ее живот и бедра. Я приподнял ее одежду и со всеми предосторожностями вошел в нее. Ее запах, учащенное дыхание, шум текущей из крана воды меня сильно возбуждали. Я видел, как струя воды падала на кисти ее рук и стекала вниз.

Франческе сейчас тридцать четыре года. В какую чудесную женщину она превратится, когда ей исполнится сорок! Сколько нового она откроет для себя, сколько новых знаний успеет приобрести, сколько прекрасных бутонов распустится на кустах, которые вырастут из собранных ею семян! В будущее можно заглянуть сегодня. Истинная красота зрелой женщины в том, что она распахивает перед вами целый мир, в то время как молодая девушка несет в себе лишь свой маленький уголок.

Я рад, что я состарюсь вместе с Франческой, мне любопытно посмотреть, какой будет она, какими станем мы. Я думаю о Франческе, думаю об Аличе — и ощущаю себя полуостровом, омываемым водами двух океанов.

В действительности у Франчески, как и у каждой женщины, нет определенного возраста. Иногда она старше меня, иногда младше. Как можно относиться к женщине на основании возраста, указанного в ее паспорте? Это все равно что определять красоту цветка по длине его стебля или ширине лепестков.

Вчера я прижался щекой к животу Франчески и стал прислушиваться к малейшему движению внутри нее. Пока я нашептывал разные слова, надеясь, что изнутри меня услышит Аличе, Франческа нежно перебирала мои волосы. На мгновение я тоже почувствовал себя ребенком. Я ощущал себя совсем маленьким по сравнению с ней. Она гладила меня по голове так же, как в детстве это делала моя мать. Я полностью отдался своим ощущениям. Когда на прошлой неделе Франческа расплакалась, я обнял ее и ласково погладил по лицу. В ту минуту она выглядела такой маленькой и слабой, что казалась моей дочкой. Иногда, когда она смеется, она похожа на девочку, иногда на взрослую женщину. Возраст женщины можно определить, только присматриваясь к ее многочисленным изменениям. Она никогда не бывает одной и той же.

В женщине мы видим не сумму лет, а совокупность мгновений. Красота Франчески, так же как и жизнь, может меняться совершенно неожиданно. Иногда легкое движение, улыбка, ласковое слово усиливают ее неотразимость. Она приходит неожиданно-негаданно, как летняя гроза или солнечный день в холодную зиму. Это чистая импровизация. Орывок из джазовой композиции.

Прошло несколько месяцев после моего возвращения, когда мы вновь стали близки. Я знал, что мы пойдем, когда для нас наступит тот самый час, и оба нашли в себе силы его дожидаться. Он пробил не слишком рано и не слишком поздно. Честно говоря, я бы сделал это и раньше, но все-таки было вполне справедливо, что именно Франческа выбрала время.

Последняя ночь, которую мы провели в далеком прошлом, не оставила следа в нашей памяти. Это были бесчувственные, холодные, механические объятия. В них сквозило равнодушие. Мы уже надоели друг другу. Я припоминаю, что в тот последний раз, когда все уже закончилось, у меня появилось ощущение пустоты, одиночества и почти брезгливости.

И все же Франческа мне нравилась. Но прощальный поцелуй перед уходом раскрыл нам глаза. В нем уже не было чувства, наши губы, не раскрывшись, лишь едва соприкоснулись. Что хорошего в поцелуе, если пропало желание целоваться? Одно из самых приятных занятий в мире становится почти противным. Я думаю, что Франческа испытала то же самое чувство. Более того, я в этом уверен, потому что спустя несколько дней с обоюдного согласия мы расстались.

Но в тот день, когда мы снова отдались друг другу, все было совсем по-другому. Накануне вечером Франческа зашла ко мне поужинать, а потом мы вместе смотрели фильм. Мы сидели на диване, смотрели «Земляничную поляну» Ингмара Бергмана, и я, не говоря ни слова, протянул руку и погладил Франческу. Ее шелковистые волосы, бархатистую кожу руки, нежные, как лепестки, пальцы, белые и твердые, словно опал, ногти. Франческе временами нужны были теплота, внимание, ласка. Ей хотелось, чтобы ее пригрели, ей хотелось простой ласки без намека на сексуальные отношения. Где-то я прочел, что явилось настоящей причиной исчезновения динозавров. Динозавры вымерли, потому что их никто не ласкал. Надо надеяться, что мужчины не повторяют этой глупой ошибки с женщинами.

В какой-то момент Франческа задремала. Сказались и усталость, и Бергман. Она прижалась ко мне, и мне было приятно ощущать тяжесть ее тела. Потом я разбудил ее.

Волосы у нее взъерошились, словно на голове разорвалась петарда. Франческа разделась и юркнула под одеяло. В ту ночь она ночевала у меня.

Мне не спалось, я пошел на кухню и сел писать. Той ночью я написал свое первое стихотворение, посвященное Франческе. Я не поэт, но эти слова я писал только для нее:

Мне в этот миг весь мир принадлежит,
Меня ласкает свет,
Неясный звук мне поверяет тайны,
Открыто, не таясь, жизнь ненавязчиво
взирает на меня,
Здесь все во власти вечности,
Как искра солнца у тебя в глазах.
Мне распирает грудь желание жить,
принадлежать тебе,
И я впервые для себя решил
Навеки быть с тобою рядом.

Она сказала, что стихи красивые и нравятся ей. Мне этого вполне достаточно.

На следующий день она снова ужинала у меня дома. Работа в книжном магазине отнимала у нее много времени, часто по выходным дням ей приходилось подрабатывать, поэтому я старался сделать так, чтобы она, закончив все свои дела, могла прийти ко мне на все готовое. К тому же мне нравится готовить.

Поужинав, мы снова, обнявшись, сели на диван. Франческа сказала, что она очень довольна тем, как идут ее дела, и призналась, что она чувствует, как ее просто переполняют жизненная сила, энергия, желание работать и приносить людям пользу. Потом она заплакала. Она плакала оттого, что ей было хорошо. А ее счастье и меня делало счастливым.

Ночь мы провели вместе. Казалось, что это случилось впервые. Будто раньше мы никогда не были близки. И мы такого на самом деле никогда не испытывали. Когда я прикасался к Франческе, я кончиками пальцев ощущал какую-то таинственную силу, которая притягивала меня к ней.

Слезы Франчески приоткрыли мне дверь в ее внутренний мир. Они были как струи водопада, за которыми скрывается вход в пещеру. Там я нашел новую Франческу. Я был первым мужчиной, который проник в это потайное место, скрытое даже от нее самой.

Все эти месяцы мы почти не расставались. Словно разоидясь с ней, я на самом деле сделал разбег, чтобы вернуться к ней и стать как можно ближе. Мы прошли в комнату, я раздел Франческу и уложил ее в постель. Я попросил ее закрыть глаза и взглядом охватил ее тело. Я медленно, не прикасаясь к ней, водил рукой над ее телом, от головы до кончиков пальцев ног. Руку я держал в нескольких сантиметрах от

кожи Франчески, так чтобы она не ощущала моего прикосновения, но чувствовала тепло моей ладони. Сначала я проводил рукой над ее волосами, потом над лицом: вначале лоб, затем брови, глаза, нос, рот, подбородок. Не касаясь ее тела, я провел руку дальше, к шее, плечам, груди, животу, ногам, ступням. Я чувствовал, что Франческа ощущала ее тепло. Потом я начал ласкать Франческу. Я гладил ее тело, как опытный продавец проводит ладонью по дорогой ткани.

Я начал ее целовать. Я прикоснулся губами к ее телу, повторяя уже пройденный путь. Я хотел, чтобы все в ней замерло в ожидании. Радостного праздника. Огромного события.

Франческа лежала с закрытыми глазами. Ее дыхание, которое было ровным, теперь стало прерывистым, учащенным. Руки судорожно сжимали простыню. Неожиданно Франческа открыла глаза, и мы долго без слов смотрели друг на друга. Я опустил на нее и почувствовал жар ее кожи. Я погладил ее лоб, мы улыбнулись, затем я приложил пальцы к ее губам. Мне нравятся женские губы. Я люблю губы за их цвет, их рисунок, их нежность. Я люблю их, потому что женщины не позволяют прикасаться к ним, если говорят «я тебя ненавижу», и зовут слиться с ними, когда шепчут «я тебя люблю».

Прошла еще минута, и Франческа перестала себя сдерживать. Она оттолкнула меня, опрокинула на спину и стала осыпать меня поцелуями с головы до ног. Она целовала мою шею, потом плечи, грудь. Франческа целовала меня и скользила вдоль моего тела, ее волосы накрывали место поцелуя и, казалось, впитывали влагу ее губ. Мне чудилось, что эти поцелуи были бесшумными шагами приближающейся к алтарю страсти невесты, а волосы тянулись следом, как шлейф подвенечного платья.

Я проник в нее.

Мои движения были замедленны. Она лежала в моих объятиях, целиком отдавшись своим ощущениям. Нас связывали не только чувства, которые мы испытывали друг к другу, — наши тела тоже выражали свою симпатию. Я и Франческа прекрасно подходили друг другу.

С этой ночи наша сексуальность переросла в чувственность. Мы совсем по-другому стали заниматься любовью. Нам нравится, когда нас переполняет нежность, когда мы обмениваемся нежными поцелуями и бесконечными ласками, но нам также нравится, когда нас охватывает неутолимое жгучее влечение, — и мы набрасываемся друг на друга с такой страстью, что нежность возвращается к нам только тогда, когда наш пыл уже угас.

Примерно год назад мы решили больше не предохраняться. Мы решили завести ребенка вовсе не потому, что были влюблены друг в друга. Этого недостаточно для того, чтобы задуматься о детях. Влюбленность, как и опьянение, искажает восприятие действительности. Заводить ребенка только потому, что вы влюблены, это все равно что покупать дом спьяну. А что будет, когда пройдет опьянение? Дети часто превращаются в оковы. Я хочу, чтобы Франческа стала матерью моего ребенка не потому, что я воображаю ее какой-то идеальной женщиной, а потому, что она реальная женщина, со своим характером и своими достоинствами. Наша любовь не только втягивает в свою орбиту наши сердца, но и приводит нас к общей любви, к многочисленным проявлениям жизни. То чувство, которое мы называем настоящей любовью, оно, как и солнце, не освещает только наши жилища и не согревает только круг избранных. Это чувство не только притягивает нас к любимому человеку, но оно еще проявляется и в любви к жизни, к ее тайне, ко всему, что обитает вместе с нами в этом удивительном и прекрасном мире. Это любовь к радости самого бытия. Понятно, что у каждого из нас свои вкусы и предпочтения. Как-то раз я повторил Франческе то, что говорил мне Федерико во время нашей поездки в Ливорно. Он тогда еще сказал, что я, на его взгляд, неправильно сужу об отношениях мужчины и женщины. Я даже пересказал ей притчу Шопенгауэра о дикобразах.

Она считает, что Федерико был прав. Но теперь это уже ясно для всех.

24 Надеюсь, Что Я Это Заслужил

Никто так и не вышел ко мне в коридор. Я спустился в вестибюль больницы и пошел к кофейному автомату. В зале много самых разных больных. Все одеты или в спортивные костюмы, или в пижамы. Некоторые больные в пижамах представляют просто жалкое зрелище. Здесь, например, расхаживает один синьор в белой пижаме с коричневым узором, напоминающим медали или монеты, и с эластичными манжетами того же цвета на запястьях и щиколотках. Довершают его ансамбль белые носки и кожаные шлепанцы, разумеется коричневого цвета. Я думаю, что так одеваться может только человек, который дома садится есть в одиночестве и накрывает скатертью лишь половину стола. Есть ли что-то более печальное, чем обед в одиночестве за столом, накрытым вдвое сложенной скатертью?

От кофе из автоматов у меня начинается сильное сердцебиение, поэтому я решаю взять чай. Тип, стоявший впереди меня, наверняка взял себе кофе, потому что, когда я отпил глоток чая, в нем чувствовался кофейный привкус.

Я все думаю о своей жизни в последние годы. Я рад, что перестал смотреть на мир под одним и тем же углом зрения, научился разбираться в людях и узнавать в них самого себя. И самое главное, я научился при встречах с людьми относиться к ним непредвзято и старался понять не только другого человека, но и ту новую часть самого себя, которую я недавно открыл для жизни.

И тут я вспомнил о чувствах, которые мне пришлось пережить, когда однажды вечером после долгого отсутствия снова пришел на площадь, откуда в свое время убежал Федерико.

Тогда я еще не возобновил интимные отношения с Франческой.

На площади было много прекрасно одетых симпатичных девушек, но ни в одной из них не было того света, который излучала Франческа или Софи. У каждой девушки было хорошенькое личико, но какое-то заурядно-однообразное, без изюминки, без оригинального колорита. Девушки были разные, но в чем-то удивительно похожие. И молодые люди, казалось, сошли с конвейерной ленты. Создавалось впечатление, что ты попал на склад аналогичных товаров.

Все, как и год назад, когда я видел их в последний раз, держали стакан в руке. Все были моими давними друзьями, за исключением стайки молодых людей, представителей нового поколения. Те вообще

были все на одно лицо: очки, прически, ремни, переливающиеся джемперы, плотно облегающие тело. Других перемен я не заметил, если не считать того, что я в их глазах был немного странным. Они решили, что я после смерти Федерико стал сам не свой, что, возможно, я свихнулся. По их мнению, у меня крыша поехала, я все время завожу странные разговоры и, вообще, со мной трудно общаться. В действительности я не был странным и не вел полоумных речей, мне просто хотелось поделиться с ними моими впечатлениями, но я не мог описать им то, что мне пришлось пережить, потому что объяснить это невозможно, это надо испытать на собственном опыте. Поскольку мои слова до них не доходили, я перестал рассказывать им о своей жизни. Поиск жизненного пути — это личное дело каждого, оно требует уединения, если на этот поиск отправляются вдвоем, то путь превращается в загородную прогулку. К тому же многие из них даже не слушали меня. Они помнили, каким я был раньше, старый образ настолько укоренился в их памяти, что не позволял им увидеть во мне нового человека; они не слышали то, что я им говорил. В глазах большинства я остался таким же, как и прежде. На всю жизнь. Они даже не хотели задуматься над тем, что человек может измениться. Для них это было невозможно. По их мнению, если кто-то ведет себя не так, как прежде, значит, он притворяется. Тот, кто не способен измениться, с трудом поверит, что другой человек может это сделать. В тот вечер меня много раз спрашивали, есть ли у меня невеста, а узнав, что невесты у меня нет, говорили, что я, видно, еще не встретил свою женщину, или заявляли, что я слишком высокого о себе мнения. Каждый человек, с которым ты встречаешься, становится другим вариантом тебя самого. В тот вечер я молча наблюдал за давними друзьями, я ни с кем не вступал в разговоры, но весь вечер во мне не умолкал осуждающий их голос.

Бог никогда не создает двух одинаковых людей. Но, глядя на толпу на площади, сразу же бросалось в глаза, сколько сил тратили одни, чтобы стать похожими на других. Я видел перед собой не картины, а эстампы и плакаты. Одинаковые прически, очки, пряжки ремней, ботинки. Но сколько отчаяния пряталось за излишне непринужденными жестами присутствующих, сколько одиночества скрывалось за их хохотом. И сколько однотипных машин припарковано за площадью.

Мне повезло повстречать на своем пути людей, которые пробудили во мне любознательность, дали направление моим мыслям, делились со мной советом и вели меня по жизни, помогая обрести первые догадки о смысле нашего существования. Я же, глядя на некоторых моих друзей, не без основания считал их пустыми людьми. Многих из них я действительно любил. Но я уже не мог относиться к ним так же, как раньше. Я стал более трезво смотреть на них, разобрался в механизме их общения, узнал правила и код доступа в их мир.

Но было ли истиной то, что стало передо мной открываться?

В этом однообразном вечернем времяпрепровождении, которое тянется уже многие годы, жизнь казалась застывшей, неподвижной, хотя на первый взгляд она была ключом. Похожее впечатление появляется у нас иногда на остановке на железнодорожном вокзале, когда мы сидим в поезде и вдруг замечаем, что он неожиданно трогается с места. Только спустя несколько секунд мы начинаем понимать, что от станции отправился поезд, стоявший на противоположном пути, а наш вагон, словно приклеенный к рельсам, по-прежнему стоит на месте.

Однако, когда мне приходилось разговаривать с друзьями наедине в другой обстановке, не на площади, вне этой атмосферы группировки, стада, толпы, они делались другими. Когда нам выпадал случай поболтать с глазу на глаз, например в машине, маска, которую я обычно видел на лице каждого из них, частично исчезала. Они становились более открытыми, даже начинали признаваться, как им надоела эта однообразная жизнь, как они устали от встреч с одними и теми же людьми на одном и том же месте, что им больше неведомо ходить в надоевшие бары, но они не знают, где найти достойную альтернативу. Они не знали, что им делать. Поэтому ни одна из девушек на площади, даже самая красивая, не могла сравниться с Франческой или Софи, потому что во Франческе и Софи чувствовалось биение жизни, в них был огонь, и прежде всего они были женственны. Красота у Франчески и Софи была врожденной, а красота девушек с площади следовала сиюминутной моде. Женщины, которые в наши дни считаются красивыми, и волнуют, и пугают меня. Из встреч с этими женщинами я извлек важный урок: чтобы встречаться с ними и глядеть в их лица-маски, надо самому скрываться под маской. А в лице Франчески я нашел женщину, перед которой я мог сбросить свою личину. И Франческа тоже встречала меня с открытым лицом.

В общем, у меня не появлялось ощущения, что я давно не был в нашем городе. Я ничего не потерял. Через пять минут мне стало казаться, что я никуда не уезжал, а все время проторчал с друзьями на этой площади. Я слышал все те же рассказы о том, сколько они выпили накануне вечером: «Вчера у нас была бутылка водки на двоих, до дома добрались в совершенно разобранном виде, скорее даже приползли...» У кого-то можно было заметить белые следы кокаина под носом. О своих похождениях мои друзья рассказывали почти с гордостью. Выглядело это очень смешно. Боже упаси осуждать их: я и сам этим грешил, и Федерико тоже этим занимался, но пришло время, и мы завязали.

Федерико спас меня от этого мира. Мне повезло, что у меня был такой друг. Друг, чье присутствие я постоянно ощущаю в своей жизни. Надеюсь, что я это заслужил.

25 Упавшие Ввысь

Даже сейчас, когда мы с Франческой готовимся стать родителями, каждый из нас продолжает жить в своем доме. Мы можем себе это позволить, поэтому, вместо того чтобы тратить деньги на всякую ерунду, предпочитаем жить раздельно, хотя часто мы проживаем в одной квартире. Такой выбор позволяет нам сбалансировать и укрепить наши отношения. Иногда я ночую у нее, в другой раз она остается у меня. Практически мы ночуем у нас.

Мы приняли такое решение вовсе не потому, что не верим в совместную жизнь, — просто мы оба не годимся для семейной жизни. Каждый человек должен отыскать свою точку опоры, обрести свое идеальное состояние. Для себя мы увидели выход в таком решении. Нам казалось, что пора найти новый

способ построения семейных отношений. То, как жило поколение наших родителей, нас никак не устраивало.

Иногда, несмотря на взаимную привязанность, каждому из нас хочется побыть одному. Чтобы рядом никого не было. Не стоит думать, что, оставаясь один, я занимаюсь какими-то странными, экзотическими делами. Нет у меня и наследственных приступов бегства в одиночество. Просто мне порой бывает нужно остаться наедине с самим собой, со своим внутренним миром. То же самое бывает и у Франчески. Мне повезло, что я нашел в ней женщину, способную понять такое желание. Точнее, если уж быть до конца честным, именно она больше меня настаивала на этом нашем праве.

Я помню, как однажды вечером я позвонил Франческе и спросил, можно ли мне зайти к ней или ей хочется побыть одной. Она сказала, что я могу прийти, и я поспешил к ней, чтобы провести ночь в ее доме. Какое все-таки чудо, что мы с уважением относимся к желанию каждого из нас побыть в уединении! Много раз в прошлом я пытался добиться от своих женщин такой же свободы, но каждый раз, когда я говорил, что хочу побыть в одиночестве, я слышал привычные вопросы: «Что случилось? Ты меня разлюбил? Тебе плохо со мной? Я сделала что-то не то? Если я тебе надоела, так прямо и скажи, никаких проблем...» Если же они ничего не говорили мне, то все равно в воздухе витали напряжение и неловкость. словно я выиграл бонус, но, как порядочный человек, обязан был продолжать игру.

Мы с Франческой установили домашние телефоны в своих квартирах. Только у меня есть ее номер, и только она знает мой. Когда нам хочется отдохнуть, мы отключаем мобильный телефон, а если возникает нужда срочно связаться друг с другом, то всегда можно позвонить на домашний номер. Я, правда, дал номер своего телефона еще отцу и сестре, но они знают, что могут звонить мне только в случае крайней необходимости. А Франческа свой номер родителям так и не дала. Все же надо сказать, что с тех пор, как Франческа начала вести новую жизнь и разобралась в порядках, установившихся в ее семье, отношения дочери с родителями изменились. Франческе уже не надо было ждать одобрения и согласия родителей, и благодаря этому улучшились отношения в семье.

Теперь Франческа полагается только на собственное мнение. Став независимой, она перестала спорить с матерью и отцом.

Как-то вечером, рассказывая о своей семье, она спросила у меня:

— Какую музыку ты слышишь в этой комнате?

В комнате было тихо.

— Я не слышу никакой музыки, — ответил я.

— Нет, комната наполнена звуками, но, чтобы их услышать, надо поставить специальное оборудование. Если бы здесь были стерео или приемник, мы сумели бы воспроизвести звуки нашей комнаты. Ты даже не представляешь, сколько здесь звуков — весь дом пропитан музыкой.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что это похоже на проблемы, возникавшие в моей семье. Я требовала, чтобы они слушали музыку, а у них не было даже наушников. Вместо того чтобы понять это, я только увеличивала громкость, но так ничего и не добились...

Франческа поднялась с дивана, включила мой старенький приемник и стала крутить ручку настройки.

— Теперь ты слышишь, сколько здесь музыки?

Мне очень понравился этот образ, так что я пару раз обыграл его в разговоре с приятелями. Когда, например, при встрече со знакомыми я говорил, что мы с Франческой ждем ребенка, но при этом живем раздельно, многие меня не понимали. Им казалось, что наша любовь не так крепка, как в их семьях. Они считали, что если мы не желаем до конца соединить наши жизни, если мы стремимся оставить для себя маленькую отдушину или лазейку, то этим мы подрываем наши чувства. Но мы с Франческой разделяем между собой все, что у нас есть общего, что нас обоих устраивает, — все остальное принадлежит каждому из нас. Если кому-то из нас захочется перемен, мы не будем этому противиться, но никто не может принуждать другого. Кто сказал, что жизнь под одной крышей объединяет семью? В прошлом мне приходилось делать то, что мне не хотелось, или толкать на это женщину, которая была со мной. Иногда сама женщина поступала так, думая угодить мне. В самом худшем случае один из двоих пытался изменить жизнь другого. Я же не хочу менять то, что не могу принять в Франческе; она так же поступает в отношении меня.

Например, мне не нравится отдыхать в кемпингах. Я туда, в общем, никогда и не ездил. По мне, лучше провести отпуск в полуразвалившейся деревянной хижине, но жизнь в палатке не для меня. А Франческа, наоборот, любит отдыхать на природе. Она ребенком ездила с семьей в туристические лагеря. Я совсем не хочу, чтобы она отказывала себе в таком отдыхе, но и ехать с ней не собираюсь. Поэтому, как это случилось в прошлом году, она поехала в лагерь одна со своими знакомыми, такими же любителями этого вида отдыха.

«Вы отдыхаете отдельно? Вы поссорились? Если она тебе дорога, ты, несмотря ни на что, должен был поехать с ней. Порой надо идти на компромиссы. Если один из супругов не согласен пожертвовать своими интересами ради другого... Ты законченный эгоист, тебе нельзя жить с другим человеком. Ну что за радость проводить отпуск отдельно?..»

Сколько похожих слов мы слышали от посторонних людей. Я и Франческа любим друг друга, но каждый из нас принадлежит самому себе, поэтому нас и тянет друг к другу. Как можно желать получить что-то, если у тебя это уже есть? Нельзя обладать другим человеком, но можно тешить себя иллюзией этого.

Позавчера, например, Франческа сказала мне, что ей хочется побыть одной, прислушаться к ребенку у нее в животе. Мне приятно знать, что рядом со мной есть женщина, с которой я могу говорить о таких вещах. Я остался дома, вытащил из кладовки коробку со старыми пластинками и начал их разбирать. Сколько воспоминаний хранят в себе эти виниловые диски! Разобрав пластинки, я решил записать для Франчески компакт-диск. Свою компиляцию я назвал «Жизнь рядом с тобой».

Еще я написал для нее короткое стихотворение — я уже успел увлечься поэзией.

Капли ожидания
Стекают по стеклу моих решений.
В тебе скрытое тепло
Нашего будущего,
В тебе моя уверенность в том,
Что я не жил, пока тебя не встретил.

На следующее утро я принес Франческе горячие рогалики и плоды моих ночных раздумий. Ничто не обязывает меня и Франческу быть вместе, это не само собой разумеющийся факт, поэтому мы с большим трепетом относимся к нашим встречам. Ведь они являются результатом нашего выбора, сделанного сейчас, сегодня, а не несколько лет назад. Когда я просыпаюсь утром и вижу возле себя Франческу, я точно знаю: она рядом, потому что она хочет этого, а не потому что живет в этом доме. И никто из нас не откажется от чудесного наслаждения, которое охватывает нас при пробуждении рядом с любимым человеком. Мы даже не хотим, чтобы такое необыкновенное и волнующее мгновение, когда, открывая глаза, видишь рядом с собой желанного человека, превращалось у нас в привычку. Никто из нас не хочет лишаться себя чудесных ощущений, когда мы, повинувшись зову природы, тянемся к любимому человеку и чувствуем тепло его тела.

Когда в прошлом у меня случалась достаточно продолжительная связь с женщиной, которая часто оставалась ночевать в моем доме, утром я нередко оставался в постели, притворялся спящим и ждал, когда она уйдет, чтобы потом одному спокойно расхаживать по своей квартире. Раньше не раз бывало, что всего после нескольких дней, проведенных вместе с какой-нибудь женщиной, меня уже начинал раздражать звон ложечки, которой она размешивала сахар в кофе.

По утрам мы с Франческой редко рассказываем друг другу, что нам приснилось ночью. Но зато в те вечера, когда мы ложимся спать вместе, мы часто, перед тем как заснуть, говорим о том, что хотели бы увидеть во сне. Это нам больше нравится. А еще нам очень нравится просыпаться в одиночестве. Глубина нашего чувства не связана со словом «навсегда».

Да, сейчас мы хотим этого, но наше желание не в силах заставить нас думать, что так будет всегда, до тех пор, пока смерть не разлучит нас. Думать так было бы слишком просто, все равно что говорить: я нашел человека, с которым готов прожить всю жизнь. Мы же предпочитаем всю жизнь прислушиваться друг к другу. Мы не расточаем нашу любовь, а храним ее и каждый день вносим в наше чувство новые нотки. Ведь мы каждый день покупаем свежий хлеб в одной и той же булочной. У нашей любви, как и у хлеба, такой же манящий запах.

Мы живем вместе, чтобы делиться друг с другом нашим внутренним миром. Мы вынуждены жить вместе, чтобы взаимно питать друг друга. Теперь я поступаю совсем не так, как поступал раньше. Прежде мне часто приходилось заставлять себя поддерживать близкие отношения с какой-нибудь женщиной.

Я и Франческа живем в разных квартирах, и это обстоятельство позволяет нам общаться по телефону и приглашать друг друга в гости. Я знаю, это глупо, но мне приятно думать, что вот в эту минуту она у себя дома готовится к встрече со мной.

Однажды утром я открыл глаза и увидел, что Франческа сидит на краю постели. Она смотрела в окно. Я видел только ее спину и часть лица. В ее облике было столько женственности, что у меня перехватило дыхание. Она сидела обнаженной. Любовь служила ей покровом. Я молча лежал, замороженный этим романтическим зрелищем. Потом Франческа встала и пошла к открытому окну, но, прежде чем прикрыть оконную створку, она в течение нескольких секунд задержалась у окна, глядя на улицу. То утро и образ обнаженной Франчески так часто всплывали в моей памяти, что я не мог устоять перед желанием купить ей платье, которое будет мне напоминать о том дне. Я выбрал для нее платье цвета лепестков цикламена, с рисунком той же расцветки, только другого тона.

Как-то утром, прежде чем сесть за книгу и привести в порядок свои бумаги, я решил сходить за покупками. В тот день работал рынок. Мне нравится ходить на рынок. Когда я иду туда за продуктами, я вначале предпочитаю осмотреться и, ничего не покупая, прохожу между торговыми рядами, а потом возвращаюсь назад и беру то, что мне нужно. Я считаю, что к покупке овощей, зелени и сыра следует относиться серьезно.

По дороге домой, купив все, что мне нужно, я люблю смотреть, как высовываются из пакета стебли сельдерея. Не знаю почему, но мне очень нравится зеленая шапка листьев на его стеблях. Еще мне нравится, как торчат из сумки французские багеты. Я переехал бы в Париж только из-за этого зрелища. Мне нравится все, что выглядывает из пакетов.

Я позвонил Франческе; мне хотелось узнать, сможет ли она пойти за продуктами вместе со мной, ведь рынок находился сразу за книжным магазином, и я надеялся, что она сумеет выкроить полчаса. Я позвонил ей, потому что все, что мы делаем вместе, становится для меня приятнее в сто раз. Франческа, по-моему, это женщина, с которой любой мужчина с радостью пройдет по торговым рядам.

— Привет, Франческа, ты не сходишь со мной на рынок?

— Когда?

— Месяца через два... А ты как думаешь?

— Я сейчас не могу, ты же знаешь, у нас по утрам завал на работе. Лучше скажи, ты сегодня вечером свободен? Я хочу пригласить тебя на ужин.

— Да, свободен, но только после девяти. Если хочешь, можем встретиться прямо в ресторане. Ты куда меня поведешь?

— В «Кашинетто».

— Ничего себе, романтический ужин, столик с видом на огни вечернего города... Ты в меня влюбилась, хочешь меня закадрить и заманить в свои сети? А ты наденешь платье, которое я тебе подарил?

— Не могу, у меня нет подходящих туфель.

— А ты приходи босиком и подожди меня. Я тебе их принесу.

Она знает, что я просто балдею, когда покупаю женские туфли. Сколько же я их раздарил... я, наверное, чаще покупал женские туфли, чем мужские ботинки. Если бы я был женщиной, мой дом был бы завален обувью. Мне нравится ходить по магазину и выбирать женские туфли, я люблю помогать своей подруге примерять туфли, люблюсь ими, глядя, как они сидят на женской ноге. Франческа это знала и, я уверен, сказала мне об этом нарочно.

— Кстати, Франческа, я сегодня утром выбросил наши зубные щетки — ты не купишь новые?

— Но ты же идешь на рынок — разве тебе не проще их купить?

— Если я буду знать, что это ты купила щетки, то два раза в день буду обязательно думать о тебе. Ну хорошо, я сам их куплю. Тогда встречаемся в половине десятого в «Кашинетто». Пока, пока.

— Пока.

Не идти мне сегодня на рынок с Франческой.

Подумать только, ведь когда-то лишь одна мысль о том, что в моем доме будет находиться чужая зубная щетка, если не считать Федерико, приводила меня в ужас.

Франческа помимо зубной щетки оставляет у меня дома фен, бюстгальтеры, трусики и колготки. Кроме этого еще кое-что из одежды, чтобы было что надеть утром, если вечером она остается у меня.

Я заглянул в обувной магазин выбрать для нее пару туфель.

Когда я пришел в ресторан, она уже ждала меня там, босая и потрясающе красивая. Она намеренно оделась так, как мне нравится. Подаренное мной платье оставляло открытыми ее плечи, волосы она подобрала вверх и надела серьги. У нее было много красивых сережек, которые она покупала у местных ювелиров-ремесленников во время наших поездок по разным странам. Туфли ей очень понравились. Мы ужинали с вином. Мне очень нравится сидеть за столом с бокалом красного вина в руке. Движения Франчески были замедленны, она подносила бокал к губам, блистая белоснежной улыбкой.

— Черт, я же забыл о щетках!

В конце ужина, перед кофе, она попросила меня встать из-за стола, мы подняли бокалы и, взявшись за руки, вышли на площадку перед рестораном, где я оставил машину. Я открыл дверцу машины и включил песню Виничио Капоссела «С розой».

Мы начали танцевать среди припаркованных машин. Я, как обычно, склонился к шее Франчески; я целовал ее шею, целовал плечи, нежно покусывал уши. Одним словом, я, как часовой, отправился в свой привычный ласковый обход. Признаюсь, несколько раз я даже погладил ее ниже спины. Потом мы поили друг друга вином изо рта в рот, а затем Франческа шепотом, едва касаясь губами моего уха, спросила, люблю ли я ее, добавив, что мой ответ ей и так уже известен. Я сказал, что не люблю, и она парировала: «Я тоже нет».

Мы улыбнулись, и она прошептала мне на ухо: «Ты будешь самым сексуальным в мире папой... я беременна».

О своей реакции я уже писал. Я опустился на сиденье в машине, потому что ноги мне отказали. А из динамика продолжали раздаваться слова песни: «Так принеси мне, принеси самый прекрасный цветок, он сохранится дольше, чем твоя любовь к себе...»

Когда мы возвращались домой, она сидела рядом со мной, но я не проронил ни слова. И вдруг по моим щекам тихо скатились слезы счастья.

Мы специально заехали в дежурную аптеку, чтобы купить зубные щетки.

Однажды вечером я и Франческа дали друг другу обещание. Возможно, уникальное в своем роде: мы оба дали слово хранить и защищать нашу любовь. Каждый из нас обещал оберегать наше счастье. Прежде чем спросить Франческу: «Ты счастлива?», я должен был спросить себя: «Я счастлив?» Так же и она должна была поступить. И если что-то в наших отношениях начинало нас настораживать, мы должны были сразу же обсудить возникшие проблемы. Это было грандиозное обещание. Оно требовало от нас полного взаимного доверия, потому что никто, кроме нас, не мог дать более честного ответа.

«Я счастлив? Да, я счастлив».

Над городом пошел дождь. Из окон вестибюля хорошо виден весь парк. Повсюду брызги, ветер, гром и молнии. Меня стало знобить, захотелось натянуть на себя голубой свитер. Кстати, он был бы мне к лицу, потому что я уже успел немного загореть. Несмотря на то что еще шел май, я уже успел погреться под солнцем, к тому же недавно мы целую неделю провели на море. Из экономии мы поехали на море до начала сезона. К тому же скоро нам будет не до поездок.

Дождь льет как из ведра, и под напором ветра дерево напротив меня раскачивает ветками, как вдавывая в иступление танцовщица. Моя мать рассказывала мне, что в час моего рождения была сильная гроза. Совсем как сейчас. Больше всего в рассказе мамы меня восхищала история о том, что из-за грозы, как раз в тот момент, когда я стал выбираться на белый свет, а акушерке оставалось только еще несколько раз сказать моей матери «тужься», в больнице отключили свет, и врачу с помощниками пришлось светить на мою головку электрическим фонариком. Так, в темной палате, в лучах электрического фонарика, похожего больше на ручной театральный фонарь, я впервые вышел на театральные подмостки. На сцене начинался самый прекрасный спектакль под названием «Жизнь».

«Дамы и господа... занавес поднимается».

Дождь тем временем прекратился. Я вплотную подошел к окну. Пока я пытался разглядеть, что дождь и ветер натворили в больничном саду, я заметил на стекле, прямо против своих глаз, стекающую вниз крупную каплю воды. Я следил за ней взглядом, пока она катилась вниз. Вдруг капля замерла и разделась на две маленькие капли, каждая из которых потекла по своей дорожке, иногда опережая другую, иногда отставая от нее, а иногда застывая на миг на месте. Спустя несколько мгновений капли сблизилась и снова слилась в одну большую, как и раньше, каплю, и та стремительно скатилась вниз. Такой же путь проделали и мы с Франческой. Мы сблизилась, потом расстались, каждый из нас пошел своим путем, чтобы потом вновь слиться и следовать далее.

Мы оба упали ввысь.

26 Тебе Лучше Завязать С Наркотиками

Несколько месяцев назад я написал статью о гостинице Софи и сумел пристроить материал в один толстый журнал. Вместе со статьей ежемесячник опубликовал две фотографии. Я горжусь своей работой. В статью я вложил много любви. Софи по электронной почте поблагодарила меня, так как после моей статьи она получила множество заказов с просьбой забронировать номер. Это меня очень обрадовало. Я чувствовал, что сделал что-то хорошее и полезное для людей. Для Софи, которая давно это заслужила, и для незнакомых мне людей, которые поедут на остров и откроют для себя незабываемые места.

Софи прислала мне также фотографии Анджелики. Сейчас ей уже два года. Она удивительно похожа на своего отца. Кто знает, будет ли и моя дочь похожа на меня? Я пытаюсь представить себе Аличе в разных возрастах. Когда я впервые увижу ее, когда ей исполнится пять лет, потом двадцать и, наконец, когда она превратится в женщину. Надеюсь, я и Франческа доживем до того времени, когда она повзрослеет.

Мои представления о собственной старости не меняются уже много лет. Я вижу себя стариком в деревенском доме. Зима, в комнате горит камин, в вечерней мгле светятся окна в доме. Я вижу пестрые лоскутные покрывала, такие же, какие были у моей бабушки. Я вижу себя весной на огороде, летом в поле, я встаю с зарей, чтобы насладиться утренней свежестью.

Даже если моя старость будет не такой, мне нравится греться в лучах этих образов. Мне хотелось бы стать одним из тех умудренных жизнью стариков, у которых для всех найдется ласковое, ободряющее слово. Я об этом рассказал Франческе. Она спросила у меня, находится ли также для нее место в моих мысленных картинах. Вижу ли я ее? Тогда я закрыл глаза и стал искать ее в моем воображаемом доме. В поисках ее я обошел все придуманные мной комнаты, в некоторых из них я для надежности даже зажигал свет. Пока я описывал ей то, что попадалось мне на глаза, я замечал много новых подробностей, но Франческу в доме так и не нашел. Тогда я вышел из дома и продолжил поиски в саду, но и там не обнаружил следов Франчески. Я подошел к клумбе; когда я наклонился, чтобы сорвать цветы, я заметил, что у меня свободна только одна рука, потому что другой я вел за собой Франческу. Она послала меня к черту.

Я жду не дождусь, когда же услышу, как перед нашим домом зашуршит гравий под колесами машины Аличе, когда она приедет нас навестить. Будем надеяться, что она с первой попытки сдаст экзамен на права.

Пока у меня в голове проносились все эти образы, из двери вышла акушерка и сказала, что Аличе уже родилась и я могу пойти посмотреть, как ее будут купать. Акушерка сообщила это таким обыденным тоном, словно это было совершенно нормальное дело. Черт возьми, но я к этому еще не готов! Сердце мое отчаянно заколотилось. Я вошел в палату, она была там. Она — это Аличе. Живая капля любви. Безбрежный океан. Любой, кто заглянул бы в эту минуту в мои глаза, увидел бы, как трепещет моя душа.

Трудно передать, что я испытывал в тот миг, потому что, честно говоря, едва я увидел малышку, я перестал что-либо понимать. Я только помню, что сразу признал в ней что-то свое, то, что принадлежало мне и было моментально узнаваемо. В ней было что-то родное, наше, семейное. Я уже чувствовал, что с этим существом меня связывают близкие отношения. Она мне безумно понравилась. Она родила во мне ощущение, что это *навсегда*, о чем я раньше не мог не только говорить, но и подумать. Акушерка спросила меня, не хочу ли я запеленать дочку.

— Нет, лучше вы это сделайте, я даже не знаю, с чего надо начинать, — ответил я.

Запеленав девочку, акушерка передала сверток мне в руки. Я испытал бесконечную радость. Сильней наркотика в мире не найти. Земля поплыла под ногами, потому что на мгновение перестала вращаться вокруг своей оси, потом с легким шипением вновь возобновила свое движение.

Мы вошли в палату, где лежала Франческа. Волнение, отпечатавшееся на ее лице, делало ее прекрасной. Я оставался с ней и дочкой, впитывая в себя их запах, до тех пор, пока это было возможно.

Пришло много народа взглянуть на новорожденную. Кто-то улыбался, кто-то всплакнул. Мой отец стал дедушкой; глядя на Аличе, он прослезился. Моя сестра плакала, плакала и Мариэлла, а Джузеппе все поздравлял нас и говорил, что скоро он будет играть с Анджеликой. Родители Федерико решили перебраться в Кабо-Верде, чтобы побыть несколько месяцев с внучкой. Софи сняла для них дом на полгода. Она пригласила и меня с Франческой, и мы, конечно, как только сможем, поедem туда.

Пока что я написал ей письмо. Франческа помогла мне перевести его на французский. В конверт я вложил фотографии Аличе.

Навестил нас и синьор Валерио, который выглядел довольнее всех, словно и он ощущал себя дедушкой, — да он и был им в какой-то мере.

Счастливы были и родители, и сестра Франчески с сынишкой Давиде, живым и милым мальчиком трех лет. Несколько месяцев назад мы с Франческой были на обеде у ее родителей, на который пришла и ее сестра Роберта с мужем Винченцо и маленьким Давиде. Родители Франчески относятся к тем людям, которые никак не могут понять, почему мы не женимся и не живем вместе, особенно сейчас, когда у нас появилась девочка. Со мной они не очень ласковы, они думают, что это моя блажь, а Франческа согласилась на нее, потому что любит меня и находится под моим влиянием. Я к этому отношусь спокойно.

После обеда я пошел в другую комнату поиграть с Давиде. Там он меня здорово рассмешил, когда мы заговорили о Христе. Глядя на распятие, мальчик спросил у меня, почему Иисус изображен на кресте. Я объяснил ему, что каждый год на Рождество он рождается и каждый год накануне Пасхи умирает.

— Значит, Пасха уже прошла?

— Нет, до Пасхи еще несколько месяцев.

— Тогда это прошлогодний Иисус?

Я не знал, что ответить Давиде.

К счастью, он не стал ждать от меня ответа и сразу же сказал мне: «Хорошо, если не убьют того, кто в этом году родился».

Когда он вместе с мамой, дедушкой и бабушкой вошел в комнату посмотреть на Франческу и Аличе, он

поздоровался со мной, а через минуту спросил, буду ли я с ним играть.

В тот момент я не мог пойти поиграть с ним.

Я вышел на минуту забрать вещи Франчески из машины. По дороге я присел на скамейку в парке перед больницей. Скамья была еще довольно сырой, хотя уже ярко светило солнце. Остро пахло мокрой листвой и травой. Я в первый раз подумал об Аличе, обращаясь в памяти к ее образу. Вспомнил я и о своей матери.

Ночью я посидел немного дома, но сон не приходил ко мне, и я вышел на улицу.

Я без цели кружил на машине по городу, слушая свои любимые песни. Остановившись перед светофором, я захотел крикнуть всем, кто мог меня услышать, что у меня родилась дочь.

Один раз я так и поступил. Я опустил вниз стекло и крикнул водителю встречной машины: «У меня только что родилась дочь, я стал отцом!»

Молодой парень немного недоверчиво посмотрел на меня и сказал: «Тогда тебе, наверное, лучше завязать с наркотиками».

27 Чудесное Приключение

Однажды у меня случился приступ почечной колики. Говорят, что после родов это вторая наиболее сильная и мучительная боль. По-моему, Франческа не испытывала такой боли, как я во время приступа. Была минута, когда мне почти хотелось умереть. У Франчески роды прошли без осложнений, она родила Аличе, а я с дикими потугами и муками произвел на свет маленький камень. Разве мне дано соперничать с женщиной?

После того как я перенес приступ, моя жизнь вернулась в привычную колею, а у Франчески после рождения Аличе не осталось больше времени для себя. Вначале она просто перестала существовать как личность или женщина. Она стала только матерью. Ей пришлось отказаться от себя. Вся ее жизнь была полностью посвящена Аличе. И в моей жизни тоже произошли перемены, но они были ничто по сравнению с тем, что выпало Франческе. Первые полтора месяца она кормила Аличе каждые три часа. Франческа была совершенно измотана. Ходила по дому с огромными грудями и ежеминутно была готова к кормлению. Временами она казалась мне индийской богиней. После полутора месяцев она кормила Аличе уже каждые пять часов. А ночью вообще перестала кормить, так мне кажется... хотя точно я уже не помню. Может быть, так стало со второго месяца... разве тут припомнишь? Франческа начала немного отсыпаться. Я старался ей помогать, чем мог. Ходил по магазинам, готовил, стирал, менял пеленки, укачивал дочку, помогал ей переварить пищу и пропукаться. Три или четыре раза сгибал и прижимал к груди ее ножки, как будто заряжал мортиру, а потом Аличе действительно выпускала свой маломощный заряд.

Иногда у нее случались рези в животе, и она плакала. Нам с трудом удавалось ее укачать, но однажды мы обнаружили, что в машине, после нескольких километров дороги, она обычно засыпала. Сколько раз вечером или даже ночью нам приходилось бесцельно кружить на машине по городу. Такие поездки мало напоминали нам наши пешие ночные прогулки, но все равно нам это нравилось. Появился повод изучать город несколько необычным способом.

Франческа рассказала мне, что она испытывала до и после родов. Например, она сказала, что после родов у нее возникло ощущение пустоты. Она перестала носить в себе Аличе, и от этого ей казалось, что из нее что-то вырвали. Как же я завидую женщинам из-за того, что они могут испытывать эти ощущения. Но Франческе на самом деле надо было отдохнуть. В последние месяцы она буквально вымоталась. Ей нужно было восстановить силы, но прежде всего воспрянуть духом. Вновь стать самой собой, воскресить в себе свою женственность, снова почувствовать себя женщиной, а не только матерью. Ей надо было снова ощутить себя неповторимой личностью. В общем, речь шла не только об ее физическом самочувствии.

Когда после семи месяцев Франческа перестала кормить Аличе грудью, мы решили, что ей было бы неплохо поехать отдохнуть. Об Аличе я сам мог позаботиться. Я уже научился за ней ухаживать.

Надо сказать, что с появлением Аличе ожила и моя сестра. Рождение моей дочки послужило хорошим поводом для нашего сближения. Несколько месяцев назад моя сестра решила, что будет жить самостоятельно, и я помог ей с переездом и устройством в новом доме. Мы с сестрой никогда не ссорились, просто прежде нам было трудно общаться друг с другом, найти общий язык. Сейчас мы с ней выстраиваем новые отношения, часто перезваниваемся, я нередко прихожу к ней на ужин или она навещает меня. Общаясь с сестрой, я обнаружил в ней много таких черт, о существовании которых даже не подозревал. Сестра много помогает нам с Аличе, она оказалась не только любящей и заботливой, но и практичной теткой, что нам было необходимо в первую очередь.

Я рад, что у меня восстановились хорошие отношения с семьей. Мне это очень приятно.

К сожалению, поездка Франчески осложнялась тем, что между ней и Аличе образовалась тесная связь, разлука оказалась тяжелой не столько из-за отсутствия физического контакта, сколько с эмоциональной точки зрения.

Многие молодые мамы отказываются оставлять своего ребенка другим людям. Они думают, что только они могут успокоить малыша, только они могут понять, не болит ли у него что-нибудь, они считают себя незаменимыми. Отчасти они правы, но не во всем. Нередко такое поведение матери связано с распределением ролей в семье. Франческа же мне доверяет. Она все-таки не побоялась на десять дней уехать на отдых. Вначале она собиралась поехать к Софи, но потом предпочла отправиться туда, где ее никто не знал, чтобы полностью оторваться от привычного мира.

Она полетела в Мексику.

Я с Аличе проводил ее в аэропорт. Франческа расплакалась, когда прощалась с нами у выхода на посадку. Аличе, сидя в сумке-кенгуру, прижималась к моей груди. Мне всегда тяжело расставаться с Франческой. Разлука сильно действует на меня, и я быстро начинаю тосковать. Не могу дождаться дня, когда она вернется. В машине на обратном пути Аличе, как всегда, сидела в своем кресле на заднем сиденье. Я мог видеть в зеркале заднего вида, как она озирается по сторонам, пожевывая свою

резиновую рыбку. Все эти дни я провел в доме Франчески, потому что там были вещи Аличе. Иногда днем она спала у меня дома, потому что я хотел, чтобы она послушала мою любимую музыку. Когда Аличе подрастет, у нее будет два дома. Временами мы будем жить вдвоем в одном доме, временами она будет только с Франческой, а в другой раз со мной.

Когда ребенок остается только с одним из родителей, он общается с ним совсем по-другому, более доверительно. Он разговаривает с ним так, как никогда не говорит, когда напротив него сидит и отец, и мать. Если ребенок остается наедине с матерью, он разговаривает с одной интонацией, но когда рядом появляется отец — интонация меняется. Роли родителей становятся определеннее и четче, если все трое находятся в одной комнате.

С Франческой я каждый день разговаривал по телефону, и вначале она говорила мне, что испытывала странные ощущения. У нее возникало впечатление, будто она вернулась к жизни после долгого сна и почти полностью отвыкла думать о себе и о своих потребностях. Она тяжело переносила разлуку с нами, мы так же сильно скучали по ней, но, поскольку со мной и Аличе все было в порядке, Франческа понемногу привыкла не тревожиться за нас каждую минуту.

Она сказала, что счастлива за себя и за меня, счастлива за наш выбор, счастлива в нашей совместной жизни.

Я тогда попросил ее передать от меня привет морю, а потом спросил, окликают ли волны ее и в Мексике.

— Что значит *окликают*? — спросила она с недоумением.

— Обычно, когда морская волна накатывает на берег и уходит назад, в ее шуме слышится «фраааа», — пояснил я, — морской прибой словно обращается к тебе... поэтому я всегда думал, что он к тебе равнодушен.

Она заявила, что я кретин.

Когда Франческа была в Мексике, с нами произошла одна очень странная история.

Не знаю, было ли это просто случайным совпадением или чудом. Так или иначе, происшедшая с нами история была настолько божественной, что я, вероятно, могу назвать ее чудом. Однако вдаваться во все эти тонкости мне не очень интересно.

Этот случай в чем-то похож на тот, когда я увидел Федерико на диване в своей комнате. Я так и не понял, было ли то, что произошло, галлюцинацией.

Я помню, как после смерти моей мамы я часто просыпался по ночам, потому что мне казалось, что кто-то гладит меня по голове, и я думал, что это она.

Так вот, однажды, пока Франческа отдыхала в Мексике, мне приснилось, что мы с ней занимаемся любовью. Проснувшись, я не шевелясь, остался лежать в постели, чтобы до конца насладиться чудесным видением. Бывают сны, в которых, как нам кажется, все происходит на самом деле. Они удивительно реальны. Мой сон был бесконечно долгим. И я чувствовал, что действительно ласкал Франческу, а потом ею овладел. Я помнил все. Поцелуи, объятия, ласки, нежный шепот. И когда я проснулся утром, все это оставалось еще живо во мне.

Аличе спала в своей кроватке, и, хотя было уже восемь утра, дочурка, как ни странно, еще не проснулась. Мои мысли прервал негромкий звук вибровонка мобильного телефона, звуковой сигнал которого я отключил. Звонила Франческа.

— Ты почему не спишь? У нас сейчас восемь, значит, у вас уже два ночи...

— Я легла спать в одиннадцать и недавно проснулась. Аличе спит?

— Да, как ни странно, пока еще спит.

— Я тебе позвонила, потому что мне захотелось услышать твой голос. Я видела необычный сон.

— Страшный?

— Нет, мне снилось, что мы любим друг друга. А когда я проснулась, у меня было такое ощущение, будто мы на самом деле занимались любовью.

Я не знал, что на это сказать.

— Франческа, я видел такой же сон, и, когда я проснулся, у меня было точно такое же ощущение.

Вначале она не поверила, но потом поняла, что я говорил серьезно.

В наших снах мы были в моем доме, и, за исключением некоторых подробностей, сны у нас были одинаковые. Что все это означало? Мы на самом деле занимались любовью в другом измерении, в нематериальном пространстве? Что мы пережили это?

Не знаю, но я был твердо уверен, что буду любить Франческу даже за самыми мыслимыми пределами.

Домой Франческа вернулась отдохнувшей и загорелой, кожа ее пахла морем и солнцем.

Пока Аличе спала, мы с Франческой занимались любовью, а после ужина вместе с дочкой легли спать в одну постель.

Пока сон не сморил меня, я смотрел на Франческу и Аличе, лежавших рядом. Мне казалось невероятным, что я и Франческа произвели на свет это крошечное существо, мирно спавшее на животе возле меня. Ну ладно, согласен, я только принимал в этом участие, основной труд выпал на долю Франчески.

Для нас Аличе стала будущим, открывшимся перед нашими глазами. Мы не только желали ее появления, но и сумели этого дожждаться. Позавчера мы вдвоем вышли гулять на улицу, и я зашел в булочную рядом с нашим домом. Стоя перед кассой, я взглянул на дорогу и увидел через стекло витрины Франческу с Аличе на руках. В тот миг мне страстно хотелось, чтобы они на всю жизнь остались со мной.

Я встал с постели, прошел в кухню и выпил стакан молока. Потом сел на диван и задумался, глядя перед собой.

Я думал о том, скольким людям я должен выразить благодарность, как много людей помогали мне в трудные моменты жизни. Я сумел, благодаря им, разглядеть и вывести на свет неизвестную мне часть самого себя, которая принесла мне спасение. Человек, пришедший мне на помощь, был во мне.

Когда Федерико вернулся из своего долгого путешествия, и я, и Франческа не раз спрашивали его, был

ли он счастлив, нашел ли он свое счастье или, по крайней мере, узнал ли, что это такое. Он никогда не отвечал нам определенно, не говорил ни да, ни нет. Я только много позже понял, почему он так поступал. Дело не в том, счастлив ты или нет, — но есть чувство, которое позволяет нам ощущать нашу связь с чем-то таинственным; однажды обретенное, оно никогда больше не покидает нас. Я не знаю, это ли счастье. Я дал бы этому состоянию такое определение: быть в ладу с самим собой и с миром.

Через мгновение я беззвучно заплакал. Казалось, что я оплакивал все на свете. Прекрасную и в то же время жестокую жизнь. Я плакал, вспоминая себя, свою жизнь, я плакал из-за Франчески, Федерико, Софи, Анджелики и Аличе. Из-за того, что мой отец был несчастлив в жизни, а моя сестра постоянно жила в ожидании ласки, но так ее и не получила. Я оплакивал свою мать. Я плакал, потому что наш мир полон самых разных цветов, которые распускаются, когда приходит их время. Я плакал, потому что в жизни есть синее море и волны с белыми гребешками пены, колышущий листву ветер и тихий полуденный зной. Есть кофеварка. Есть тонкий бокал с красным вином, разнообразные фрукты и желтые сладкие перцы. Я плакал навзрыд из-за каждого заката и каждого рассвета, из-за каждого поцелуя и каждой осушенной слезинки. Я плакал, потому что иногда красота возвращается к нам, а вечером нас ждет дорога, ведущая к дому. Я оплакивал время, которое никогда больше не вернется. Я оплакивал то, что заставляло трепетать сердце каждого из нас, то, что останавливало наш взгляд. Я плакал, вспоминая походку моего дедушки и его старческую хандру.

Мои слезы вместили в себя все. Я плакал, потому что в моей жизни было много хорошего и много плохого.

В моей жизни, которую я, к счастью, отважился полюбить. В жизни, которую я выбрал для себя и хотел прожить до того часа, пока она не измотает меня настолько, что мне захочется обрести немного покоя. Пока меня, как в детстве, не сморит сон на заднем сиденье машины на обратной дороге домой, когда я, смертельно усталый после целого дня, заполненного играми, возвращался с семьей от дедушки с бабушкой. И, засыпая, ждал, когда мама снова возьмет меня на руки и отнесет наконец домой, после окончания этого чудесного приключения.

~ ~ ~

«Как можно относиться к женщине на основании возраста, указанного в ее паспорте? Это все равно что определять красоту цветка по длине его стебля или ширине лепестков».

«Мы не расточаем нашу любовь, а храним ее и каждый день вносим в наше чувство новые нотки. Ведь мы каждый день покупаем свежий хлеб в одной и той же булочной. У нашей любви, как и у хлеба, такой же манящий запах».

«Запах близкого человека волнует сильнее, чем сотня фотографий. Только запах, как и боль, со временем исчезает».

«Я понял, что обратная сторона любви — это вовсе не ненависть. Ненависть — это отсутствие любви, так же как темнота — это отсутствие света. Антиподом любви является страх».

«Мне нравятся женские губы. Я люблю губы за их цвет, их рисунок, их нежность. Я люблю их, потому что женщины не позволяют прикасаться к ним, если говорят „я тебя ненавижу“, и зовут слиться с ними, когда шепчут „я тебя люблю“»

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Сноски

Примечания

1

Женщина с даром обаяния (*португ.*). — *Примеч. пер.*

2

Баджо, Роберто (р. 1967) — итальянский футболист, один из наиболее технически одаренных и популярных футболистов 1990-х годов. — *Примеч. пер.*